

ISSN 1998-1627

Economics and Management

ЭКОНОМИКА и управление

российский научный журнал | russian academic journal

**ТЕМА
НОМЕРА**

№7(165)

2019

УРОВЕНЬ БЕДНОСТИ КАК КРИТЕРИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ РФ

Формирование условий безопасности
институциональной среды экономики
и социальной сферы

Разработка продуктовых
и технологических инноваций

Экономика и управление

Редакционная коллегия

Главный редактор
О. Г. СМЕШКО
д-р экон. наук, доцент

Заместитель главного редактора
Г. А. КОСТИН
д-р техн. наук, доцент

Научные редакторы
В. А. ПЛОТНИКОВ
д-р экон. наук, профессор
С. А. БЕЛОЗЁРОВ
д-р экон. наук, профессор

Начальник издательства
О. В. ЯРЦЕВА

Литературный редактор-корректор
Е. С. ЧУЛКОВА

Перевод
при участии ООО «ЭКО-ВЕКТОР АЙ-ПИ»
<http://eco-vector.com>

Верстка
Е. О. ЗВЕРЕВА, М. Ю. ШМЕЛЕВ

Дизайн обложки
Т. Л. МИСНИК

Фото для обложки

Прямая линия с Владимиром Путиным. 20 июня 2019 года. Москва.
Источник фото: <http://kremlin.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
28.11.2016 г. ПИ № ФС 77-67819

Учредитель издания:
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»
© Все права защищены
ISSN 1998-1627

Издается с 1995 года. Выпускается ежемесячно (12 номеров в год).
Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.
При перепечатке ссылка на журнал «Экономика и управление» обязательна

Адрес редакции и издательства
Россия, 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44А
Тел. редакции: (812) 448-82-50, 363-11-69
E-mail: izdat-ime@yandex.ru, izdat@spbume.ru
URL: <http://www.spbume.ru>

Подписано в печать 30.07.2019 г.
Отпечатано в типографии ООО «РАЙТ ПРИНТ ГРУПП».
198095, Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21. Заказ №160.
Тираж 1000 экз. Цена свободная

Журнал «Экономика и управление» получают по адресной рассылке:
Администрация Президента РФ и Правительство РФ, Совет Федерации, Государственная дума, министерства и ведомства РФ, полномочные представители Президента РФ в федеральных округах, главы администраций субъектов РФ, Российская академия наук, научные институты, российские и зарубежные вузы, предприятия, организации и учреждения отраслей народного хозяйства, краевые, областные и районные библиотеки

Подписной индекс 29996 — по каталогу «Роспечати»,
41039 — по объединенному каталогу «Пресса России».
Электронная подписка — <http://www.elibrary.ru>

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ПОД НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИМ РУКОВОДСТВОМ ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РАН

Редакционный совет

А. Г. АГАНБЕГЯН
заведующий кафедрой экономической теории и политики
РАНХиГС при Президенте РФ, д-р экон. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

Л. А. АНОСОВА
начальник Отдела — заместитель академика-секретаря
Отделения общественных наук РАН по научно-организационной
работе, д-р экон. наук, проф.,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. БЕРГМАНН
вице-президент Европейской академии наук и искусств,
член правления Форума «Петербургский диалог», д-р юрид. наук,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Берлин, Германия)

Р. С. ГРИНБЕРГ
научный руководитель Института экономики РАН, д-р экон. наук,
проф., член-корреспондент РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

И. И. ЕЛИСЕЕВА
заведующий сектором Социологического института РАН,
д-р экон. наук, проф., член-корреспондент РАН, почетный
профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

В. В. ИВАНТЕР
научный руководитель Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, д-р экон. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. Л. КВИНТ
руководитель Центра стратегических исследований ИМИСС МГУ
им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой финансовой стратегии
МШЭ МГУ, д-р экон. наук, проф., иностранный член РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

А. А. КОКОШИН
декан факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова,
д-р истор. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. Л. МАКАРОВ
научный руководитель Центрального экономико-математического
института РАН, д-р физ.-мат. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. В. ОКРЕПИЛОВ
руководитель Центра региональных проблем экономики качества
ИПРЭ РАН, член Бюро Отделения общественных наук РАН,
д-р экон. наук, проф., академик РАН, засл. деят. науки и техники РФ,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

Б. Н. ПОРФИРЬЕВ
директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН,
д-р экон. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

О. Д. ПРОЦЕНКО
советник ректора РАНХиГС при Президенте РФ, д-р экон. наук, проф.,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. СТРИЕЛКОВСКИ
профессор Карлова Университета в Праге, д-р экон. наук (Прага, Чехия)

Р. М. ЮСУПОВ
научный руководитель Санкт-Петербургского института
информатики и автоматизации РАН, д-р техн. наук, проф.,
член-корреспондент РАН, засл. деят. науки и техники РФ,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

Журнал «Экономика и управление» входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства образования и науки РФ при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Журнал рекомендован экспертными советами по экономике; управлению, вычислительной технике и информатике

СВЕДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ИЗДАНИЙ И ПУБЛИКАЦИЙ, ВКЛЮЧЕНЫ В РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ И БАЗЫ ДАННЫХ ВИНИТИ, ИНИОН РАН И ЕЖЕГОДНО ПУБЛИКУЮТСЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ СПРАВОЧНОЙ СИСТЕМЕ ПО ПЕРИОДИЧЕСКИМ И ПРОДОЛЖАЮЩИМСЯ ИЗДАНИЯМ «ULRICH'S PERIODICAL DIRECTORY». С 2005 ГОДА СТАТЬИ ЖУРНАЛА ВКЛЮЧАЮТСЯ В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ), ДОСТУПНЫЙ В ИНТЕРНЕТЕ ПО АДРЕСУ: [HTTP://WWW.ELIBRARY.RU](http://www.elibrary.ru) (НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА). РИНЦ — БАЗА ДАННЫХ, СОДЕРЖАЩАЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИЮ, ИЗВЛЕЧЕННУЮ ИЗ ТЕКСТА СТАТЕЙ, А ТАКЖЕ ПРИСТАТЕЙНЫХ ССЫЛОК (СПИСКОВ ЛИТЕРАТУРЫ).

Ekonomika i upravlenie (Economics and Management)

Editorial office

Editor-in-Chief

Doctor of Economics, Associate Prof.
O. G. SMESHKO

Deputy Editor

Associate Prof.
G. A. KOSTIN

Editor-in-Science

Prof. V. A. PLOTNIKOV,
Prof. S. A. BELOZEROV

Head of Publishing House

O. V. YARTSEVA

Literary Editors, Corrector

E. S. CHULKOVA

Translation

with the assistance of Eco-Vector Ltd
<http://eco-vector.com>

Makeup

E. O. ZVEREVA, M. Yu. SHMELEV

Cover Design

T. L. MISNIK

Cover Photo

Direct line with Vladimir Putin. June 20, 2019. Moscow.
Photo source: <http://kremlin.ru>

Russian Academic Journal Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media ROSCOMNADZOR ПИ № ФС77-67819 28.11.2016. The Russian scientific journal is owned by Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics. Publication Frequency: Monthly

Published since 1995. It is published by Publishing house of Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics.

Any correspondence relating to editorial matters should be sent by e-mail to Oleg Smeshko
(E-mail: izdat-ime@yandex.ru)

Contact Details:

Lermontovskiy Ave 44, St.-Petersburg, Russian Federation, 190103
URL: <http://www.www.spbume.ru>

© Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics
ISSN 1998-1627

The regular readers of Economics and Management are the members of the Administration of the President and the Government of Russian Federation, the Council of the Federation, the State Duma of the Russian Federation, Russian President's plenipotentiaries in Federal Districts, Russian Academy of Sciences, Heads of Administrations of all levels and areas, State institutions, Research Centers and libraries

Editorial Council

PROF. A. G. AGANBEGYAN

Head of Department of Economic Theory and Politics of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. L. A. ANOSOVA

Head of Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician Secretary of Department of Social Sciences of RAS, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

PROF. W. BERGMANN

Vice-President of European Academy of Sciences and Arts Letters, Doctor of Law (Berlin, Germany)

PROF. R. S. GRINBERG

Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. I. I. ELISEEVA

Head of Department of Sociology Institute of the Russian Academy of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

PROF. V. V. IVANTER

Scientific Director of Economic Forecasting Institute of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. V. L. KVINT

Head of the Center of Strategic Researches of M. V. Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Financial Strategy of MSU, Foreign member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. A. A. KOKOSHIN

Dean of the Department of M. V. Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. V. L. MAKAROV

Scientific Director of Central Institute of Economics and Mathematics of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. V. V. OKREPILOV

Deputy Chairman of St. Petersburg Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

PROF. B. N. PORFIR'EV

Director of Economic Forecasting Institute of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. O. D. PROTSENKO

Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

W. STRIELKOWSKI

Assistant Professor of Economics, Ph. D., Charles University in Prague (Prague, Czech Republic)

PROF. R. M. YUSUPOV

Scientific Director of St. Petersburg Institute of Informatics and Automation Control of the Russian Academy of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

ECONOMICS AND MANAGEMENT IS PUBLISHED UNDER THE GUIDANCE OF DEPARTMENT OF SOCIAL SCIENCES, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**The journal is indexed RISC, listed in the list of HAC
The full text of the journal is placed on EBSCO's Business Source databases**

Содержание

Актуальные проблемы развития экономики	4	<i>Н. Н. Молчанов, Ю. В. Рыбакова.</i> Методология разработки инновации, основанной на сотворчестве и сопроизводстве	64
<i>В. А. Цветков, К. Х. Зоидов, К. С. Янкаускас, Ш. Кобил.</i> Оценка уровня бедности как критерия социальной составляющей экономической безопасности российских регионов и стран ЕАЭС	4	<i>М. В. Головки.</i> Применение методики сбалансированной системы показателей при разработке государственной антитеневой политики	74
Модернизация экономики регионов	15	Финансово-кредитная сфера	83
<i>А. В. Бабкин, Е. А. Байков.</i> Особенности стратегического управления в инновационных пространственно-распределенных организационно-экономических системах	15	<i>Э. Н. Валиев, Э. Н. Вейсов.</i> Банковский маркетинг: особенности, новые тенденции и перспективы	83
<i>В. В. Кафидов, В. Н. Филиппов, И. П. Филиппова.</i> Проблемы застройки малых и средних российских городов	24	<i>К. Н. Мищенко, Д. А. Шевченко, Г. А. Абрамян.</i> Институты финансовой поддержки бизнеса в контексте повышения конкурентоспособности региональной экономики	89
<i>О. В. Скотаренко, В. И. Бабенков, Ю. А. Никитин, М. В. Кутепова.</i> Проблемы и перспективы развития энергетического комплекса в Арктической зоне Российской Федерации . . .	30	Математическое моделирование, системный анализ	97
<i>С. И. Шаныгин, Е. И. Зуга.</i> Статистика размещения линейных объектов в России (территориально-экономические аспекты)	38	<i>О. В. Воронова, И. В. Ильин.</i> Адаптация ADM метода стандарта TOGAF к разработке и внедрению архитектурных решений в сфере сетевого FMCG-ритейла	97
Государственно-экономическая политика и менеджмент организации	49	События и факты	108
<i>Н. Е. Белова, Л. Г. Ворона-Сливинская, Е. В. Воскресенская.</i> Состояние и перспективы развития саморегулирования строительной индустрии в России	49	Лучшим выпускникам СПбУТУиЭ вручили дипломы с отличием	108
<i>О. Е. Пирогова, В. А. Плотников.</i> Комбинированный подход к оценке человеческого капитала торгового предприятия	56	Представители СПбУТУиЭ приняли участие в Международных форумах по проблемам цифровой экономики	110
		Ректор СПбУТУиЭ Олег Смешко принял участие в работе VI Форума регионов Беларуси и России	111
		Основные условия и требования к оформлению рукописей научных статей, представляемых в РНЖ «Экономика и управление»	112

Contents

Actual Problems Development of Economics	4	<i>N. N. Molchanov, Y. V. Rybakova.</i> The Methodology for Developing an Innovation Based on Co-Creation and Co-Production.	64
<i>V. A. Tsvetkov, K. K. Zoidov, K. S. Yankauskas, S. Kobil.</i> Poverty Assessment as a Social Criterion of Economic Security of Russian Regions and EAEU Countries	4	<i>M. V. Golovko.</i> Application of the Balanced Scorecard Methodology in the Development of the State Anti-Shadow Policy	74
Modernization of the Regional Economics	15	Finances and Credit	83
<i>A. V. Babkin, E. A. Baykov.</i> Specific Aspects of Strategic Management in Innovative Geographically Distributed Organizational and Economic Systems	15	<i>E. N. Valiev, E. N. Veysov.</i> Bank Marketing: Features, New Trends, and Prospects	83
<i>V. V. Kafidov, V. N. Filippov, I. P. Filippova.</i> Problems of Development of Small and Medium Russian Towns	24	<i>K. N. Mishchenko, D. A. Shevchenko.</i> Business Financial Support Institutions in the Context of Enhancing the Competitiveness of the Regional Economy.	89
<i>O. V. Skotareno, V. I. Babenkov, Y. A. Nikitin, M. V. Kutepova.</i> Problems and Prospects of Energy Complex Development in the Russian Arctic Zone.	30	Mathematical Modeling, System Analysis	97
<i>S. I. Shanygin, E. I. Zuga.</i> Statistics on the Allocation of Infrastructural Facilities in Russia (Territorial and Economic Aspects)].	38	<i>O. V. Voronova, I. V. Il'in.</i> Adapting TOGAF ADM to the Development and Implementation of Architectural Solutions in FMCG Chain Retailing	97
State Economic Policy and Business Management	49	Events and Facts	108
<i>N. E. Belova, L. G. Vorona-Slivinskaya, E. V. Voskresenskaya.</i> The Current State and Development Prospects of Self-Regulation in the Russian Construction Industry	49	The Best Graduates of SPb UMTE were Awarded Diplomas with Honors	108
<i>O. E. Pirogova, V. A. Plotnikov.</i> A Combined Approach to Human Capital Assessment at a Trading Enterprise	56	Representatives of SPb UMTE Took Part in the International Forums on Digital Economy. . . .	110
		Oleg Smeshko, Rector of SPb UMTE, Took Part in the VI Forum of Russian and Belarusian Regions.	111
		Basic Conditions and Requirements for Research Articles Submitted to the Russian Academic Journal "Economics and Management"	114

ОЦЕНКА УРОВНЯ БЕДНОСТИ КАК КРИТЕРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ И СТРАН ЕАЭС

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-4-14

УДК 338

Цветков Валерий Анатольевич

*директор Института проблем рынка РАН, член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук, профессор
117418, Москва, Нахимовский пр., д. 47*

Зоидов Кобилжон Ходжиевич

*заведующий лабораторией Института проблем рынка РАН,
кандидат физико-математических наук, доцент
117418, Москва, Нахимовский пр., д. 47, e-mail: kobiljonz@mail.ru*

Янкаускас Константинас Стасисович

*научный сотрудник Института проблем рынка РАН
117418, Москва, Нахимовский пр., д. 47*

Кобил Шабнами

*научный сотрудник Института проблем рынка РАН
117418, Москва, Нахимовский пр., д. 47*

Исследование направлено на изучение методических подходов к оценке уровня бедности как социального показателя экономической безопасности российских регионов и стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Цель. Проанализировать уровень бедности в российских регионах и в соотношении с динамикой показателей неравенства.

Задачи. Рассмотреть проблемы формирования комплексного подхода к оценке уровня бедности в России с целью последующей разработки мер государственной политики, позволяющих добиться его радикального снижения. Провести анализ динамики показателя уровня бедности в странах ЕАЭС, выявив особенности данного явления в государствах, находящих в наибольшей степени экономической интеграции с Россией.

Методология. В ходе исследования применены методы системного анализа, эконометрического анализа, эволюционно-институциональной теории и исторического подхода.

Результаты. Анализ показателя абсолютной бедности в регионах выявил существенную дифференциацию между ними по доле граждан, имеющих доходы ниже черты абсолютной бедности. Во всех странах ЕАЭС уровень бедности сократился за последние двенадцать лет, но динамика этого показателя носит разнонаправленный характер.

Выводы. Нередко в регионах Российской Федерации (РФ), имеющих более низкий показатель абсолютной бедности, наблюдается более высокое значение коэффициента Джини. В государствах ЕАЭС используются разные методики расчета уровня бедности. В перспективе представляется целесообразным унифицировать методику расчета уровня бедности в странах ЕАЭС, создать единый стандарт расчета данного показателя и выработать совместные комплексные меры по его снижению в государствах — членах ЕАЭС.

Ключевые слова: оценка уровня бедности, критерий социальной составляющей, российские регионы, страны ЕАЭС, бедность, неравенство, дифференциация доходов населения, прожиточный минимум, экономическая безопасность.

Для цитирования: Цветков В. А., Зоидов К. Х., Янкаускас К. С., Кобил Ш. Оценка уровня бедности как критерия социальной составляющей экономической безопасности российских регионов и стран ЕАЭС // *Экономика и управление*. 2019. № 7 (165). С. 4–14. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-4-14.

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-310-00298 мол_а).

POVERTY ASSESSMENT AS A SOCIAL CRITERION OF ECONOMIC SECURITY OF RUSSIAN REGIONS AND EAEU COUNTRIES

Valeriy A. Tsvetkov

*Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences (MEI RAS)
Nakhimovskiy Ave 47, Moscow, Russian Federation, 117418*

Kobilzhon Kh. Zoidov

*Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences (MEI RAS)
Nakhimovskiy Ave 47, Moscow, Russian Federation, 117418, e-mail: kobiljonz@mail.ru*

Konstantinas S. Yankauskas

*Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences (MEI RAS)
Nakhimovskiy Ave 47, Moscow, Russian Federation, 117418*

Kobil Shabnami

*Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences (MEI RAS)
Nakhimovskiy Ave 47, Moscow, Russian Federation, 117418*

The presented study examines methodological approaches to poverty assessment as a social indicator of economic security of Russian regions and countries of the Eurasian Economic Union (EAEU).

Aim. The study aims to analyze the level of poverty in Russian regions, including in relation to the dynamics of inequality indicators.

Tasks. The authors address the problems of developing a comprehensive approach to poverty assessment in Russia with a view to further develop public policy measures that would allow for a radical reduction in poverty and analyze the dynamics of the poverty level indicator in the EAEU countries, determining the distinctive features of this phenomenon in the countries that are most economically integrated with Russia.

Methods. This study uses the methods of systems analysis, econometric analysis, evolutionary-institutional theory, and historical approach.

Results. Analysis of the absolute poverty indicator in regions shows a significant disparity between regions in terms of the proportion of citizens with incomes below the absolute poverty line. In all EAEU countries, the level of poverty decreased over the past 12 years, but the dynamics of this indicator is diverging.

Conclusions. It is not uncommon for the regions of the Russian Federation with lower absolute poverty to have a higher Gini coefficient. EAEU countries use different methods for calculating the poverty level. Looking ahead, it seems appropriate to standardize the methodology for calculating poverty levels in EAEU countries, introduce a uniform standard for calculating this indicator, and develop joint comprehensive measures aimed at reducing poverty in EAEU member states.

Keywords: *poverty assessment, social criterion, Russian regions, EAEU countries, poverty, inequality, income disparity, subsistence level, economic security.*

For citation: Tsvetkov V. A., Zoidov K. Kh., Yankauskas K. S., Kobil Sh. Otsenka urovnya bednosti kak kriteriya sotsial'noy sostavlyayushchey ekonomicheskoy bezopasnosti rossiyskikh regionov i stran EAES [Poverty Assessment as a Social Criterion of Economic Security of Russian Regions and EAEU Countries]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 7 (165), pp. 4–14 (in Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-4-14.

Acknowledgements: The study was conducted with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 18-310-00298 mol_a).

Введение

Существующая в России методика оценки уровня бедности не позволяет в полной мере оценить масштаб и структуру этого явления [1]. Очевидна угроза формального выполнения указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в части снижения уровня бедности в два раза к 2024 г. [2]. Сопутствующая проблема — несбалансированность потребительской корзины, на базе которой рассчитывается размер прожиточного минимума,

являющийся основой для определения числа граждан РФ, находящихся за чертой бедности. В настоящее время структура потребительской корзины не учитывает рекомендации по рациональным нормам питания Министерства здравоохранения РФ [3], а также рекомендации экспертов Всемирной организации здравоохранения [4], что не только может исказить показатель реального уровня бедности, но и создает угрозу роста уровня смертности [1].

Для формирования комплексного подхода к оценке уровня бедности в России с целью последующей разработки мер государственной политики, позволяющих добиться радикаль-

Распределение общего объема денежных средств и характеристики дифференциации дохода граждан в России в 1990–2017 гг. [5]

Год	Доход, всего ¹	В том числе по 20-процентным группам населения, %					Децильный коэффициент фондов, раз	Коэффициент Джини
		первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)		
1990	100	9,8	14,9	18,8	23,8	32,7
1995	100	6,1	10,8	15,2	21,6	46,3	13,5	0,387
1996	100	6,1	10,7	15,2	21,6	46,4	13,3	0,387
1997	100	5,9	10,5	15,3	22,2	46,1	13,6	0,390
1998	100	6,0	10,6	15,0	21,5	46,9	13,8	0,394
1999	100	6,0	10,5	14,8	21,1	47,6	14,1	0,400
2000	100	5,9	10,4	15,1	21,9	46,7	13,9	0,395
2001	100	5,7	10,4	15,4	22,8	45,7	13,9	0,397
2002	100	5,7	10,4	15,4	22,7	45,8	14,0	0,397
2003	100	5,5	10,3	15,3	22,7	46,2	14,5	0,403
2004	100	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7	15,2	0,409
2005	100	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7	15,2	0,409
2006	100	5,3	9,9	15,0	22,6	47,2	15,9	0,415
2007	100	5,1	9,8	14,8	22,5	47,8	16,7	0,422
2008	100	5,1	9,8	14,8	22,5	47,8	16,6	0,421
2009	100	5,2	9,8	14,8	22,5	47,7	16,6	0,421
2010	100	5,2	9,8	14,8	22,5	47,7	16,6	0,421
2011	100	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4	16,2	0,417
2012	100	5,2	9,8	14,9	22,5	47,6	16,4	0,420
2013	100	5,2	9,8	14,9	22,5	47,6	16,3	0,419
2014	100	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4	16,0	0,416
2015	100	5,3	10,0	15,0	22,6	47,1	15,7	0,413
2016	100	5,3	10,1	15,0	22,6	47,0	15,5	0,412
2017	100	5,4	10,1	15,1	22,6	46,8	15,3	0,410

ного снижения уровня бедности и выполнения требований указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204, целесообразно проанализировать динамику этого показателя в российских регионах и в соотношении с динамикой показателей неравенства, а также динамику показателя уровня бедности в странах ЕАЭС. Кроме того, важно выявить особенности данного явления в странах, находящихся в наибольшей степени экономической интеграции с Россией.

Сравнительный анализ динамики показателей бедности и дифференциации доходов населения в России

Помимо проведенного сравнительного анализа циклической динамики показателей абсолютной и относительной бедности в России [1] предлагаем изучить и другую группу показателей, связанных с дифференциацией доходов населения. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) рассчитывает следующие показатели неравенства доходов граждан:

- *распределение общего объема денежных доходов населения по 20-процентным группам населения;*
 - *Децильный коэффициент фондов* — показатель, который характеризует, во сколько раз средний уровень денежных доходов 10 % населения с самыми высокими доходами превышает средний уровень денежных доходов 10 % населения с самыми низкими доходами;
 - *коэффициент Джини* — количественный показатель, показывающий степень неравенства различных вариантов распределения доходов, разработанный итальянским ученым-экономистом Коррадо Джини.
- Динамика перечисленных показателей в России показана в таблице 1. Как видно из таблицы 1, с 1990 по 1995 г. произошло заметное перераспределение доходов между первой–четвертой и пятой 20-процентными группами. В итоге в 1995 г. на долю 20 % самых богатых граждан приходилось 46,3 % совокупных доходов — на 13,6 % больше, чем пятью годами ранее. Вместе с тем доходы наименее богатых 20 % граждан сократились за

¹ 1970–1990 гг. — совокупный доход (с учетом стоимости чистой продукции личных подсобных хозяйств населения).

это время на 3,7 %, доходы второй–четвертой 20-процентных групп также снизились в диапазоне от 2,2 до 4,1 %. На протяжении последующих 22 лет структура распределения доходов оставалась практически неизменной, за исключением незначительного снижения доли доходов первой–второй групп (на 0,7 % каждая) и увеличения на 0,5–1 % доли доходов четвертой–пятой групп.

Заметен и рост показателей децильного коэффициента фондов и коэффициента Джини, который происходил с 2001 по 2007 г. За этот период коэффициент фондов увеличился с 13,9 до 16,7 раз, а коэффициент Джини — с 0,397 до 0,422. Согласно сведениям, содержащимся в таблице 1, уровень абсолютной бедности за эти годы сократился с 27,5 до 13,3 % населения. Сопоставление динамики показателей дифференциации доходов и абсолютной бедности позволяет сделать вывод о том, что в 2001–2007 гг. доходы более обеспеченных групп населения росли более высокими темпами, чем доходы малообеспеченных граждан.

Росстатом в указанный период не осуществлялся расчет показателя относительной бедности, но можно предположить, что он увеличивался, как и децильный коэффициент и коэффициент Джини.

С 2008 по 2017 г. произошло некоторое снижение обоих коэффициентов: децильный сократился с 16,7 до 15,3 раз, а коэффициент Джини уменьшился с 0,422 в 2008 г. до 0,410 в 2017 г.

Сравнительный анализ динамики показателей абсолютной бедности и дифференциации доходов населения (в регионах России)

Кроме выявленной нами существенной дифференциации доходов населения России в масштабах страны наблюдается существенная дифференциация этих показателей между регионами (субъектами) РФ. Сопоставление показателей абсолютной бедности и дифференциации доходов представлено в таблице 2.

Таблица 2

Уровень абсолютной бедности и коэффициент Джини в России в целом и в субъектах РФ в 2017 г. [5]

Субъект РФ	Уровень абсолютной бедности, % ¹	Коэффициент Джини
Республика Тыва	40,5	0,358
Республика Ингушетия	32	0,357
Республика Калмыкия	27,3	0,326
Республика Алтай	25,8	0,36
Еврейская авт. область	24,9	0,347
Кабардино-Балкарская Республика	24,8	0,351
Карачаево-Черкесская Республика	24,7	0,351
Республика Марий Эл	22,1	0,365
Забайкальский край	21,5	0,373
Чеченская Республика	20,7	0,383
Республика Саха (Якутия)	20,3	0,397
Курганская область	19,6	0,36
Республика Крым	19,1	0,343
Республика Мордовия	18,6	0,357
Чувашская Республика	18,5	0,337
Красноярский край	18,5	0,391
Иркутская область	18,4	0,358
Республика Бурятия	18,1	0,398
Республика Хакасия	18	0,362
Псковская область	17,9	0,349
Алтайский край	17,5	0,378
Камчатский край	17,5	0,344
Республика Карелия	17,3	0,335
Томская область	17,1	0,354
Республика Коми	16,8	0,382
Саратовская область	16,8	0,356
Смоленская область	16,6	0,382
Новосибирская область	16,5	0,36
Астраханская область	16	0,362
Амурская область	15,9	0,396

¹ Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, в % от общей численности населения субъекта РФ.

Субъект РФ	Уровень абсолютной бедности, %	Коэффициент Джини
Кировская область	15,7	0,342
Кемеровская область	15,3	0,352
Тюменская область	15	0,388
Пермский край	14,9	0,403
Ульяновская область	14,9	0,36
Оренбургская область	14,6	0,379
Приморский край	14,5	0,38
Волгоградская область	14,4	0,342
Республика Северная Осетия - Алания	14,4	0,363
Ивановская область	14,3	0,362
Новгородская область	14,1	0,359
Пензенская область	14	0,356
Орловская область	13,9	0,368
Ростовская область	13,9	0,394
г. Севастополь	13,9	0,35
Омская область	13,9	0,392
Калининградская область	13,8	0,358
Ставропольский край	13,8	0,381
Вологодская область	13,6	0,354
Брянская область	13,5	0,381
Архангельская область	13,5	0,375
Республика Адыгея	13,5	0,381
Челябинская область	13,5	0,351
Самарская область	13,4	0,379
Россия в целом	13,2	0,41
Владимирская область	13	0,352
Костромская область	13	0,358
Рязанская область	13	0,371
Тверская область	12,7	0,335
Мурманская область	12,6	0,357
Республика Башкортостан	12,3	0,416
Хабаровский край	12,3	0,384
Удмуртская Республика	12,2	0,366
Магаданская область	11,6	0,384
Ненецкий авт. округ	11,4	0,413
Краснодарский край	11,1	0,404
Ханты-Мансийский авт. округ	11,1	0,388
Республика Дагестан	11	0,389
Тамбовская область	10,5	0,379
Ярославская область	10,5	0,372
Калужская область	10,4	0,364
Ленинградская область	10,3	0,369
Курская область	10,2	0,374
Тульская область	9,9	0,368
Нижегородская область	9,9	0,398
Свердловская область	9,8	0,405
Сахалинская область	9,8	0,41
Воронежская область	9,1	0,399
Чукотский авт. округ	9	0,398
Липецкая область	8,8	0,389
г. Москва	8,3	0,417
Белгородская область	7,9	0,393
Московская область	7,9	0,388
г. Санкт-Петербург	7,5	0,407
Республика Татарстан	7,4	0,395
Ямало-Ненецкий авт. округ	6,5	0,423

Динамика численности населения Армении, находящегося за чертой бедности в 2004–2017 гг. [9]

Год	Доля граждан, находящихся за чертой бедности, % от общей численности населения	Численность граждан, находящихся за чертой бедности, % от общей численности населения, тыс. чел. (примерная оценка на основе расчетов авторов)
2004	53,5	1 697,6
2005	40,1	1 265,6
2006	30,2	947,1
2007	26,4	822,9
2008	27,6	854,8
2009	34,1	1 048,9
2010	35,8	1 093,7
2011	35,0	1 056,3
2012	32,4	978,8
2013	32,0	968,3
2014	30,0	905,1
2015	29,8	897,0
2016	29,4	881,4
2017	25,7	767,4

Анализ данных, представленных в таблице 2, позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, очевидна дифференциация между несколькими регионами по доле граждан, имеющих доходы ниже черты абсолютной бедности. Разница между Республикой Тува, где наибольшая доля жителей, находящихся за чертой абсолютной бедности (40,5 % населения), и Ямало-Ненецким автономным округом (6,5 % населения) составляет более шести раз. В 54 субъектах РФ уровень относительной бедности выше, чем в России в целом (т. е. больше 13,2 %), в том числе практически во всех республиках Северо-Кавказского федерального округа этот показатель превышает общероссийский более чем в полтора — два раза. В 31 субъекте РФ уровень абсолютной бедности ниже в сравнении с общероссийским. В частности в Москве, Московской и Белгородской областях, Санкт-Петербурге, Татарстане и Ямало-Ненецком автономном округе соответствующий показатель ниже общероссийского почти в полтора — два раза. Во-вторых, нередко в регионах с более низким показателем абсолютной бедности наблюдается более высокое значение коэффициента Джини. Так, в первых десяти субъектах с наиболее высоким уровнем абсолютной бедности, как указано в таблице 2, значение коэффициента Джини находится в диапазоне от 0,326 до 0,383, что ниже показателя в России в целом, который составляет 0,410. В десяти регионах с самым низким уровнем абсолютной бедности коэффициент Джини находится в интервале от 0,388 до 0,423, в том числе в Москве и Ямало-Ненецком автономном округе он достигает 0,417 и 0,423 соответственно, что выше общероссийского показателя. В Сахалинской области коэффициент Джини соответствует общероссийскому показателю в 0,410. Таким

образом, для регионов необходим разный тип политики по борьбе с бедностью, учитывающий для одних необходимость снижения уровня абсолютной бедности, а для других сглаживание уровня дифференциации доходов.

Сравнительный анализ динамики показателя уровня бедности в государствах — членах ЕАЭС

Статья 4 Договора о Евразийском экономическом союзе предусматривает обеспечение свободы передвижения рабочей силы внутри союза [6]. Уровень бедности в государствах — членах ЕАЭС является одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на передвижение рабочей силы между странами, входящими в союз [7]. Поэтому представляется целесообразным проанализировать динамику данного показателя в странах ЕАЭС, выявить особенности методик его расчета и провести межстрановое сопоставление динамики уровня бедности.

Так, в Армении уровень бедности рассчитывается на базе данных Интегрированного исследования условий жизни (Integrated Living Conditions Survey), при этом ежегодно обследуется 7 872 домашних хозяйств в стране [8]. Результаты исследования используются для расчета порога бедности, основанного на уровне потребления домашних хозяйств. Обновленная методика расчета уровня бедности действует с 2009 г. В таблице 3 представлена динамика уровня бедности в Армении в 2004–2017 гг. С учетом относительных данных произведены расчеты и определена оценочная численность граждан, имеющих доходы с уровнем населения, находящегося за чертой бедности.

Как видно из таблицы 3, численность граждан с доходами ниже уровня бедности в Ар-

Динамика численности малообеспеченного населения в Белоруссии в 2005–2018 гг. [11]

Год	Уровень малообеспеченности населения, % от общей численности граждан	Численность малообеспеченного населения, тыс. чел. (примерная оценка на основе расчетов авторов)
2005	12,7	1 231,6
2006	11,1	1 069,0
2007	7,7	737,6
2008	6,1	582,1
2009	5,4	513,7
2010	5,2	494,0
2011	7,3	692,1
2012	6,3	596,3
2013	5,5	520,5
2014	4,8	454,5
2015	5,1	483,5
2016	5,7	541,4
2017	5,9	560,8
2018	5,6	531,5

мени последовательно снижалась с 2004 по 2007 г., сократившись приблизительно вдвое (с 53,5 % до 26,4 %). В 2008–2010 гг. этот показатель возрос до 35,8 %, что объясняется последствиями мирового финансово-экономического кризиса. С 2011 г. наблюдается последовательное снижение числа жителей, находящихся за чертой бедности. К 2017 г. соответствующий показатель достиг отметки 25,7 % (около 767 тыс. человек).

В Белоруссии уровень бедности рассчитывается как численность «малообеспеченного населения», т. е. населения (домашние хозяйства), имеющего среднедушевые располагаемые ресурсы (доходы) ниже черты малообеспеченности [10]. Уровень бедности, в отличие от Армении, определяется по размеру дохода, а не размеру потребления. В таблице 4 представлена динамика уровня малообеспеченности населения Белоруссии в 2005–2018 гг., а также рассчитан показатель примерной численности малообеспеченных граждан.

Приведенные в таблице 4 данные свидетельствуют о том, что в 2005–2010 гг. уровень малообеспеченности в Белоруссии снизился более чем вдвое — с 12,7 % до 5,2 %. В 2011 г. этот показатель возрос до 7,3 %, а в 2012–2014 гг. снова снизился до 4,8 %, в 2015–2017 гг. увеличился примерно на 1 %. В абсолютных цифрах численность малообеспеченного населения в Белоруссии в исследуемый период достигала максимума в 2015 г. — примерно 1,2 млн человек. В настоящее время — 531,5 тыс. человек.

В Казахстане, как и в Белоруссии, уровень бедности рассчитывается в зависимости от размера доходов граждан. Чертой бедности является величина прожиточного минимума. С 2006 г. в республике действует новая методика его расчета, согласно которой про-

житочный минимум определяется по 43 наименованиям продуктов питания. С 2018 г. изменена структура прожиточного минимума в отношении формирования доли расходов на непродовольственные товары и услуги, установленная в размере 45 % к стоимости минимальной потребительской корзины [12]. В таблице 5 даны показатели о доле населения Казахстана с доходами ниже уровня бедности, а также рассчитанная на основе этих сведений численность находящегося за чертой бедности населения в абсолютном выражении.

Сведения, указанные в таблице 5, говорят о том, что доля населения Казахстана с доходами ниже прожиточного минимума снизилась с 46,7 % в 2001 г. до 2,6 % в 2016–2017 гг. В абсолютном выражении количество бедных уменьшилось приблизительно с семи миллионов в 2001 г. до 465,9 тыс. человек в 2017 г.; в 2018 г. численность населения с доходами ниже прожиточного минимума увеличилась до 4,3 % (780,8 тыс. человек).

Уровень бедности в Кыргызстане устанавливается с 1996 г. при методологическом и финансовом содействии Всемирного банка посредством выборочного обследования домашних хозяйств. Показатели бедности определяются в зависимости от черты бедности, рассчитанной с участием экспертов Всемирного банка, величина которой представляет собой минимальный уровень потребления с учетом как продовольственных, так и непродовольственных товаров и услуг [13]. В таблице 6 представлены данные о динамике численности населения Кыргызстана с доходами ниже черты бедности в 1996–2018 гг.

Судя по информации, которая находит отражение в таблице 6, уровень бедности в Кыргызстане увеличивался с 1997 по 2000 г., составляя на пике 62,6 % населения (чуть бо-

Динамика численности населения Казахстана, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума (уровень бедности) в 2001–2018 гг. [12]

Год	Доля населения, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума (уровень бедности), % от общей численности граждан	Численность населения, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума (уровень бедности), % от общей численности граждан, тыс. чел. (примерная оценка на основе расчетов авторов)
2001	46,7	6 942,2
2002	44,5	6 608,7
2003	37,5	5 575,1
2004	33,9	5 068,5
2005	31,6	4 763,6
2006	18,2	2 769,9
2007	12,7	1 955,4
2008	12,1	1 884,4
2009	8,2	1 311,8
2010	6,5	1 053,2
2011	5,5	904,2
2012	3,8	633,6
2013	2,9	490,4
2014	2,8	480,5
2015	2,7	470,2
2016	2,6	459,4
2017	2,6	465,9
2018	4,3	780,8

Таблица 6

Динамика численности населения Кыргызстана с потребительскими расходами ниже черты бедности в 1996–2018 гг. [14]

Год	Доля населения с потребительскими расходами ниже черты бедности, % от общей численности граждан	Численность населения с потребительскими расходами ниже черты бедности, % от общей численности граждан (примерная оценка на основе расчетов авторов)
1996	43,5	1 997,4
1997	43,0	2 002,3
1998	54,9	2 597,1
1999	55,3	2 656,1
2000	62,6	3 053,7
2001	56,4	2 776,2
2002	54,8	2 724,2
2003	49,9	2 499,4
2004	45,9	2 328,9
2005	43,1	2 213,7
2006	39,9	2 070,5
2007	35,0	1 837,2
2008	31,7	1 676,7
2009	31,7	1 695,4
2010	33,7	1 826,2
2011	36,8	2 015,8
2012	38,0	2 111,2
2013	37,0	2 094,2
2014	30,6	1 767,6
2015	32,1	1 892,3
2016	25,4	1 529,0
2017	25,6	1 571,9

лее 3 млн человек в абсолютном выражении). В 2001–2008 гг. этот показатель снизился вдвое, т. е. в 2008 г. — 31,7 % населения (примерно 1,7 млн человек за чертой бедности).

В 2009 г. в Кыргызской Республике наблюдался рост числа бедных (почти на 400 тыс. человек) до около 2,1 млн человек к 2012 г., а к 2017 г. этот показатель снизился примерно

Доля населения ниже уровня бедности в государствах — членах ЕАЭС в 2005–2017 гг., % от общей численности граждан (на основе национальных методик расчета уровня бедности) [1; 9; 11; 12; 14]

Год	Армения	Белоруссия	Казахстан	Кыргызстан	Россия
2005	40,1	12,7	31,6	43,1	17,8
2006	30,2	11,1	18,2	39,9	15,2
2007	26,4	7,7	12,7	35,0	13,3
2008	27,6	6,1	12,1	31,7	13,4
2009	34,1	5,4	8,2	31,7	13
2010	35,8	5,2	6,5	33,7	12,5
2011	35,0	7,3	5,5	36,8	12,7
2012	32,4	6,3	3,8	38,0	10,7
2013	32,0	5,5	2,9	37,0	10,8
2014	30,0	4,8	2,8	30,6	11,2
2015	29,8	5,1	2,7	32,1	13,3
2016	29,4	5,7	2,6	25,4	13,3
2017	25,7	5,9	2,6	25,6	13,2

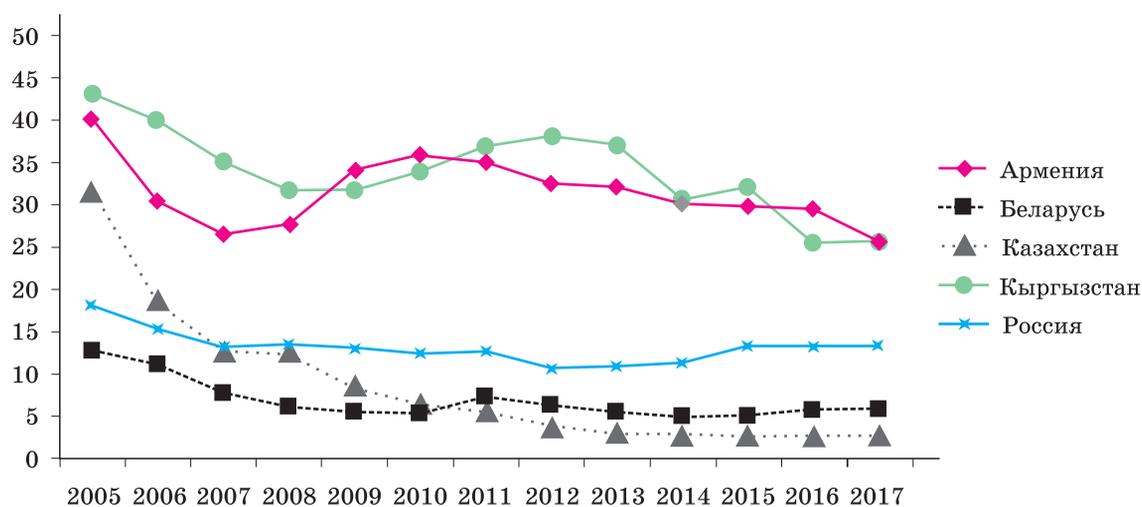

Рис. 1. Динамика доли населения ниже уровня бедности в государствах — членах ЕАЭС в 2005–2017 гг., % от общей численности граждан [1; 9; 11; 12; 14]

до 1,6 млн человек (25,6 % населения). В таблице 7 и на рисунке 1 дана сравнительная динамика уровня бедности в государствах — членах ЕАЭС.

Анализируя таблицу 7 и график, можно заключить, что во всех странах ЕАЭС уровень бедности сократился за последние 12 лет. Однако динамика этого показателя носит разнонаправленный характер. В России и Беларуси уровень бедности в 2014–2017 гг. увеличивался, а в Армении, Казахстане и Кыргызстане снижался. Такая разнонаправленная динамика связана, на наш взгляд, с более тесной экономической интеграцией России и Беларуси в рамках Союзного государства, следствием которой является и более синхронная динамика социальных показателей экономического развития. Кроме того, в странах ЕАЭС используются разные методики расчета уровня бедности. В Беларуси, Казахстане и России данный показатель формируется ввиду черты бедности как определенного уровня дохода. В Армении

и Кыргызстане черта бедности — это определенный уровень потребительских расходов. В перспективе представляется целесообразным унифицировать методику расчета уровня бедности в странах ЕАЭС с целью создания единого стандарта его расчета и выработки совместных комплексных мер по снижению уровня бедности внутри государств — членов союза.

Выводы и предложения

На основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, вследствие сопоставления динамики показателей дифференциации доходов и абсолютной бедности становится понятно, что в 2001–2007 гг. доходы более обеспеченных групп населения росли более высокими темпами в сравнении с малообеспеченными гражданами [1; 15–18]. Во-вторых, анализ показателя абсолютной бедности в ряде регионов отражает дифференциацию между регионами по доле граждан,

имеющих доходы ниже черты абсолютной бедности. Разница между несколькими регионами составляет более шести раз. В 54 субъектах РФ уровень относительной бедности выше, чем в России в целом, т. е. более 13,2 %. В 31 субъекте РФ уровень абсолютной бедности ниже, чем в российском государстве в целом. В частности в Москве, Московской и Белгородской областях, Санкт-Петербурге, Татарстане и Ямало-Ненецком автономном округе этот показатель ниже общероссийского почти в полтора — два раза.

В-третьих, нередко в российских регионах, имеющих более низкий показатель абсолютной бедности, наблюдается более высокое значение коэффициента Джини. Так, в первых десяти регионах с наиболее высоким уровнем абсолютной бедности, что подтверждает таблица 2, значение коэффициента Джини находится в диапазоне от 0,326 до 0,383, что ниже общероссийского показателя (0,410). В десяти регионах с самым низким уровнем абсолютной бедности, если обратить внимание на таблицу 2, коэффициент Джини — в интервале от 0,388

до 0,423, в том числе в Москве и Ямало-Ненецком автономном округе он составляет 0,417 и 0,423, что выше общероссийского показателя. В-четвертых, во всех странах ЕАЭС уровень бедности сократился за последние двенадцать лет, но динамика этого показателя носит разнонаправленный характер. В России и Белоруссии уровень бедности в 2014–2017 гг. увеличился, а в Армении, Казахстане и Кыргызстане снизился. Такая разнонаправленная динамика, по нашему мнению, может быть связана с более тесной экономической интеграцией России и Белоруссии в рамках Союзного государства, следствием которой является и более синхронная динамика социальных показателей экономического развития. В-пятых, в государствах ЕАЭС применяются разные методики расчета уровня бедности. В перспективе представляется вполне обоснованным унифицировать методику расчета уровня бедности ЕАЭС, создать единый стандарт расчета данного показателя и выработать совместные комплексные меры по его снижению внутри стран — членов ЕАЭС.

Литература

1. Цветков В. А., Зоидов К. Х., Янкаускас К. С., Кобил Ш. К. Моделирование циклической динамики уровня бедности как социального показателя экономической безопасности России // Экономика и управление. 2018. № 11 (157). С. 4–18.
2. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (дата обращения: 22.05.2019).
3. Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания [Электронный ресурс]: приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 авг. 2016 г. № 614. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71385784/> (дата обращения: 22.05.2019).
4. Рацион, питание и предупреждение хронических заболеваний: доклад Совместного консультативного совещания экспертов ВОЗ/ФАО. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2003. 196 с.
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 22.05.2019).
6. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ. 2014. 29 мая. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union> (дата обращения: 22.05.2019).
7. Цветков В. А., Зоидов К. Х., Лапин А. В., Кобил Ш. К. Внешнеторговый оборот Российской Федерации со странами ЕАЭС: анализ первых результатов и тенденции правового администрирования // Экономика и управление. 2018. № 1 (147). С. 4–24. DOI: 10.33051/1998-1627-2018-1-4-24.
8. Quality Declaration Poverty Incidence [Электронный ресурс] // Статистический комитет Республики Армения. URL: <https://www.armstat.am/file/Qualitydec/eng/11.2.pdf> (дата обращения: 22.05.2019).
9. Статистический комитет Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.armstat.am/ru/> (дата обращения: 22.05.2019).
10. Краткий глоссарий статистических терминов [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <http://www.belstat.gov.by/metodologiya/kratkiy-glossariy-statisticheskikh-terminov/11/> (дата обращения: 24.05.2019).
11. Уровень малообеспеченности населения по областям и г. Минску [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/uroven-zhizni-naseleniya/godovye-daniye/uroven-malobespечennosti-naseleniya-po-oblastyam-i-g-minsku/> (дата обращения: 24.05.2019).
12. Комитет по статистике [Электронный ресурс] // Министерство национальной экономики Республики Казахстан. URL: <http://stat.gov.kz/> (дата обращения: 24.05.2019).
13. Методы анализа бедности для Кыргызской Республики [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://stat.kg/ru/statistics/download/methodology/98/> (дата обращения: 24.05.2019).
14. Численность населения с потребительскими расходами ниже черты бедности [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://stat.kg/ru/statistics/download/dynamic/538/> (дата обращения: 25.05.2019).
15. Зоидов К. Х., Янкаускас К. С. Формирование эффективной модели регулирования финансово-бюджетных отношений между федеральным и региональными уровнями в условиях интеграции

- и нестабильности. Ч. I // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 3 (65). С. 114–128.
16. Зойдов К. Х., Янкаускас К. С. Формирование эффективной модели регулирования финансово-бюджетных отношений между федеральным и региональными уровнями в условиях интеграции и нестабильности. Ч. II // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 4 (66). С. 82–94.
 17. Цветков В. А., Янкаускас К. С. Человеческий капитал и связанные с его развитием возможности и риски для модернизации и экономической безопасности России // Модернизация и экономическая безопасность России / под ред. Н. Я. Петракова. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. Т. 3. С. 538–562.
 18. Цветков В. А., Степнов И. М., Ковальчук Ю. А., Зойдов К. Х. Динамика развития экономических систем. М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. 380 с.

References

1. Tsvetkov V. A., Zoidov K. Kh., Yankauskas K. S., Kobil Sh. K. Modelirovanie tsiklicheskoj dinamiki urovnya bednosti kak sotsial'nogo pokazatelya ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii [Modeling the cyclic behavior of poverty rate as a social indicator of economic security in Russia]. *Ekonomika i upravlenie*, 2018, no. 11 (157), pp. 4–18.
2. *On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204*. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>. Accessed 22.05.2019 (in Russ.).
3. *On approval of Recommendations on rational norms of food consumption that meet modern requirements of a healthy diet. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of August 19, 2016 No. 614*. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71385784/>. Accessed 22.05.2019 (in Russ.).
4. *Diet, nutrition and the prevention of chronic diseases: Report of a joint WHO/FAO expert consultation*. Geneva: World Health Organization, 2003. 160 p. (*WHO Technical Report Series. No. 916*). Available at: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/42665/WHO_TRS_916.pdf?sequence=1. (Russ. ed.: *Ratsion, pitanie i preduprezhdenie khronicheskikh zabolevaniy: doklad Sovmestnogo konsul'tativnogo soveshchaniya ekspertov VOZ/FAO*. Geneva: World Health Organization, 2003. 196 p.).
5. *Official website of the Federal State Statistics Service*. Available at: <http://www.gks.ru>. Accessed 22.05.2019. (in Russ.).
6. *Treaty on the Eurasian Economic Union*. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. 29 May, 2014. Available at: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union>. Accessed 22.05.2019. (in Russ.).
7. Tsvetkov V. A., Zoidov K. Kh., Lapin A. V., Kobil Sh. K. Vneshnetorgovyy oborot Rossiyskoy Federatsii so stranami EAES: analiz pervykh rezul'tatov i tendentsii pravovogo administrirovaniya [Foreign trade turnover between Russian Federation and EEU countries: Analysis of the first results and trends in regulatory management]. *Ekonomika i upravlenie*, 2018, no. 1 (147), pp. 4–24. DOI: 10.33051/1998-1627-2018-1-4-24.
8. *Quality declaration poverty incidence*. Statistical Committee of the Republic of Armenia. Available at: <https://www.armstat.am/file/Qualitydec/eng/11.2.pdf>. Accessed 22.05.2019.
9. *Statistical Committee of the Republic of Armenia*. Available at: <https://www.armstat.am/ru/>. Accessed 22.05.2019. (in Russ.).
10. *Brief glossary of statistical terms*. National Statistical Committee of the Republic of Belarus. Available at: <http://www.belstat.gov.by/metodologiya/kratkiy-glossariy-statisticheskikh-terminov/11/>. Accessed 24.05.2019. (in Russ.).
11. *The level of poverty of the population by regions and the city of Minsk*. National Statistical Committee of the Republic of Belarus. Available at: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/uroven-zhizni-naseleniya/godovye-dannye/uroven-maloobespechennosti-naseleniya-po-oblastyam-i-g-minsku/>. Accessed 24.05.2019. (in Russ.).
12. *Statistics Committee*. Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. Available at: <http://stat.gov.kz/>. Accessed 24.05.2019.
13. *Poverty analysis methods for the Kyrgyz Republic*. National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. Available at: <http://stat.kg/ru/statistics/download/methodology/98/>. Accessed 24.05.2019. (in Russ.).
14. *Population below consumer poverty line*. National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. Available at: <http://stat.kg/ru/statistics/download/dynamic/538/>. Accessed 24.05.2019.
15. Zoidov K. Kh., Yankauskas K. S. Formirovanie effektivnoy modeli regulirovaniya finansovobyudzhethnykh otnosheniy mezhdru federal'nym i regional'nymi urovnyami v usloviyakh integratsii i nestabil'nosti. Ch. I [Forming an effective model for regulating financial and budgetary relations between the federal and regional levels in the context of integration and instability. Pt. 1]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 2016, no. 3 (65), pp.114–128.
16. Zoidov K. Kh., Yankauskas K. S. Formirovanie effektivnoy modeli regulirovaniya finansovobyudzhethnykh otnosheniy mezhdru federal'nym i regional'nymi urovnyami v usloviyakh integratsii i nestabil'nosti. Ch. I [Forming an effective model for regulating financial and budgetary relations between the federal and regional levels in the context of integration and instability. Pt. 2]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 2016, no. 4 (66), pp. 82–94.
17. Tsvetkov V. A., Yankauskas K. S. Chelovecheskiy kapital i svyazannye s ego razvitiem vozmozhnosti i riski dlya modernizatsii i ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii [Human capital and the opportunities and risks associated with its development for the modernization and economic security of Russia]. In: Petrakov N. Ya., ed. *Modernizatsiya i ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii* [Modernization and economic security of Russia]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2012, vol. 3, pp. 538–562.
18. Tsvetkov V. A., Stepnov I. M., Koval'chuk Yu. A., Zoidov K. Kh. *Dinamika razvitiya ekonomicheskikh sistem* [The dynamics of economic systems development]. Moscow: Central Economics and Mathematics Institute RAS/Market Economy Institute RAS, 2016. 380 p.

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ИННОВАЦИОННЫХ ПРОСТРАНСТВЕННО- РАСПРЕДЕЛЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИОННО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-15-23

УДК 005:330

Бабкин Александр Васильевич

профессор Высшей инженерно-экономической школы
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого,
доктор экономических наук, профессор
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29, e-mail: al-vas@mail.ru

Байков Евгений Александрович

профессор Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения,
доктор военных наук, профессор
191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, д. 13

Исследование направлено на анализ современных моделей пространственно-распределенных организационно-экономических систем и особенностей стратегического управления данными системами.

Цель. Рассмотреть особенности стратегического управления таких основных современных форм пространственно-распределенных организационно-экономических систем, как кластеры и особые экономические зоны.

Задачи. Исследовать сущность и особенности основных современных форм пространственно-распределенных организационно-экономических систем — кластеров и особых экономических зон. Выделить в рамках данных форм инновационные модели: территории опережающего развития, индустриальные, промышленные и технологические парки, технополисы, инновационные центры и др. Обосновать методические подходы к стратегическому управлению этими инновационными образованиями в целом, формированию соответствующих организационных структур управления и комплекса стратегий различных иерархических уровней.

Методология. Посредством общих методов научного познания и методологии стратегического управления исследованы пространственно-распределенные организационно-экономические системы и их инновационные модели, в отношении которых предложен комплекс иерархических стратегий развития инновационных образований.

Результаты. В современных условиях становления и развития отечественной цифровой экономики получают широкое распространение кластеры и особые экономические зоны как формы пространственно-распределенных организационно-экономических систем. Данное обстоятельство способствовало появлению различных инновационных моделей соответствующих систем: территорий опережающего развития, индустриальных, промышленных и технологических парков, технополисов, инновационных центров, центров трансфера технологий, бизнес-инкубаторов и др. Ввиду этих моделей авторами представлены особенности стратегического управления. В отношении органов стратегического управления – наблюдательных советов и управляющих компаний – даны рекомендации по их составу и исполняемым функциям. Авторами предлагается система стратегий различного иерархического уровня для подобных образований, в том числе направлений применения перспективных цифровых и маркетинговых технологий.

Выводы. Развитие экономики привело к появлению новых форм пространственно-распределенных организационно-экономических систем — кластеров и особых экономических зон. Материалы статьи реализуют необходимость научного обоснования методических подходов к стратегическому управлению этими инновационными образованиями в целом, формированию соответствующих организационных структур управления и комплекса стратегий различных иерархических уровней.

Ключевые слова: кластеры, особые экономические зоны, инновационные модели, стратегическое управление, органы управления, стратегии.

Для цитирования: Бабкин А. В., Байков Е. А. Особенности стратегического управления в инновационных пространственно-распределенных организационно-экономических системах // Экономика и управление. 2019. № 7 (165). С. 15–23. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-15-23.

SPECIFIC ASPECTS OF STRATEGIC MANAGEMENT IN INNOVATIVE GEOGRAPHICALLY DISTRIBUTED ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC SYSTEMS

Aleksandr V. Babkin

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Politekhnikeskaya St. 29, St. Petersburg, Russian Federation, 195251, e-mail: al-vas@mail.ru*

Evgeniy A. Baykov

*St. Petersburg State University of Film and Television
Pravdy St. 13, St. Petersburg, Russian Federation, 191119*

The presented study analyzes the modern models of geographically distributed organizational and economic systems and specific aspects of strategic management of these systems.

Aim. The study aims to examine the specific aspects of strategic management of such modern forms of geographically distributed organizational and economic systems as clusters and special economic zones.

Tasks. The authors examine the nature and features of the major modern forms of geographically distributed organizational and economic systems, namely, clusters and special economic zones; identify innovative models within these forms: priority development areas, industrial, commercial, and technological parks, technopolises, innovation centers, etc.; substantiate methodological approaches to the strategic management of these innovative formations in general as well as formation of the corresponding organizational management structures and a set of strategies of different hierarchical levels.

Methods. This study uses general scientific methods of cognition and strategic management methods to examine geographically distributed organizational and economic systems and their innovative models and to propose a set of hierarchical strategies for the development of innovative formations.

Results. In the current context of formation and development of the Russian digital economy, clusters and special economic zones are becoming increasingly widespread forms of geographically distributed organizational and economic systems. This has facilitated the emergence of various innovative models of the corresponding systems: priority development areas, industrial, commercial, and technological parks, technopolises, innovation centers, technology transfer centers, business incubators, etc. In view of these models, the authors present the specific aspects of their strategic management and provide recommendations on the structure and functions of strategic management bodies – supervisory boards and managing companies. The authors also propose a system of strategies of different hierarchical levels for such formations, including areas for the application of advanced digital and marketing technologies.

Conclusion. Economic development has led to the emergence of new forms of geographically distributed organizational and economic systems – clusters and special economic zones. The study substantiates methodological approaches to the strategic management of these innovative formations in general as well as formation of the corresponding organizational management structures and a set of strategies of different hierarchical levels.

Keywords: *clusters, special economic zones, innovation models, strategic management, management bodies, strategies.*

For citation: Babkin A. V., Baykov E. A. Osobennosti strategicheskogo upravleniya v innovatsionnykh prostranstvenno-raspredeleennykh organizatsionno-ekonomicheskikh sistemakh [Specific Aspects of Strategic Management in Innovative Geographically Distributed Organizational and Economic Systems]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 7 (165), pp. 15–23. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-15-23.

Введение

Становление и развитие глобального информационно-экономического общества, цифровой экономики предъявляют новые высокие требования к возможностям и конкурентоспособности государств, регионов, организационно-экономических систем и организаций (предприятий). Повышение их эффективности функционирования и развития связано с формированием интегрированных структур функционирования и управления на основе принципов кластеризации, корпоратизации

и сетизации [1; 2]. В частности, на базе этих принципов организуются стратегическое управление и деятельность резидентов в кластерных образованиях, особых экономических зонах (ОЭЗ), на территориях опережающего развития (ТОР), в промышленных и промышленных парках, технопарках и других инновационных моделях пространственно-распределенных организационно-экономических систем (ПРОЭС). В процессе исследования проанализируем современные модели ПРОЭС и особенности стратегического управления ими.

Полученные результаты

С точки зрения исторической ретроспективы в нашей стране ПРОЭС первоначально зарождались в форме территориально-производственных комплексов (ТПК). Понятие ТПК введено в экономическую географию Н. Н. Колосовским в 1950-х гг. [3]. В исходном определении речь шла о взаимосвязанных и взаимообусловленных производствах, от размещения которых на определенной территории достигается дополнительный экономический эффект за счет использования общей инфраструктуры, рабочей силы, энерго мощностей и т. д. В советское время концепция ТПК широко применялась при разработке проектов освоения территорий Байкало-Амурской магистрали, Восточной Сибири и Дальнего Востока. Советская экономическая география в 1980-е гг. выделяла следующие ТПК: Братско-Усть-Илимский, Западно-Сибирский, Канско-Ачинский, Каратау-Джамбульский, Мангышлакский, Павлодар-Экибастузский, Тимано-Печорский, Курскую магнитную аномалию и др.

В современных условиях роль ТПК в рационализации размещения производительных сил, совершенствовании территориальной организации общественного производства по-прежнему значима. Однако сегодня главным фактором формирования ТПК стало наличие топливно-энергетических и сырьевых ресурсов. С вхождением России в рыночную экономику (с 2000-х гг.) ведущими формами ПРОЭС становятся кластеры и ОЭЗ [4; 18]. Для эффективной реструктуризации бывших «промышленных гигантов» в России потребовалось тесное взаимодействие и сотрудничество между промышленностью, бизнес-структурами, органами власти, научно-исследовательскими институтами и другими участниками на основе кластеризации. С помощью кластерного подхода возможно и динамичное развитие малого и среднего предпринимательства. Главное отличие кластерных структур от ТПК заключается в способности кластера максимально учитывать рыночные механизмы. Он может быть эффективным только в том случае, когда предприятия для повышения конкурентоспособности приходят к необходимости объединения в кластер.

Кластерные структуры — наиболее современная и эффективная форма развития территориально локализованных образований, позволяющая в полной мере реализовать потенциал ряда хозяйствующих субъектов, вовлеченных во взаимодействие, а также получить значительный синергетический и мультипликативный эффект для экономики [5; 17]. В современных научных исследованиях предлагаются различные понятийные подходы и типо-

логии кластеров по территориальному охвату; критерию наличия или отсутствия ключевого участника; критерию природы возникновения и развития; месту использования конечного продукта; способу образования; технологическим параметрам и т. д. Однако при всем многообразии понятийных подходов и классификационных типологий к наиболее распространенным видам кластеров в экономике чаще всего относят [5] промышленные, инновационные, инновационно-инвестиционные и туристско-рекреационные. Только промышленных кластеров, по данным Ассоциации кластеров и технопарков, в 38 регионах России в 2019 г. насчитывалось 86, включая действующие, формируемые и планируемые к созданию [6]. В числе известных действующих промышленных кластеров — «Санкт-Петербургский кластер чистых технологий для городской среды», «Камский инновационный территориально-производственный кластер» (Республика Татарстан), «Комплексная переработка угля и техногенных отходов» (Кемеровская область) и др.

Особые экономические зоны, как другая основная форма ПРОЭС в отечественной экономике, концептуально и законодательно стали проявляться практически одновременно с кластерами (2005–2006 гг.), а начали формироваться еще раньше (1990-е гг.). Их создание предусматривалось в целях развития обрабатывающих и высокотехнологичных отраслей экономики, разработки инновационных технологий и коммерциализации их результатов, производства новых видов продукции, развития туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктур. В России создаются ОЭЗ следующих типов: промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные и портовые особые экономические зоны [7].

В российском государстве по состоянию на 2019 г. функционирует 25 ОЭЗ (девять промышленно-производственных, шесть технико-внедренческих, девять туристско-рекреационных и одна — портовая). За 12 лет работы в ОЭЗ зарегистрировались более 650 резидентов, из которых более 100 — компании с участием иностранного капитала из 35 стран мира. Промышленно-производственные зоны располагаются, например, в Елабужском районе Республики Татарстан (ОЭЗ «Алабуга»), Грязинском районе Липецкой области (ОЭЗ «Липецк»), Ставропольском районе Самарской области (ОЭЗ «Тольятти») и др. Техничко-внедренческие зоны находятся в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, Томске и Республике Татарстан [8]. С 2015 г. на базе опыта функционирования кластеров и ОЭЗ и с учетом требований зарождающейся цифро-

вой экономики в нашей стране стали широко распространяться такие инновационные модели ПРОЭС, как территории опережающего развития, индустриальные, промышленные и технологические парки, технополисы, инновационные центры, центры трансфера технологий, бизнес-инкубаторы и т. п.

Территории опережающего развития (полное название «территории опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации») возникли наряду с ОЭЗ как еще один специальный правовой режим осуществления предпринимательской деятельности на ограниченной территории. Указанная модель — это своего рода особый вид экономической зоны с льготными налоговыми условиями, упрощенными административными процедурами, иными привилегиями. Они формируются для привлечения инвестиций, ускоренного развития экономики и улучшения жизни населения на определенной территории. С 2015 г. ТОР стали создаваться в первую очередь на Дальнем Востоке, затем в Восточной Сибири, Алтайском крае, Кемеровской, Смоленской и Калининградской областях, других регионах. По состоянию на 2019 г. в официальном списке ТОР насчитывается 99 таких образований в 85 субъектах РФ [9; 10].

Еще одна инновационная модель ПРОЭС — это индустриальный или промышленный парк. Данная модель представляет собой управляемый единым оператором (специализированной управляющей компанией) комплекс объектов недвижимости, состоящий из земельного участка (участков) с производственными, административными, складскими, иными помещениями и сооружениями, обеспеченный энергоносителями, инженерной, транспортной инфраструктурой и административно-правовыми условиями для размещения производств. Понятия «индустриальный парк» и «промышленный парк» тождественны. Как правило, это промышленная площадка, на которой функционируют несколько независимых предприятий из одной или разных отраслей. Разместившие производство на общей территории предприятия чаще всего связаны общими цепочками создания добавленной стоимости и делят совместную инфраструктуру парка и услуги, предоставляемые общественной или частной управляющей компанией. В нашей стране создана Ассоциация индустриальных парков России, членами которой в 2019 г. являются более 130 юридических лиц, представляющих 89 индустриальных парков в 46 субъектах РФ [11].

Следующая инновационная модель ПРОЭС — технологические парки (технопарки). Это территориальная, научная, технологическая и техническая база для реализации инноваци-

онных проектов. Технопарк — имущественный комплекс, объединивший научно-исследовательские организации, объекты индустрии, деловые центры, выставочные площадки, учебные заведения, а также обслуживающие и обеспечивающие службы и объекты (средства транспорта, подъездные пути, жилые поселки, охрана). Международная ассоциация технологических парков трактует технопарки как организации, управляемые специалистами, главной целью которых является увеличение благосостояния местного сообщества посредством продвижения инновационной культуры, а также состоятельности инновационного бизнеса и научных организаций. Для достижения этих целей технопарк стимулирует, управляет потоками знаний и технологий между университетами, научно-исследовательскими институтами, компаниями и рынками. По состоянию на 2019 г. в России насчитывалось более 70 действующих и свыше 60 создающихся либо запланированных к строительству в ближайшее время технопарков [12].

Методические подходы к стратегическому управлению в вышеперечисленных инновационных моделях ПРОЭС, несмотря на их разнообразие, могут иметь много общего. Данное положение обосновано тем, что все описанные выше инновационные модели в определенной степени выступают в качестве «особых экономических зон, районов, территорий», но каждая со своей спецификой и особенностями. С учетом этого представляется целесообразным рассматривать в целях применения апробированные методические аспекты стратегического управления так называемых классических ОЭЗ. Многие из свойственных им управленческих механизмов могут быть применимы и для характеризующих инновационных моделей ПРОЭС.

Вместе с тем, как показывает анализ, методические аспекты стратегического управления в кластерных образованиях в отношении деятельности инновационных моделей ПРОЭС могут быть использованы в значительно меньшей степени, а в ряде случаев неприменимы. Это обусловлено тем, что при некотором сходстве двух основных форм развития ПРОЭС между ними существуют и принципиальные различия. Логика связывает кластеры и ОЭЗ в понятия, достаточно близкие по смыслу и содержанию. Их объединяет территориальный принцип размещения и оптимального сочетания производственных единиц, а главное различие связано со степенью формализации, законодательного и институционального закрепления их экономической деятельности. Если деятельность ОЭЗ в нормативно-правовом смысле урегулирована, то кластеры — понятие неформальное и может быть применено по

Рис. 1. Действующая обобщенная модель стратегического управления в ОЭЗ [1; 14]

отношению к образованиям различного типа. С точки зрения стратегического управления ОЭЗ характеризуется наличием локальной администрации на ее территории, а кластер — это договорная в большей степени система, построенная на взаимозависимости, сотрудничестве и доверии [13].

С учетом изложенного важно рассмотреть организационные структуры управления в системе стратегического управления инновационных форм ПРОЭС (далее — инновационных образований). На наш взгляд, как и в ОЭЗ, в рассматриваемых инновационных образованиях основными органами управления должны являться наблюдательные советы (советы) и управляющие компании, что отражено на рисунке 1.

Несмотря на разнообразие форм инновационных образований, специфики их организации и деятельности, возможна выработка единых методических подходов к формированию, составу и функциям указанных органов управления. Так, в целях координации деятельности соответствующих органов управления субъекта РФ, муниципальных образований и хозяйствующих субъектов, контроля за выполнением за-

ключаемых соглашений и расходованием бюджетных средств, рассмотрения и утверждения стратегических планов развития и контроля за их реализацией в соответствующих образованиях должны создаваться наблюдательные советы. В их состав могут входить представители исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, исполнительно-распорядительного органа муниципальных образований, резидентов образования и иных организаций.

В компетенции наблюдательного совета — рассмотрение вопросов о координации деятельности по развитию инновационного образования, выполнении соглашения о создании образования, об утверждении и контроле реализации стратегических планов развития, содействии в реализации проектов резидентов и иных инвесторов, участии новых резидентов и ознакомлении с их бизнес-планами, использовании бюджетных средств, выделяемых на обустройство территории образования и др.

Для управления деятельностью резидентов в рассматриваемых образованиях на их территориях создаются управляющие компании. Они, как правило, должны осуществлять ряд функций: разработку стратегии формирова-

ния и развития, планирование, организацию и оперативное управление; привлечение и контроль расходования финансовых средств, решение вопросов по аренде и обслуживанию недвижимости, инженерных сооружений и оборудования; организацию взаимодействия между резидентами, инвесторами и иными организациями-участниками; обеспечение создания объектов инфраструктуры и иных объектов, предназначенных для функционирования и обслуживания образования; привлечение новых резидентов и иных инвесторов и др. [1; 15].

С учетом анализа опыта действующих инновационных форм ПРОЭС можно выделить три возможных типа управляющих компаний в зависимости от той или иной ситуации. Во-первых, если управление осуществляется субъектом РФ, то управляющая компания должна быть в стопроцентном владении соответствующего субъекта РФ. Во-вторых, возможна передача функций управляющей компании региональному органу исполнительной власти или бюджетному учреждению. В-третьих, допускается принятие решения о создании либо привлечении частной управляющей компании на конкурсной основе. Для повышения эффективности деятельности управляющих компаний в рассматриваемых образованиях ввиду изученного опыта рекомендована выработка и определение единых стандартов и регламентов, регулирующих деятельность компаний; состава выполняемых ими функций; требований к срокам и содержанию отчетности; показателей эффективности функционирования во взаимосвязке с региональной, таможенной и налоговой политикой; банка данных по реестрам возможных резидентов с целью привлечения к участию в реализации наиболее значимых инновационных проектов и бизнес-планов; единой базы данных по деятельности дочерних обществ, которым могут быть делегированы функции управления от имени компании и пр. [1; 14].

Несомненно, ведущим фактором эффективного функционирования и развития любой инновационной модели ПРОЭС будет являться избранная стратегия. Полагаем, что к охарактеризованным инновационным моделям вполне применим, учитывая их специфику, современный инструментарий стратегического менеджмента [16]. Так, для крупных инновационных образований, имеющих в структуре самостоятельные хозяйствующие субъекты (стратегические единицы бизнеса, СЕБ), первоосновой для стратегий нижестоящих иерархических уровней станет корпоративная стратегия. Она должна предусматривать оптимизацию функционирования всех стратегических структурных элементов — СЕБ,

входящих в состав инновационного образования. Данная стратегия, скорее всего, будет реализована в виде двух основных форм: стратегии концентрированного роста и диверсификационной стратегии, как показано на рисунке 2.

Стратегия концентрированного роста предполагает развитие инновационного образования путем совершенствования либо выпуска новой продукции без перехода в другие отрасли и на новые рынки. Стратегия диверсификации, в отличие от первой, предусматривает освоение дополнительных отраслей и рынков за счет приобретения, слияния и поглощения предприятий на этих рынках (в отраслях). Так, например, крупный индустриальный или технологический парк, реализуя данную стратегию, может ставить в качестве стратегической цели преобразование в перспективе в ТОР либо промышленный или инновационно-промышленный кластер.

Предприятия-резиденты (СЕБ), входящие в состав таких крупных инновационных образований, или относительно небольшие самостоятельные инновационные образования (инновационные центры, центры трансфера технологий, бизнес-инкубаторы и др.) призваны разрабатывать и реализовывать собственные бизнес-стратегии. Наиболее предпочтительными формами этих стратегий, очевидно, станут стратегии дифференциации, фокусирования и первопроходца. Стратегия дифференциации направлена на изготовление особой продукции на основе уникальности, максимального разнообразия и более высокого качества по сравнению с конкурентами. Целесообразно при этом реализовывать разновидности дифференциации: продуктовую и сервисную дифференциацию, дифференциацию персонала и имиджа. Стратегию фокусирования можно определить как выбор ограниченной по масштабам сферы хозяйственной деятельности с резко очерченным кругом потребителей, что будет зависеть от специфики выпускаемой продукции. Стратегия первопроходца предполагает приобретение конкурентных преимуществ за счет создания принципиально новых товаров или технологий, удовлетворения существующих или неосознанных потребностей покупателей новым способом.

Представляется, что для рассматриваемых инновационных образований необходимым условием станет обязательная разработка действенных функциональных стратегий, прежде всего маркетинговой, производственной, а также научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Производственная стратегия и стратегия НИОКР ввиду специфики анализируемых нами инновационных форм обязательны с точки зрения

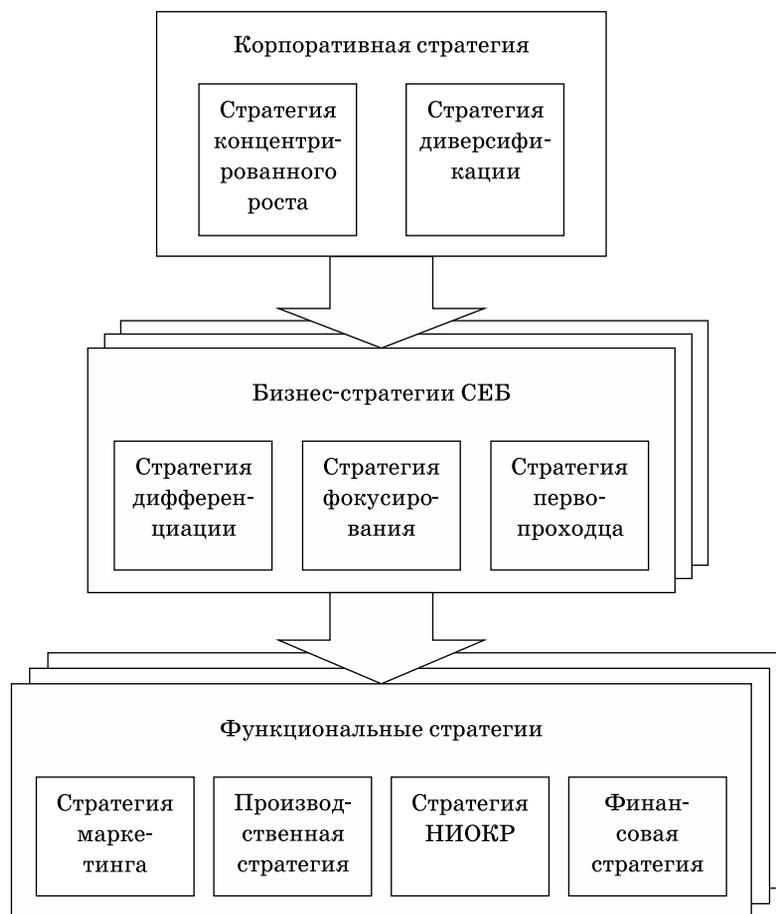

Рис. 2. Блок-схема системы стратегий развития инновационных образований ПРОЭС

выпуска ими передовых или принципиально новых видов продукции. Стратегия маркетинга должна нацеливать производственную стратегию и стратегию НИОКР на выпуск именно той продукции, которая будет необходима потенциальным потребителям. Кроме того, она должна обеспечивать и всеобъемлющий сбыт такой продукции потребителям за счет интенсивной и эффективной коммуникативной деятельности. Для этих целей используются разнообразные маркетинговые технологии. С учетом формирования и развития цифровой экономики [19] широкое распространение получает применение цифровых технологий в различных сферах деятельности, в том числе и в маркетинге [20; 21; 22]. К наиболее перспективным из них сегодня относятся интернет-маркетинг, маркетинг в социальных сетях, мобильный и вирусный маркетинг, нейромаркетинг, селебрити-маркетинг, продакт плейсмент и др. [23].

Выводы

Таким образом, развитие экономики способствовало возникновению таких новых форм пространственно-распределенных организационно-экономических систем, как кластеры и особые экономические зоны. Это привело к появлению различных инновационных моделей пространственно-распределенных организационно-экономических систем. Среди них — территории опережающего развития, промышленные, технологические парки, технополисы, инновационные центры, центры трансфера технологий, бизнес-инкубаторы и др. По нашему мнению, очевидна необходимость научного обоснования методических подходов к стратегическому управлению этими инновационными образованиями, формированию соответствующих организационных структур управления и комплекса стратегий различных иерархических уровней.

Литература

1. *Стратегическое управление территориями: учебник. Ч. 2. Методологические основы стратегического управления территориями (магистратура) / под общ. ред. В. Л. Михеева. СПб.: Андреевский изд. дом, 2018. 639 с.*
2. *Панфилова Е. Е. Управление интегрированными производственными процессами в организациях // Экономика в промышленности. 2014. № 1. С. 42–48. DOI: 10.17073/2072-1633-2014-1-42-48.*

3. Колосовский Н. Н. Основы экономического районирования. М.: Госполитиздат, 1958. 200 с.
4. Кластерная экономика и промышленная политика: теория и инструментарий: монография / под ред. А. В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. 588 с.
5. Бабкин А. В., Новиков А. О. Кластер как субъект экономики: сущность, современное состояние, развитие // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2016. № 1 (235). С. 9–29. DOI: 10.5862/ЖЕ.235.1.
6. Перечень – список промышленных кластеров России – 2019 год // Индустриальные парки и технопарки России. URL: <https://russiaindustrialpark.ru/article/perechen-spisok-promyshlennyh-klasterov-rossii-2019-god> (дата обращения: 03.05.2019).
7. Об особых экономических зонах в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ (ред. от 18.07.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599 (дата обращения: 03.05.2019).
8. Особые экономические зоны [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/sez?WCM_PageSize.e1149488-9c28-4490-bb77-fd1587334de5=40 (дата обращения: 03.05.2019).
9. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 29 дек. 2014 г. № 473-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 03.05.2019).
10. Территории опережающего развития. Список 2019 [Электронный ресурс] // Финкан.ру. URL: http://fincan.ru/articles/86_territorii-operezhayushchego-razvitiya-spisok-2019/ (дата обращения: 03.05.2019).
11. Ассоциация индустриальных парков России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.indparks.ru/> (дата обращения: 03.05.2019).
12. Перечень – список технопарков России – 2019 год [Электронный ресурс] // Индустриальные парки и технопарки России. URL: http://russiaindustrialpark.ru/tehnopark_catalog_perechenu_spisok_russia (дата обращения: 03.05.2019).
13. Овечкина И. В. Кластеры и особые экономические зоны: сходства и различия // Центральный научный вестник. 2017. Т. 2, № 22S. С. 37–38.
14. Янков К. В., Моисеев А. К., Евграфов Д. А. Проблемы и перспективы развития особых экономических зон в России [Электронный ресурс] // Экономический портал. URL: <http://institutiones.com/general/2930-problemy-perspektivy-razvitiya-osobux-ekonomicheskix-zon-rossii.html> (дата обращения: 03.05.2019).
15. Теоретические и методологические основы формирования творческих кластеров на территории Санкт-Петербурга: монография / под общ. ред. А. Д. Евменова. СПб.: Изд-во СПбГИКиТ, 2015. 156 с.
16. Байков Е. А., Евменов А. Д., Морцагина Н. А. Стратегический менеджмент: учеб. пособие. СПб.: СПбГИКиТ, 2015. 271 с.
17. Бабкин А. В., Уткина С. А. Формирование инновационно-промышленного кластера на основе виртуального предприятия // Экономика и управление. 2012. № 10 (84). С. 58–61.
18. Реструктуризация и устойчивое развитие экономических систем: коллективная монография / под ред. А. В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2006. 715 с.
19. Бабкин А. В., Буркальцева Д. Д., Костень Д. Г., Воробьев Ю. Н. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2017. Т. 10, № 3. С. 9–25. DOI: 10.18721/ЖЕ.10301.
20. Аксенов Д. А., Куприков А. П., Саакян П. А. Направления и особенности применения блокчейн-технологий в экономике // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2018. Т. 11, № 1. С. 30–38. DOI: 10.18721/ЖЕ.11103.
21. Никонов А. А., Стельмашонок Е. В. Анализ внедрения современных цифровых технологий в финансовой сфере // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2018. Т. 11, № 4. С. 111–119. DOI: 10.18721/ЖЕ.11408.
22. Костин Г. А., Упорова И. В. Трансформация предпринимательской деятельности под влиянием цифровой экономики // Экономика и управление. 2018. № 12 (158). С. 51–60.
23. Байков Е. А., Байкова И. А., Морцагина Н. А. Актуализация использования инновационных маркетинговых технологий в экономической и политической сферах деятельности современного общества // Петербургский экономический журнал. 2017. № 3. С. 33–43.

References

1. Mikheev V. L., ed. *Strategicheskoe upravlenie territoriyami. Ch. 2: Metodologicheskie osnovy strategicheskogo upravleniya territoriyami* [Strategic management of territories. Pt. 2: Methodological foundations of the strategic management of territories]. St. Petersburg: Andreevskiy Publ. House, 2018. 639 p.
2. Panfilova E. E. *Upravlenie integrirovannymi proizvodstvennymi protsessami v organizatsiyakh* [Management of integrated manufacturing processes in organizations]. *Ekonomika v promyshlennosti*, 2014, no. 1, pp. 42–48. DOI: 10.17073/2072-1633-2014-1-42-48.

3. Kolosovskiy N. N. *Osnovy ekonomicheskogo rayonirovaniya* [Basics of economic zoning]. Moscow: Gospolitizdat, 1958. 200 p.
4. Babkin A. V., ed. *Klasternaya ekonomika i promyshlennaya politika: teoriya i instrumentariy* [Cluster economics and industrial policy: Theory and tools]. St. Petersburg: Polytechnic Univ. Publ., 2015. 588 p.
5. Babkin A. V., Novikov A. O. *Klaster kak sub"ekt ekonomiki: sushchnost', sovremennoe sostoyanie, razvitie* [Cluster as a subject of economy: essence, current state, development]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki*, 2016, no. 1, pp. 9–29. DOI: 10.5862/JE.235.1.
6. *The list of industrial clusters in Russia – 2019*. Industrial parks and technology parks of Russia. Available at: <https://russiaindustrialpark.ru/article/perechen-spisok-promyshlennyh-klasterov-rossii-2019-god>. Accessed 03.05.2019. (in Russ.).
7. *On special economic zones in the Russian Federation. Federal Law of July 22, 2005 No. 116-FZ (as amended on July 18, 2017)*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599. Accessed 03.05.2019. (in Russ.).
8. *Special economic zones*. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Available at: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/sez?WCM_PageSize.e1149488-9c28-4490-bb77-fd1587334de5=40. Accessed 03.05.2019. (in Russ.).
9. *On territories of advanced social and economic development in the Russian Federation. Federal Law of December 29, 2014 No. 473-FZ*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/. Accessed 03.05.2019. (in Russ.).
10. *Advanced development territories. List 2019*. Fincan.ru. Available at: <http://fincan.ru/articles/86-territorii-operezhayushchego-razvitiya-spisok-2019/>. Accessed 03.05.2019. (in Russ.).
11. *Association of Industrial Parks of Russia*. Available at: <http://www.indparks.ru/>. Accessed 03.05.2019. (in Russ.).
12. *The list of technology parks in Russia – 2019*. Industrial parks and technology parks of Russia. Available at: http://russiaindustrialpark.ru/tehnopark_catalog_perecheny_spisok_russia. Accessed 03.05.2019. (in Russ.).
13. Ovechkina I. V. *Klastery i osoby ekonomicheskie zony: skhodstva i razlichiya* [Clusters and special economic zones: Similarities and differences]. *Tsentral'nyy nauchnyy vestnik*, 2017, vol. 2, no. 22S, pp. 37–38.
14. Yankov K. V., Moiseev A. K., Evgrafov D. A. *Problems and prospects for the development of special economic zones in Russia*. Economic Portal. Available at: <http://institutiones.com/general/2930-problemy-perspektivy-razvitiya-osobyx-ekonomicheskix-zon-rossii.html>. Accessed 03.05.2019. (in Russ.).
15. Evmenov A. D., ed. *Teoreticheskie i metodologicheskie osnovy formirovaniya tvorcheskikh klasterov na territorii Sankt-Peterburga* [Theoretical and methodological foundations of the formation of creative clusters in St. Petersburg]. St. Petersburg: SPb. State Univ. of Film and Television, 2015. 156 p.
16. Baikov E. A., Evmenov A. D., Morshchagina N. A. *Strategicheskii menedzhment* [Strategic management]. St. Petersburg: SPb. State Univ. of Film and Television, 2015. 274 p.
17. Babkin A. V., Utkina S. A. *Formirovanie innovatsionno-promyshlennogo klastera na osnove virtual'nogo predpriyatiya* [Formation of an innovative industrial cluster based on a virtual enterprise]. *Ekonomika i upravlenie*, 2012, no. 10 (84), pp. 58–61.
18. Babkin A. V., ed. *Restrukturizatsiya i ustoychivoe razvitie ekonomicheskikh system* [Restructuring and sustainable development of economic systems]. St. Petersburg: Polytechnic Univ. Publ., 2006. 715 p.
19. Babkin A. V., Burkal'tseva D. D., Kosten' D. G., Vorob'ev Yu. N. *Formirovanie tsifrovoy ekonomiki v Rossii: sushchnost', osobennosti, tekhnicheskaya normalizatsiya, problemy razvitiya* [Formation of digital economy in Russia: Essence, features, technical normalization, development problems]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 9–25. DOI: 10.18721/JE.10301.
20. Aksenov D. A., Kuprikov A. P., Saakyan P. A. *Napravleniya i osobennosti primeneniya blokcheyn-tekhnologiy v ekonomike* [Trends and features of blockchain application in economy and finance]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 30–38. DOI: 10.18721/JE.11103.
21. Nikonov A. A., Stel'mashonok E. V. *Analiz vnedreniya sovremennykh tsifrovyykh tekhnologiy v finansovoy sfere* [Analysis of the introduction of modern digital technologies in the financial sector]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 111–119. DOI: 10.18721/JE.11408.
22. Kostin G. A., Uporova I. V. *Transformatsiya predprinimatel'skoy deyatelnosti pod vliyaniem tsifrovoy ekonomiki* [Transformation of entrepreneurship under the influence of the digital economy]. *Ekonomika i upravlenie*, 2018, no. 12 (158), pp. 51–60.
23. Baikov E. A., Baikova I. A., Morshchagina N. A. *Aktualizatsiya ispol'zovaniya innovatsionnykh marketingovykh tekhnologiy v ekonomicheskoy i politicheskoy sferakh deyatelnosti sovremennogo obshchestva* [Actualization of the use of innovative marketing technologies in the economic and political spheres of modern society]. *Peterburgskiy ekonomicheskii zhurnal*, 2017, no. 3, pp. 33–43.

ПРОБЛЕМЫ ЗАСТРОЙКИ МАЛЫХ И СРЕДНИХ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-24-29

УДК 332.14

Кафидов Владимир Викторович

заведующий кафедрой Калининградского института экономики (филиала Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики),

кандидат экономических наук, доцент

236022, г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 17, e-mail: vvkafidov@gmail.com

Филиппов Вадим Николаевич

директор Калининградского института экономики (филиала Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики)

236022, г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 17, e-mail: folad@yandex.ru

Филиппова Ирина Петровна

директор Калининградского филиала

Библиотеки информационно-образовательных ресурсов

236022, г. Калининград, ул. Комсомольская, д. 41

В статье рассмотрены проблемы застройки малых и средних городов России, а также предлагаются пути их решения.

Цель. Исследовать город как социально-экономическую среду существования его жителей и базовый фактор развития общества.

Задачи. Определить ключевые проблемы развития и застройки малых и средних российских городов, которые нарушают исторический облик и негативно влияют на среду жизнедеятельности населения.

Методология. Проблемы застройки малых и средних городов России изучены на основе теоретических методов: систематического подхода, статистического анализа, социального и философского анализа.

Результаты. Определены основные негативные последствия существующей модели развития малых и средних российских городов, к которым относятся такие, как уничтожение исторического и культурного облика города, нарушение общей архитектурной картины, повышение нагрузки на коммуникации, перегрузка транспортной инфраструктуры.

Выводы. Развитие малых и средних городов России на современном этапе не может быть эффективным в рамках применяемой точечной (уплотнительной) застройки. Без нового концептуального подхода к данному вопросу, изменения законодательных и нормативных основ градостроения невозможно остановить процесс хаотичной застройки. Единственным фактором, определяющим границы существующего подхода к вопросу о застройке, является физическое отсутствие места для возведения новых зданий в городских районах. В статье даны предложения, позволяющие решать рассматриваемые проблемы застройки малых и средних городов России.

Ключевые слова: *малые и средние города России, уплотнительная застройка, развитие территории, использование потенциала города, социально-экономическая среда.*

Для цитирования: Кафидов В. В., Филиппов В. Н., Филиппова И. П. Проблемы застройки малых и средних российских городов // *Экономика и управление.* 2019. № 7 (165). С. 24–29. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-24-29.

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM RUSSIAN TOWNS

Vladimir V. Kafidov

*Branch of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics in Kaliningrad
Karla Marksa St. 17, Kaliningrad, Russian Federation, 236022, e-mail: vvkafidov@gmail.com*

Vadim N. Filippov

*Branch of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics in Kaliningrad
Karla Marksa St. 17, Kaliningrad, Russian Federation, 236022*

Irina P. Filippova

*Branch of the Library of Education Resources and Information in Kaliningrad
Komsomol'skaya St. 41, Kaliningrad, Russian Federation, 236022*

The presented study addresses the problems of development of small and medium towns in Russia.

Aim. The study aims to examine a town as a socio-economic environment where its residents exist and as the fundamental factor for the development of society.

Tasks. The authors identify key problems in the development of small and medium Russian towns, which interferes with the historical appearance and has a negative impact on the living environment.

Methods. Problems in the development of small and medium towns in Russia are examined using theoretical methods: systematic approach, statistical analysis, social and philosophical analysis.

Results. The study identifies the main negative effects of the existing model of development of small and medium Russian towns, such as destruction of their historical and cultural appearance, distortion of the overall architectural motif, increased load on communications, and congestion of the transport infrastructure.

Conclusions. At the current stage, efficient development of small and medium towns in Russia is impossible within the framework of the existing infill development. This chaotic process cannot be stopped without a new conceptual approach and changes in the legislative and normative framework of urban development. The only factor that determines the boundaries of the existing approach to urban development is the lack of physical space for new buildings in urban areas. The authors formulate proposals that would help to solve the problems of development of small and medium towns in Russia.

Keywords: *small and medium Russian towns, infill development, territorial development, utilization of the town's potential, socio-economic environment.*

For citation: Kafidov V. V., Filippov V. N., Filippova I. P. Problemy zastroйки malyx i srednix rossijskix gorodov i puti ikh resheniya [Problems of Development of Small and Medium Russian Towns]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 7 (165), pp. 24–29. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-24-29.

Согласно статистике, сегодня в Российской Федерации (РФ) поселения, относящиеся к категории малых городов (788 шт.), составляют 70,9 % от их общего количества, а в категорию средних (154 шт.) входят 13,8 % от общего количества городов страны (1 112 шт.) [1]. Число жителей малых городов (16 млн чел.) — 15,7 % от общего городского населения страны (102,044 млн чел.), а средних (10,7 млн чел.) — 10,5 % [1]. Кроме того, в зоне воздействия малых и средних городов — около 33 млн сельян, для которых данные города выступают центрами социального и культурного влияния [2].

В большинстве малых и средних российских городов существуют систематические проблемы с застройкой, содержанием и развитием инфраструктуры, демографией [3]. Ввиду этого предлагаем рассмотреть проблему уплотнительной или так называемой точечной застройки, основным признаком которой является застройка малых российских городов не «вширь», а «внутрь», характерная для многих городов РФ [4]. В любом из них можно найти пример, когда в том или ином квартале появляется новый жилой дом, не соответствующий архитектурному окружению. Причина этого заключается в стремлении застройщиков извлечь максимальную выгоду из наиболее привлекательных участков города. Путь точечной застройки выбирают не только российские города. Ее элементы присутствуют практически в любом крупном городе мира. Однако на Западе, когда речь идет о малых городах, муниципальные власти неохотно дают согласие на уплотнительную застройку, поскольку строительство происходит на пустых участках в сложившихся кварталах или подразумевает повышение этажности, пристройку

к существующим зданиям. Все это негативно влияет на архитектуру, уничтожая исторически сложившийся облик населенного пункта, нарушает инфраструктурную среду, увеличивает нагрузку на коммуникации.

В контексте темы нашего исследования определим, какие из соответствующих населенных пунктов считаются малыми и средними. Свод правил планировки и застройки [5] классифицирует российские города как крупнейшие с населением свыше 1 млн чел.; крупные — от 250 тыс. чел. до 1 млн чел.; большие — от 100 до 250 тыс. чел.; средние — от 50 до 100 тыс. чел.; малые — до 50 тыс. чел. Союз малых городов РФ объединяет города и поселки городского типа до 200 тыс. жителей [6]. В целях нашего исследования предлагаем исходить из того, что малые города — это поселения до 50 тыс. жителей, средние города — до 250 тыс. жителей.

Для проведения уплотнительной застройки необходимо соблюдать жесткие правила, установленные администрацией каждого города, что не присуще отечественной практике. Вместо зеленого массива между домами может появиться многоэтажный дом, а вместо детской площадки — здание частной клиники. Негативные последствия такой застройки проявляются в уничтожении исторического и культурного облика города, нарушении общей архитектурной картины, повышении нагрузки на коммуникации, перегрузке транспортной инфраструктуры. Застройщики-бизнесмены на современном этапе развития России заинтересованы в использовании застройки, «растущей внутрь», поскольку она позволяет им экономить на создании новой инфраструктуры и коммуникаций. О комфортности и даже об удобстве среды для проживания они не дума-

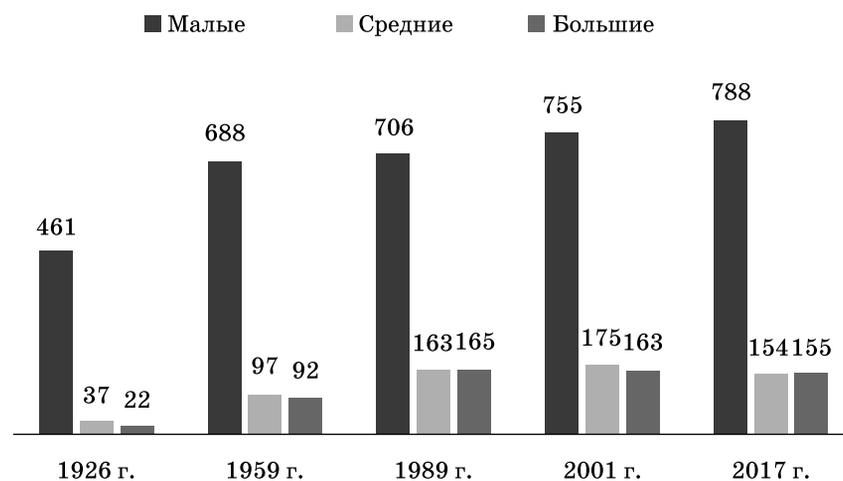

Рис. 1. Количество городов России по категориям, ед.

ют, так как определяющим критерием для них служит себестоимость жилья. В сложившейся экономической ситуации в государстве большинство желающих приобрести жилье ориентируются на его стоимость, пусть и в ущерб качеству.

Города признаны в мире основным фактором, влияющим на состояние окружающей среды [7; 8] и экологии. Крупные из них в удельном отношении влияют на окружающую среду больше, однако их меньше количественно в сравнении с малыми [9]. С середины XX в. многочисленные кризисы воздействуют на общество в глобальном масштабе, что особенно заметно в малых и средних городах [10; 11]. По мнению ряда исследователей, именно среда обитания, в том числе порядок и направление застройки, приобретают первостепенное значение в развитии городов любого размера [12]. Точечная застройка – это вынужденная мера, оправданная в некоторой степени для мегаполисов и крупных, но не для средних и малых городов [13; 14]. Большинство исследователей и специалистов в мире считают, что застройка малых и средних городов, в отличие от мегаполисов, не должна быть точечной [15]. В России и власти, и немало исследователей поддерживают идею точечной (уплотнительной) застройки малых и средних городов [16]. Представляется, что данное отношение исторически восходит к советскому периоду, когда малые и средние города воспринимались в первую очередь не как среда обитания их жителей, а как географическая концентрация персонального ресурса, обеспечивающего производство того или иного вида продукции.

Проводя исторический анализ, необходимо отметить, что города на территории России в советское время возникали там, где это было требовалось государству для достижения глобальных целей. Не было увязки с социальной, экологической и микроэкономической необходимостью создания или уничтожения

города. Государство, преследуя глобальные цели, выделяло ресурсы для строительства новых городов, переселения в них жителей, создания производств и др. Например, для создания сети гидроэлектростанций (ГЭС) уничтожались (затапливались) десятки малых и средних городов. При этом создавались новые поселения на участках, востребованных при использовании получаемой электроэнергии и обслуживании ГЭС.

На протяжении постсоветского периода подавляющее число малых и средних городов РФ находятся в кризисе. Последний связан как с общим социально-экономическим состоянием страны в целом, так и с особенностями городов (прекращением государственного финансирования, деиндустриализацией, старением и уменьшением населения) в частности. По статистике, в XX в. количество малых, средних и больших городов в России изменялось в таком виде, как показано на рисунке 1 [1; 17].

Очевидным становится тот факт, что в Советском Союзе основную массу прироста городских образований составляли именно малые города, затем следовали средние, а после них — большие. К концу 2017 г. количество малых городов составило 788 единиц, в том числе за счет потери статуса среднего города многими городскими поселениями, число которых с 1989 по 2017 г. уменьшилось (175 и 154 соответственно). При этом численность населения, проживающего в малых и средних городах России, также изменяла, о чем свидетельствует рисунок 2 [1; 17].

Анализируя данные, представленные на рисунке 2, несложно заметить, что наименьшему изменению с 1989 по 2017 г. подверглось количество жителей малых городов. Однако это произошло и потому, что сократилось количество средних городов, перешедших в статус малых (с 2001 по 2017 г.). Рост числа малых и средних городов в советский период связан с прямым (зачастую дотационным) государ-

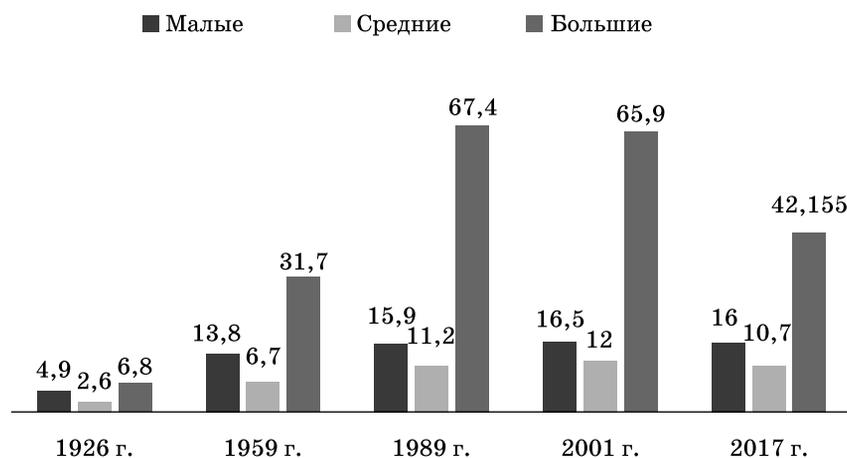

Рис. 2. Численность населения городов России, млн чел.

ственным финансированием. Но именно это резко повышало монопрофильность многих городов. В постсоветское время резко снизилось отраслевое финансирование градообразующих предприятий и сфер деятельности. Как следствие, сократилось финансирование ЖКХ и поддержания инфраструктуры городского хозяйства, вырос уровень безработицы и неустроенности населения.

Таким образом, к историческим предпосылкам главных проблем развития, присущих малым и средним российским городам на современном этапе, следует отнести последствия советской урбанизации, монопрофильность этих населенных пунктов, дотационный характер существования городских поселений, отсутствие адекватной социально-экономической структуры [18]. Последствия постсоветских реформ, социально-экономические трансформации в современной России, связанные, как правило, с изменениями, а иногда прекращением функционирования экономических механизмов и отраслей, оказали огромное негативное влияние на существование малых городов, перечеркнув перспективы их развития [19].

Исследователи чаще всего указывают на экономические, инфраструктурные, демографические, финансовые, экологические [20] факторы, влияющие на развитие малых и средних российских городов. Дефицит экономических, инфраструктурных и финансовых ресурсов «подталкивает» городские власти и застройщиков к применению концепции точечной застройки. Некоторые российские эксперты говорят о том, что при сегодняшнем кризисном состоянии это единственный реальный выход выполнения государственных программ по строительству жилья [21].

Однако в перспективе такие явления, как использование точечной застройки и уплотнение малых и средних городов, будут способствовать их деградации как среды обитания. Уплотнение ведет к усилению экологических

и инфраструктурных проблем города. Такая застройка не предполагает развитие города ни в архитектурном, ни в социальном, ни в экономическом, ни в инфраструктурном плане. Развитие малых и средних российских городов в рамках точечной (уплотнительной) застройки невозможно. Но без изменения концептуального подхода к данной проблеме, а также законодательных и нормативных основ градостроения не остановить этот продолжающийся процесс. В сложившейся ситуации уплотнительная застройка прекратится, если физически не останутся места для возведения новых зданий в существующих городских районах.

Представляется, что для решения проблемы уплотнения малых городов России и прекращения их «роста внутрь» необходимы следующие меры:

- 1) изменение Градостроительного кодекса РФ — внесение положения об обязательном архитектурном планировании расширения городов, а не их уплотнения (в настоящее время законодательные и исполнительные органы власти городов самостоятельно определяют правила и нормы застройки, принимают соответствующие планы; в данном контексте уплотнительную застройку для малых и средних необходимо признать исключительной, а ответственность муниципальных властей за ее использование повысить);
- 2) для реального исключения точечной застройки требуется повышение финансового участия государства (выделение целевых средств) в строительство, обеспечение малых и средних городов инфраструктурой (дорогами, коммуникациями), что снизит влияние финансового фактора, воздействующего на процесс точечной застройки;
- 3) на федеральном и муниципальном уровнях законодательно следует обеспечить увеличение доли частного строительства в малых городах (предоставление льгот, снижение

ставок по кредитам, облегчение получения разрешений для строительства на окраинах).

Соответствующие меры значительно снизят объемы уплотнительной застройки малых и средних городов России, позволят избежать негативных последствий необоснованного повышения этажности зданий в таких населенных пунктах, будут способствовать уменьшению уровня негативного воздействия на окружающую среду и экологию. Предпосылки для

реализации на практике предложений, указанных в данной статье, очевидны. Не требуется вносить глобальные изменения в технологические, правовые и экономические основы градостроения. Предложения авторов настоящего исследования призваны изменить отношение государственной и муниципальной власти к распределению ресурсов, направляемых на строительство в малых и средних российских городах.

Литература

1. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6f3ce (дата обращения: 29.06.2019).
2. Зыкова Н. В., Хозяинова С. В. Малые города в системе социально-экономического развития региона: современные тенденции и проблемы // Проблемы современной экономики. 2011. № 4 (40). С. 264–266.
3. Черепанов К. А. Проблема застройки городов и варианты ее решения [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Городское хозяйство и ЖКХ». 2017. 27 сент. URL: www.gkh.ru/article/102340-problema-zastroyki-gorodov (дата обращения: 29.06.2019).
4. Овсянникова Т. Ю., Николаенко М. Н. Оценка качества градостроительной среды на урбанизированных территориях: межрегиональные сопоставления // Мир экономики и управления. 2015. Т. 15, № 2. С. 120–131.
5. СП 42.13330.2011 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200084712> (дата обращения: 29.06.2019).
6. Официальный сайт Союза малых городов Российской Федерации. URL: <http://smgrf.ru/about/> (дата обращения: 29.06.2019).
7. Rode Ph. Der Klimaschutz fordert die Städte: ein globales Städtetzwerk nimmt sich der Klimafragen an // Stadtblick. 2008. No. 18. P. 4–10.
8. Wuthnow R. Small-town America: Finding Community, Shaping the Future. Princeton, NJ; Woodstock: Princeton University Press, 2013. 498 p.
9. Tutusaus M. The big problem of neglecting small towns // Flows. Research. 2017. 31 March.
10. Bell D., Jayne M. Small cities? Towards a research agenda // International Journal of Urban and Regional Research. 2009. Vol. 33, no. 3. P. 683–699. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2009.00886.x>.
11. Yigitcanlar T., Lee S. H. Korean Ubiquitous-eco-city: A smart-Sustainable Urban Form or a Branding Hoax? // Technological Forecasting and Social Change. 2014. Vol. 89. P. 100–114. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2013.08.034>.
12. Roggema R. The Future of Sustainable Urbanism: Society-Based, Complexity-Led, and Landscape-Driven // Sustainability. 2017. Vol. 9, no. 8. P. 1442. DOI: 10.3390/su9081442.
13. Талалушкина Ю. Н. Зарубежный опыт организации малых городов // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 14 (269). С. 55–60.
14. Portnov B., Errell E. Urban Clustering: The Benefits and Drawbacks of Location. Aldershot: Ashgate Publ. Ltd., 2001. 317 p.
15. Forstall R. L., Greene R. P., Pick J. B. Which are the largest? Why Lists of Major Urban Areas Vary so Greatly // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2009. Vol. 100, no. 3. P. 277–297. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9663.2009.00537.x>.
16. Пешина Е. В., Рыженков А. В. Точечная застройка городов: российский и зарубежный опыт // Известия Уральского государственного экономического университета. 2013. № 5 (49). С. 92–97.
17. Серова Е. Малые города России: прошлое, настоящее и будущее [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. Блоги. 2013. 29 дек. URL: https://echo.msk.ru/blog/gorod_ot_uma/1227610-echo/ (дата обращения: 29.06.2019).
18. Прусова В. И., Коваленко Н. В., Безновская В. В., Кириллова В. О. Моногорода России: проблемы и перспективы развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 11. С. 187–193.
19. Баранова А. С., Жандарова Н. Е., Мурсякова В. И. Актуальные проблемы малых городов и перспективы их развития на примере города Углича // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2014. № 3 (9). С. 12–16.
20. Попов А. В., Гнатюк М. А. Стратегии инновационного развития малых городов России: специфика проблем и ресурсный потенциал // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6, № 2. С. 251–259.
21. Муринец Е. В тесноте и в обиде. Что мешает ускорить строительство жилья [Электронный ресурс] // Forbes. 2018. 09 июня. URL: <http://www.forbes.ru/profile/360467-evgeniya-murinec> (дата обращения: 29.06.2019).

References

1. *The population of the Russian Federation by municipalities*. Official website of the RF Federal State Statistics Service. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce. Accessed 29.06.2019. (in Russ.).
2. Zykova N. V., Khozyainova S. V. *Malye goroda v sisteme sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona: sovremennye tendentsii i problemy [Small towns in the system of socio-economic development of the region: Current trends and problems]*. *Problemy sovremennoy ekonomiki*, 2011, no. 4 (40), pp. 264–266.
3. Cherepanov K. A. *The problem of urban development and options for their solutions*. Electronic journal “Gorodskoe khozyaystvo i ZhKKh”, 27 Sept., 2017. Available at: <https://www.gkh.ru/article/102340-problema-zastroyki-gorodov>. Accessed 29.06.2019. (in Russ.).
4. Ovsyannikova T. Yu., Nikolaenko M. N. *Otsenka kachestva gradostroitel'noy sredy na urbanizirovannykh territoriyakh: mezhregional'nye sopostavleniya // Mir ekonomiki i upravleniya [Assessment of the quality of the urban environment in urbanized areas: inter-regional comparisons]*. *Mir ekonomiki i upravleniya*, 2015, vol. 15, no. 2, pp. 120–131.
5. *Set of rules 42.13330.2011. Urban development. Urban and rural planning and development. Updated edition of SNIIP 2.07.01-89*. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1200084712>. Accessed 29.06.2019. (in Russ.).
6. *Official website of the Union of Small Cities of the Russian Federation*. Available at: <http://smgrf.ru/about/>. Accessed 29.06.2019. (in Russ.).
7. Rode Ph. *Der Klimaschutz fordert die Städte: ein globales Städtenetzwerk nimmt sich der Klimafragen an [Climate protection challenges the cities: A global city network takes on the climate issues]*. *Stadtblick*, 2008, no. 18, pp. 4–10.
8. Wuthnow R. *Small-town America: Finding community, shaping the future*. Princeton, NJ; Woodstock: Princeton University Press, 2013. 498 p.
9. Tutusaus M. *The big problem of neglecting small towns*. FLOWs. 31 March, 2017. Available at: <https://flows.hypotheses.org/362>.
10. Bell D., Jayne M. *Small cities? Towards a research agenda*. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2009, vol. 33, no. 3, pp. 683–699. DOI: 10.1111/j.1468-2427.2009.00886.x.
11. Yigitcanlar T., Lee S. H. *Korean ubiquitous-eco-city: A smart-sustainable urban form or a branding hoax? Technological Forecasting and Social Change*, 2014, vol. 89, pp. 100–114. DOI: 10.1016/j.techfore.2013.08.034.
12. Roggema R. *The future of sustainable urbanism: Society-based, complexity-led, and landscape-driven*. *Sustainability*, 2017, vol. 9, no. 8, p. 1442. DOI: 10.3390/su9081442.
13. Talalushkina Yu. N. *Zarubezhnyy opyt organizatsii malykh gorodov [Foreign experience in organizing small towns]*. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2012, no. 14 (269), pp. 55–60.
14. Portnov B., Erell E. *Urban clustering: The benefits and drawbacks of location*. Aldershot: Ashgate Publ. Ltd., 2001. 317 p.
15. Forstall R. L., Greene R. P., Pick J. B. *Which are the largest? Why lists of major urban areas vary so greatly*. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, 2009, vol. 100, no. 3, pp. 277–297. DOI: 10.1111/j.1467-9663.2009.00537.x.
16. Peshina E. V., Ryzhenkov A. V. *Tochechnaya zastroyka gorodov: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt [Infill development of cities: Foreign and Russian experience]*. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2013, no. 5 (49), pp. 92–97.
17. Serova E. *Small cities of Russia: Past, present and future*. Echo of Moscow. Blogs. 29 Dec., 2013. Available at: https://echo.msk.ru/blog/gorod_ot_uma/1227610-echo/. Accessed 29.06.2019. (in Russ.).
18. Prusova V. I., Kovalenko N. V., Beznovskaya V. V., Kirillova V. O. *Monogoroda Rossii: problemy i perspektivy razvitiya [Monotowns of Russia: Problems and development prospects]*. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnyykh i estestvennykh nauk*, 2017, no. 11, pp. 187–193.
19. Baranova A. S., Zhandarova N. E., Mursyakova V. I. *Aktual'nye problemy malykh gorodov i perspektivy ikh razvitiya na primere goroda Uglicha [Actual problems of small towns and their development prospects on the example of Uglich]*. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie*, 2014, no. 3 (9), pp. 12–16.
20. Popov A. V., Gnatyuk M. A. *Strategii innovatsionnogo razvitiya malykh gorodov Rossii: spetsifika problem i resursnyy potentsial [Strategies for the innovative development of small cities in Russia: specifics of problems and resource potential]*. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2017, vol. 6, no. 2, pp. 251–259.
21. Murinets E. *In cramped and resentment. What prevents to accelerate housing construction*. Forbes. 09 June, 2018. Available at: <http://www.forbes.ru/profile/360467-evgeniya-murinec>. Accessed 29.06.2019. (in Russ.).

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-30-37

УДК 338.24:621.3

Скотаренко Оксана Вячеславовна

доцент Мурманского арктического государственного университета,
кандидат экономических наук, доцент
183038, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15, e-mail: ksen-13@mail.ru

Бабенков Валерий Иванович

старший научный сотрудник Военной академии материально-технического
обеспечения им. А. В. Хрулева, доктор военных наук, профессор
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 8

Никитин Юрий Александрович

заведующий кафедрой Военной академии материально-технического
обеспечения им. А. В. Хрулева, доктор экономических наук, профессор
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 8

Кутепова Мария Викторовна

аспирант Санкт-Петербургского
государственного экономического университета
191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21

Исследование направлено на изучение особенностей функционирования предприятий энергетического комплекса в Арктической зоне Российской Федерации.

Цель. Выявить актуальные проблемы, возникающие в процессе функционирования предприятий энергетического комплекса на арктических территориях, посредством анализа их состояния и развития, а с учетом этого обосновать выбор перспективных направлений повышения эффективности управления ими.

Задачи. Показать роль и значение энергообеспечения для функционирования социально-экономической системы арктических территорий. Проанализировать основные показатели деятельности предприятий энергетического комплекса. Обосновать рекомендации по совершенствованию организации их деятельности.

Методология. В исследовании использованы методы экономического анализа, анализа трендов, структурного анализа, а также специфические методы анализа региональной экономики.

Результаты. В настоящее время одной из наиболее значимых проблем в развитии энергетического комплекса в Арктической зоне России является высокий уровень задолженности средств в расчетах, наличие которой приводит к разбалансированности текущей деятельности энергетических компаний. Кроме того, формирование тарифов на электрическую энергию зависит от денежных средств, уплачиваемых за производство и транспортировку электроэнергии, а также за работу сбытовых компаний. Это связано как с отсутствием мониторинга состояния расчетов на постоянной основе, так и с дефицитом нормативно-правовой базы, регулирующей разногласия между сетевыми и энергосбытовыми компаниями, изучению которых в экономических исследованиях уделяется недостаточное внимание.

Выводы. По итогам исследования нами предложены ведущие направления совершенствования регулирования развития и функционирования предприятий энергетического комплекса в Арктической зоне Российской Федерации.

Ключевые слова: Арктическая зона, электроэнергетика, энергосбыт, региональная экономика, экономическое развитие.

Для цитирования: Скотаренко О. В., Бабенков В. И., Никитин Ю. А., Кутепова М. В. Проблемы и перспективы развития энергетического комплекса в Арктической зоне Российской Федерации // Экономика и управление. 2019. № 7 (165). С. 30–37. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-30-37.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF ENERGY COMPLEX DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN ARCTIC ZONE

Oksana V. Skotarenko

Murmansk Arctic State University

Kapitana Egorova St. 15, Murmansk, Russian Federation, 183038, e-mail: ksen-13@mail.ru

Valeriy I. Babenkov

Military Academy of Logistics

Makarova emb. 8, St. Petersburg, Russian Federation, 199034

Yuriy A. Nikitin

Military Academy of Logistics

Makarova emb. 8, St. Petersburg, Russian Federation, 199034

Mariya V. Kutepova

St. Petersburg State University of Economics

Sadovaya St. 21, St. Petersburg, Russian Federation, 191023

The presented study examines the specific aspects of operation of energy enterprises in the Arctic zone of the Russian Federation.

Aim. The study aims to identify the current problems in the operation of energy enterprises in the Arctic territories by analyzing their state and development and thus to substantiate the selection of perspective directions for improving the efficiency of their management.

Tasks. The authors show the role and importance of energy supply for the functioning of the socio-economic system of the Arctic territories, analyze the major performance indicators of energy enterprises, and substantiate recommendations on improving the organization of their activities.

Methods. This study uses the methodology of economic analysis, trend analysis, structural analysis, and specific methods of regional economic analysis.

Results. One of the crucial current problems in the development of the energy complex in the Russian Arctic zone is the high level of debt in the accounts, which leads to an imbalance in the current activities of energy enterprises. Furthermore, formation of electricity tariffs depends on the money paid for the generation and transportation of electricity and the services of distribution companies. This is due to the lack of continuous monitoring of the state of accounts and the lack of a legal framework for settling differences between network and energy supply companies, which are not given sufficient attention in economic studies.

Conclusions. According to the results of the study, the authors propose the major directions for improving regulation of the development and operation of energy enterprises in the Arctic zone of the Russian Federation.

Keywords: *Arctic zone, energy industry, energy supply, regional economy, economic development.*

For citation: Skotarenko O. V., Babenkov V. I., Nikitin Yu. A., Kutepova M. V. Problemy i perspektivy razvitiya energeticheskogo kompleksa v Arkticheskoy zone Rossiyskoy Federatsii [Problems and Prospects of Energy Complex Development in the Russian Arctic Zone]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 7 (165), pp. 30–37 (in Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-30-37.

Арктическая зона Российской Федерации (АЗ РФ) ввиду географического положения, природно-климатических условий, обеспеченности природными ресурсами, степени хозяйственной освоенности и других специфических характеристик играет особую роль в социально-экономическом развитии нашей страны, а также в решении сложных и ответственных задач комплексного обеспечения национальной безопасности [1; 2; 3; 4; 5]. Не случайно регулированию ее развития уделяется немало внимания.

В частности, в нашем государстве разработаны и реализуются «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» (утв. Президентом РФ 20 февраля 2013 г.) и программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федера-

ции» (утв. постановлением Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366). Эти документы стратегического управления определяют приоритеты развития АЗ РФ и механизмы их достижения. Одним из таких приоритетов является развитие энергетического комплекса АЗ РФ.

В ходе исследования выявим основные проблемы, возникающие в процессе функционирования предприятий энергетического комплекса на арктических территориях, руководствуясь итогами проведенного анализа их состояния и развития, определим перспективные направления повышения эффективности управления ими. Территории, входящие в АЗ РФ, отличаются своеобразием, поэтому прикладные исследования нами выполнены на примере Мурманской области, входящей в АЗ РФ. Анализ показывает, что основу экономического раз-

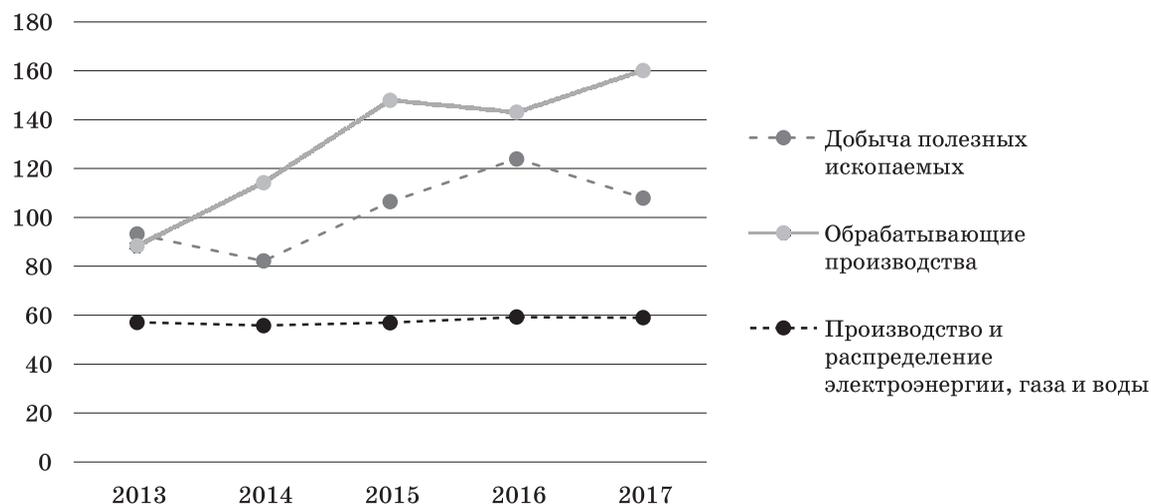

Рис. 1. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных своими силами работ и услуг по видам деятельности в 2013–2017 гг., млрд руб.

Источник: данные Росстата.

вития данного региона РФ составляют энергоемкие отрасли промышленности сырьевой ориентации [6; 7; 8; 9]. Ввиду этого изучение проблем функционирования энергетического комплекса в отношении соответствующего субъекта РФ имеет особое значение.

Динамика объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных своими силами работ и услуг (предприятиями региона) по видам деятельности показана на рисунке 1 [10; 11].

Наибольший объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных своими силами работ и услуг по добыче ископаемых, составивший 123,924 млрд руб., отмечен в 2016 г., когда темп прироста достиг 16,4 % в сравнении с 2015 г. В 2017 г. наблюдается отрицательная динамика данного показателя, он снизился на 19,591 млрд руб. до 107,973 млрд руб. Темп спада составил почти 13 %. На сумму 106,426 млрд руб. добыто полезных ископаемых в 2015 г. Именно этот период отличается максимальным темпом прироста объема выпуска видов деятельности по добыче полезных ископаемых, равный 29,5 % в сравнении с предыдущим годом.

По такому виду деятельности, как обрабатывающие производства, с 2013 по 2017 г. наблюдается положительная динамика. По этому виду деятельности в 2015 г. товаров отгружено на сумму 147,940 млрд руб., а в 2017 г. — на 160,154 млрд руб. Темп прироста в этот период, если сравнить его с предыдущим, равен 29,5 % и 12 % соответственно. Исключение составляет 2016 г., когда объем отгруженных товаров по обрабатывающим производствам был 142,988 млрд руб., что меньше на 4,952 млрд руб., т. е. наблюдался темп спада на 3,3 %.

Показатель, характеризующий объем производства и распределения электроэнергии, газа и воды с 2014 по 2016 г., имеет положительную

динамику, которая подтверждается темпами прироста в 2015–2016 гг., равными 2,1 % и 4,1 % соответственно. Так, в 2014 г. электроэнергии, газа и воды произведено и распределено на сумму 55,741 млрд руб., в 2015 г. — на 5,692 млрд руб., в 2016 г. — на 59,238 млрд руб. Для 2017 г. характерно снижение объема данного показателя до 58,976 млрд руб., что обеспечило некоторый темп снижения в размере 0,4 %.

Технологический процесс производства апатитового, нефелинового, бадделеитового и железорудного концентрата, рафинированной меди, локализованный в Мурманской области, требует существенных затрат на тепло- и электроэнергию. Это вызвало потребность в строительстве генерирующих мощностей на территории региона, где действует 17 гидроэлектростанций, 5 ветряных электростанций, 3 теплоэлектроцентрали, атомная электростанция, котельная.

Кольская АЭС является филиалом АО «Концерн Росэнергоатом». Основные показатели деятельности концерна, представленные в таблице 1, рассчитаны по данным его годовой финансовой отчетности [12]. Учитывая таблицу 1, очевидным становится тот факт, что на протяжении анализируемого периода наблюдается положительная динамика выручки. Так, в 2018 г. выручка АО «Концерн Росэнергоатом» увеличилась на 28 689 928 тыс. руб. по сравнению с предыдущим годом, что обеспечило темп прироста 7,96 %. Наибольший удельный вес выручки, равный 67 %, приходился на выручку от продажи электроэнергии в 2016 г., для последующих двух лет характерно снижение данного показателя до 54 %. Оставшийся 31 % приходится на выручку от продажи мощности в 2016 г., 44 % — в 2017–2018 гг.

Себестоимость продаж также имеет положительную динамику. С 2016 по 2018 г. ее ве-

Основные показатели деятельности АО «Концерн Росэнергоатом» в 2016–2018 гг.*

Показатель	2016	2017	2018	Отклонения			
				абсолютное (+/-)		относительное, %	
				2017	2018	2017	2018
Выручка, тыс. руб.	282 035 779	360 385 842	389 075 770	78 350 063	28 689 928	27,78	7,96
Электрическая энергия	188 465 188	195 385 675	208 157 699	6 920 487	12 772 024	3,67	6,54
Мощность	87 880 766	159 344 169	173 145 895	71 463 403	13 801 726	81,32	8,66
Себестоимость продаж, тыс. руб.	176 452 597	207 655 847	232 596 850	31 203 250	24 941 003	17,68	12,01
Электрическая энергия	115 929 396	110 714 714	119 373 973	-5 214 682	8 659 259	-4,50	7,82
Мощность	54 057 544	90 291 902	103 197 944	36 234 358	12 906 042	67,03	14,29
Прибыль от продаж, тыс. руб.	27 337 265	76 756 951	80 690 146	49 419 686	3 933 195	180,78	5,12
Чистая прибыль, тыс. руб.	10 605 307	45 980 615	39 687 347	35 375 308	-6 293 268	333,56	-13,69
Рентабельность продаж, %	9,69	21,30	20,74	11,61	-0,56	119,73	-2,63
Среднегодовая стоимость имущества, тыс. руб.	1 542 382 106	1 677 875 656	1 791 731 979	135 493 550	113 856 323	8,78	6,79
Рентабельность активов, %	0,69	2,74	2,22	2,05	-0,53	297,10	-18,98
Среднегодовая стоимость основных фондов, тыс. руб.	1 308 665 169	1 515 107 761	1 588 371 530	206 442 592	73 263 769	15,78	4,84
Фондоотдача, руб.	0,22	0,24	0,24	0,02	0,00	9,09	0,00
Среднесписочная численность работников, чел.	35 394	33 886,5	33 923,7	-1 507,5	37,2	-4,26	0,11

*Расчитано авторами по данным годовой финансовой отчетности АО «Концерн Росэнергоатом».

личина увеличилась с 176 452 597 тыс. руб. до 232 596 850 тыс. руб. Однако наибольший темп прироста около 18 % отмечен в 2017 г. В 2018 г. он снизился до 12 %. Рост себестоимости вызван появлением затрат, связанных с реализацией электрической энергии, а также в отношении иной продукции, работами, услугами. Вместе с тем себестоимость электроэнергии в 2017 г. — 110 714 714 тыс. руб. против 115 929 396 тыс. руб. в 2016 г., что ниже на 4,5 %, а в 2018 г. сумма себестоимости электроэнергии равна 119 373 973 тыс. руб., т. е. произошло ее увеличение почти на 8 % в сравнении с 2017 г.

Рост выручки обеспечило получение прибыли от продаж в 2016–2018 гг. в размере 27 337 265 тыс. руб., 76 756 951 тыс. руб. и 80 690 146 тыс. руб. соответственно. На протяжении анализируемого периода АО «Концерн Росэнергоатом» имело чистую прибыль: в 2016 г. — 10 605 307 тыс. руб., в 2017 г. — 45 980 615 тыс. руб., в 2018 г. — 39 687 347 тыс. руб. Следует отметить, что для 2018 г. характерна отрицательная динамика данного показателя, что подтверждает темп спада (13,7 %), а в предыдущий период темп роста прибыли равен 334 %, т. е. при-

быль в 2017 г. увеличилась в 3,3 раза, если сравнить этот показатель с 2016 г. В 2016 г. рентабельность продаж составляла 9,7 %, т. е. предприятие получило почти 10 коп. прибыли с каждого рубля выручки, что является низким значением. В 2017 г. рентабельность возросла примерно в два раза, что обусловлено ростом выручки на 27,78 %, а в 2018 г. — снижение рентабельности продаж до 21,7 %.

Среднегодовая стоимость основных фондов за 2016–2018 гг. увеличивается разными темпами: в 2017 г. — на 15,8 %, в 2018 г. — на 4,8 %. Повышение стоимости основных средств связано с техническим перевооружением и переоснащением объектов в различных филиалах АО «Концерн Росэнергоатом», в том числе и Кольской АЭС. Рост среднегодовой стоимости основных средств экономически обоснован, так как способствует увеличению объема производства и реализации продукции, работ, услуг. Темп прироста выручки (27,78 % в 2017 г. и 7,96 % в 2018 г.) несущественно опережает прирост стоимости основных средств (15,78 % в 2017 г. и 4,84 % в 2018 г.), что отразилось на уровне фондоотдачи, который на протяжении анализируемого периода составлял в среднем 0,23 руб.

Динамика дебиторской задолженности АО «Концерн Росэнергоатом» в 2016–2018 гг., тыс. руб.

Показатель	2016	2017	2018	Отклонения			
				абсолютное (+/-)		относительное, %	
				2017	2018	2017	2018
АО «Концерн Росэнергоатом»							
Дебиторская задолженность	40 693 020	40 351 608	45 651 636	-341 412	5 300 028	-0,84	13,13
в том числе расчеты с покупателями и заказчиками	19 047 125	25 865 369	25 668 671	6 818 244	-196 698	35,80	-0,76
авансы выданные	3 231 690	2 842 118	7 962 095	-389 572	5 119 977	-12,05	180,15
прочие дебиторы	18 414 205	11 644 121	12 020 870	-6 770 084	376 749	-36,77	3,24
Оборотные активы	140 456 847	185 078 941	221 641 956	44 622 094	36 563 015	31,77	19,76
Кредиторская задолженность	50 038 466	56 642 576	69 317 776	6 604 110	12 675 200	13,20	22,38
в том числе ОАО «Колэнергосбыт»							
Просроченная дебиторская задолженность	1 650 728	1 648 015	1 644 211	-2 713	-3 804	-0,16	-0,23

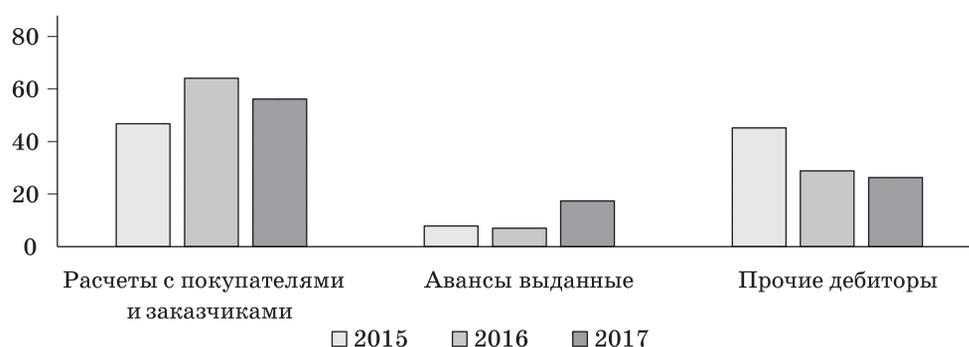

Рис. 2. Структура дебиторской задолженности АО «Концерн Росэнергоатом» в 2015–2017 гг., %

Данные значения являются достаточно низкими, что свидетельствует о неэффективном использовании имеющихся в распоряжении предприятия основных фондов. Среднесписочная численность работников в 2016 г. — 35 394 чел., в 2017 г. сократилась на 1 507 чел. (на 4,3 %), в 2018 г. характерно незначительное увеличение — на 37 чел. (0,11 %).

Выработка электроэнергии Кольской АЭС составляет около 60 % выработки электроэнергии в Мурманской области. Атомная станция поставляет электроэнергию в энергосистемы «Колэнерго» Мурманской области и «Карелэнерго» Республики Карелия. Кольская АЭС имеет избыточную мощность в объеме 1 760 МВт и обеспечивает электроэнергией не только крупнейшие предприятия области (ОАО «Апатит», ОАО «Кандалакшский алюминиевый завод», АО «Кольская горно-металлургическая компания», АО «Оленегорский горно-обогатительный комбинат», АО «Ковдорский горно-обогатительный комбинат», ПАО «Мурманский траловый флот»), но и других потребителей.

Для успешного функционирования предприятий энергетического комплекса важно

поддерживать их платежеспособность, для чего необходимо постоянно контролировать состояние средств в расчетах. Кроме того, не стоит забывать о том, что формирование тарифов на электрическую энергию напрямую зависит от денежных средств, уплачиваемых за производство и транспортировку электроэнергии, а также за работу сбытовых компаний [13]. Динамика и структура дебиторской задолженности АО «Концерн Росэнергоатом» находят отражение в таблице 2 и на рисунке 2.

Данные, представленные в таблице 2 и на рисунке 2, свидетельствуют о том, что сумма дебиторской задолженности АО «Концерн Росэнергоатом» на протяжении трех исследуемых лет составляла более 40 млрд руб. с удельным весом 28,97 % в общем объеме оборотных активов в 2016 г., 21,8 % — в 2017 г., 20,6 % — в 2018 г. Наблюдается незначительное ее снижение в 2017 г. (на 0,84 %), при этом сумма дебиторской задолженности — 40 351 668 тыс. руб., что на 5 300 028 тыс. руб. меньше по сравнению с 2016 г. Для 2018 г. характерно ее увеличение до 45 651 636 тыс. руб., темп роста равен 13,13 %, что является негативным фактором.

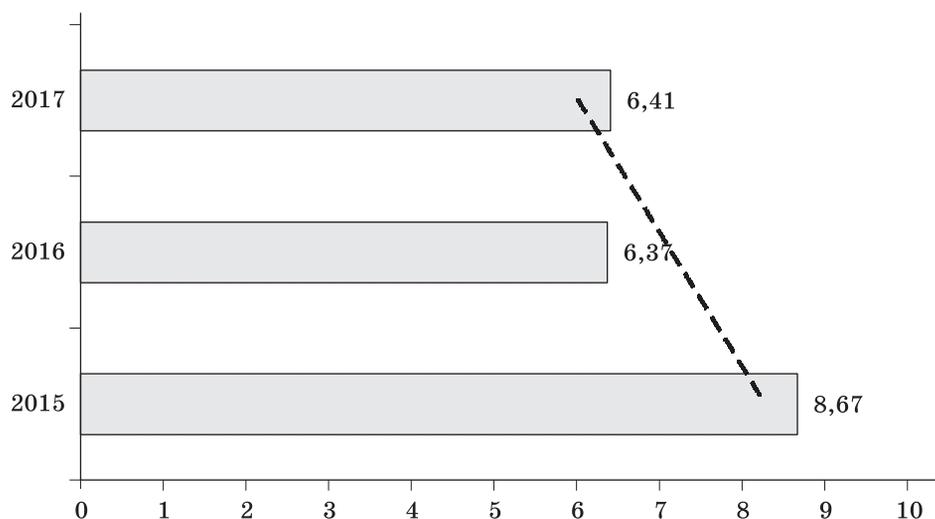

Рис. 3. Трендовый анализ удельного веса просроченной дебиторской задолженности по расчетам с покупателями и заказчиками ОАО «Колэнергосбыт» в общей сумме задолженности по расчетам с покупателями и заказчиками АО «Концерн Росэнергоатом» в 2015–2017 гг., %

Максимальный удельный вес в общей сумме дебиторской задолженности приходится на расчеты с покупателями и заказчиками: в 2016 г. он составлял 46,81 %, в 2017 г. — 64,1 %, в 2018 г. — 56,23 %. К тому же для 2017 г. особенно заметен рост данного показателя в сравнении с 2016 г. (6 818 244 тыс. руб.): в относительном выражении на 35,8 %. В 2018 г. наблюдалось незначительное снижение дебиторской задолженности (на 0,76 %), а сумма задолженности по расчетам с покупателями и заказчиками составляла 25 668 671 тыс. руб. против 25 865 369 тыс. руб. в 2017 г. Размер задолженности по авансам, выданным в 2016 г., — 3 231 690 тыс. руб., а в 2017 г. она снизилась на 12,05 % (2 842 118 тыс. руб.). В 2018 г. по сравнению с 2017 г. эта сумма существенно возросла (в 1,8 раза) до 7 962 095 тыс. руб. В общей сумме средств в расчетах удельный вес авансов, выданных в 2016 г., равен 7,94 %, в 2017 г. — 7,04 %, а в 2018 г. — 17,44 %, что практически в два с половиной раза больше, чем в предыдущий период.

Максимальная сумма задолженности с прочими дебиторами (18 414 205 тыс. руб.) отмечалась в 2016 г., но в 2017 г. она снизилась на 6 770 084 тыс. руб. (на 36,77 %) и составила 11 644 121 тыс. руб. В 2018 г. наблюдается некоторый ее рост (12 020 870 тыс. руб., т. е. на 3,24 %), если сравнить сумму с 2017 г. В аспекте удельного веса расчетов с прочими дебиторами необходимо подчеркнуть, что в 2016 г. на их долю приходилось 45,25 %, в 2017 г. — 28,86 %, в 2018 г. — 26,33 %.

Для оценки платежеспособности целесообразно проанализировать состояние кредиторской задолженности, которая на протяжении трех анализируемых лет увеличилась до 69 317 776 тыс. руб. в 2018 г. против 50 038 466 тыс. руб. и 56 642 576 тыс. руб.

в 2016–2017 гг. соответственно. Кроме того, темп прироста кредиторской задолженности (13,2 % в 2016 г. и 22,38 % в 2018 г.) опережает темп прироста дебиторской задолженности (– 0,84 % в 2017 г. и 13,13 % в 2018 г.). Задолженность по расчетам с покупателями и заказчиками возникает вследствие формирования просроченной дебиторской задолженности энергосбытовыми компаниями. Так, например, на территории Мурманской области самой крупной энергосбытовой компанией является ОАО «Колэнергосбыт», просроченная дебиторская задолженность которой с 2015 по 2017 г. достигла 1 640 000 тыс. руб., а в динамике снизилась несущественно (менее 1 %) в отношении предыдущего периода. Удельный вес просроченной дебиторской задолженности по расчетам с покупателями и заказчиками ОАО «Колэнергосбыт» в общей сумме задолженности по расчетам с покупателями и заказчиками АО «Концерн Росэнергоатом» в 2015–2017 гг. составил 6,41 %; 6,37 % и 8,67 % соответственно, как видно на рисунке 3.

Рост выручки и, следовательно, прибыли организации позволит Кольской АЭС погасить кредиторскую задолженность. Главный путь повышения платежеспособности — стабилизация денежных потоков для увеличения средств на расчетном счете предприятия. В таблице 3 представлены показатели оборачиваемости средств в расчетах АО «Концерн Росэнергоатом».

Результаты анализа оборачиваемости средств в расчетах свидетельствуют о замедлении этого процесса. В 2018 г., несмотря на рост выручки от реализации почти на 8 % ($[389\,075\,770 - 360\,385\,842] \times 100 - 100$), в сравнении с 2017 г. скорость оборота дебиторской задолженности по-прежнему остается низкой (в среднем 9 оборотов), т. е. средства от погашения дебиторской задолженности возвращались в АО «Концерн

Показатели оборачиваемости дебиторской задолженности АО «Концерн Росэнергоатом» в 2017–2018 гг., тыс. руб.

Показатель	2017	2018	Отклонения	
			абсолютное (+/–)	относительное, %
			2017	2018
АО «Концерн Росэнергоатом»				
Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности, оборотов	8,89	9,05	0,15	1,74
Длительность оборота дебиторской задолженности, дней	40	40	–	–
Кольская АЭС — филиал АО «Концерн Росэнергоатом»				
Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности, оборотов	1,81	1,71	–0,10	–5,52
Длительность оборота дебиторской задолженности, дней	199	210	11	5,53

Росэнергоатом» в течение 40 дней. Аналогичная тенденция прослеживается и на Кольской АЭС — филиале АО «Концерн Росэнергоатом», где средства в расчетах от реализации поставляемой электроэнергии в 2018 г. погашались покупателями в течение 210 дней. Очевидно, что в условиях наличия просроченной дебиторской задолженности необходима четкая программа финансового оздоровления предприятий энергетики, которая будет включать в себя:

- 1) рост денежных средств и уменьшение кредиторской задолженности — уменьшение объема краткосрочных обязательств должно происходить за счет увеличения средств от продаж и погашения дебиторской задолженности; следовательно, часть высвободившихся средств от погашения дебиторской задолженности пойдет на погашение кредиторской задолженности;
- 2) постоянный контроль за оборачиваемостью оборотных активов, соотношением дебиторской и кредиторской задолженности.

В настоящее время действующим инструментом является продажа задолженности покупателей за электрическую энергию, которую поставляет атомная электростанция. В частности, с 14 июня 2017 г. на электронной торговой площадке fabrikant.ru началась процедура проведения открытых торгов в виде аукциона по реализации дебиторской задолженности ранее лишённого статуса субъекта оптового рынка ОАО «Колэнергообит» на общую сумму около 99 млн руб. Планируется выставить на торговую площадку дополнительно ряд лотов с дебиторской задолженностью на общую сумму

около 1,5 млрд руб. [12]. Применение этого инструмента обеспечит снижение суммы сомнительной задолженности со стороны энергосбытовых компаний. Таким образом, для устранения роста неплатежей, возникающих вследствие существующих разногласий между сетевыми и энергосбытовыми компаниями, необходима разработка соответствующих нормативно-правовых актов по правовому регулированию данной проблемы.

Сегодня государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» реализует масштабную программу сооружения АЭС не только в Российской Федерации, но и за рубежом: в России ведется строительство 6 энергоблоков, за рубежом — 36 блоков (Беларусь, Бангладеш, Египет, Индия, Китай, Турция, Финляндия). Так, для замещения выбывающих мощностей Билибинской АЭС, расположенной в Чукотском автономном округе, с объемом выработки электроэнергии 80 % в изолированной Чаун-Билибинской энергосистеме, осуществляется строительство плавучего энергоблока «Академик Ломоносов», что обеспечит освоение территорий Арктической зоны в дальнейшем. Итак, энергоснабжение в АЗ РФ играет очень важную роль для обеспечения не только устойчивого экономического роста, но и жизнедеятельности населения. В связи с этим необходимо создание благоприятных условий для функционирования отраслевых предприятий, что требует принятия соответствующих нормативно-правовых и организационных мер, связанных и с улучшением финансового положения указанных предприятий.

Литература

1. Агарков С. А., Козьменко С. Ю., Ульченко М. В. Геоэкономика и политика в современном развитии арктических коммуникаций // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 4 (106). С. 19–26.
2. Владимирская Д. А., Кутепова М. В., Плотников В. А. Специфика развития предпринимательства в Арктической зоне Российской Федерации // Экономика и управление. 2018. № 9 (155). С. 16–23.

3. Новая парадигма науки об управлении в XXI в. и ее практическое приложение к проблемам Севера: монография / под ред. А. И. Субетто, С. В. Арапова. СПб.: Астерион, 2015. 196 с.
4. Разумовский В. М. О региональной концепции природопользования в Арктической зоне России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 1–1 (103). С. 107–114.
5. Скотаренко О. В. Исследование социально-экономических процессов в Арктической зоне на основе региональной квалиметрической концепции // Арктика: общество и экономика. 2015. № 14 (14). С. 42–44.
6. Федосеев С. В. Развитие совокупного энергетического потенциала Арктики // Северный морской путь: развитие арктических коммуникаций в глобальной экономике «Арктика-2015»: материалы VI Всерос. мор. науч.-практ. конф. Мурманск: МГТУ, 2015. С. 197–199.
7. Рузакова В. Инвестиционный климат Арктической зоны Российской Федерации // Мировое и национальное хозяйство. 2014. № 4 (31). С. 8.
8. Реев А. Н. Энергетическая безопасность Арктических территорий России // Региональная энергетика и энергосбережение. 2019. № 1. С. 25.
9. Клюкин А. М., Кузнецов Н. М., Трибуналов С. Н. Повышение эффективности использования энергоресурсов в Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. 2016. № 5–13. С. 107–118.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_14p/Main.htm (дата обращения: 23.05.2019).
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (дата обращения: 23.05.2019).
12. Годовой отчет за 2018 г. [Электронный ресурс] // АО «Концерн Росэнергоатом». URL: http://www.rosenergoatom.ru/upload/iblock/933/93323e01f9b6c0cb5f677e_404ea69309.pdf (дата обращения: 23.05.2019).
13. Об утверждении методических указаний по расчету сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков с использованием метода сравнения аналогов [Электронный ресурс]: приказ ФАС России от 21 нояб. 2017 г. № 1554/17 (ред. от 22 мая 2018 г.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283964 (дата обращения: 23.05.2019).

References

1. Agarkov S. A., Koz'menko S. Yu., Ul'chenko M. V. Geoeconomika i politika v sovremennom razvitii arkticheskikh kommunikatsiy [Geoeconomics and politics in the modern development of Arctic communications]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2017, no. 4 (106), pp. 19–26.
2. Vladimirskaia D. A., Kutepova M. V., Plotnikov V. A. Spetsifika razvitiya predprinimatel'stva v Arkticheskoy zone Rossiyskoy Federatsii [Specifics of development of business in the Arctic zone of the Russian Federation]. *Ekonomika i upravlenie*, 2018, no. 9 (155), pp. 16–23.
3. Subetto A. I., Arapov S. V., eds. *Novaya paradigma nauki ob upravlenii v XXI v. i ee prakticheskoe prilozhenie k problemam Severa* [The new paradigm of management science in the 21st century, and its practical application to the problems of the North]. St. Petersburg: Asterion, 2015. 196 p.
4. Razumovskiy V. M. O regional'noy kontseptsii prirodopol'zovaniya v Arkticheskoy zone Rossii [On the regional concept of natural resources management in the Arctic zone of Russia]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2017. No. 1-1 (103), pp. 107–114.
5. Skotarenko O. V. Issledovanie sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov v Arkticheskoy zone na osnove regional'noy kvalimetricheskoy kontseptsii [The study of socio-economic processes in the Arctic zone based on the regional qualimetric concept]. *Arktika: obshchestvo i ekonomika*, 2015, no. 14 (14), pp. 42–44.
6. Fedoseev S. V. Razvitie sovokupnogo energeticheskogo potentsiala Arktiki [The development of the total energy potential of the Arctic]. *Severnyy morskoy put': razvitie arkticheskikh kommunikatsiy v global'noy ekonomike "Arktika-2015". Mat. VI Vseros. morskoy nauch.-prakt. konf. (Murmansk, 13-14 maya 2015 g.)* [The Northern Sea route: The development of Arctic communications in the global economy "Arctic 2015". Proc. 6th All-Russ. marine sci.-pract. conf. (Murmansk, 13-14 May, 2015)]. Murmansk: MSTU, 2015, pp. 197–199.
7. Ruzakova V. Investitsionnyy klimat Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii [The investment climate of the Arctic zone of the Russian Federation]. *Mirovoe i natsional'noe khozyaystvo*, 2014, no. 4, p. 8.
8. Rееv A. N. Energeticheskaya bezopasnost' Arkticheskikh territoriy Rossii [Energy security of the Arctic territories of Russia]. *Regional'naya energetika i energosberezhenie*, 2019, no. 1, p. 25.
9. Klyukin A. M., Kuznetsov N. M., Tribunalov S. N. Povyshenie effektivnosti ispol'zovaniya energoresursov v Murmanskoy oblasti [Improving the efficiency of energy use in the Murmansk region]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN*, 2016, no. 5-13, pp. 107–118.
10. *Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2017*. RF Federal State Statistics Service. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_14p/Main.htm. Accessed 23.05.2019. (in Russ.).
11. *Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2018*. RF Federal State Statistics Service. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm. Accessed 23.05.2019. (in Russ.).
12. *2018 Annual Report. JSC "Rosenergoatom"*. Available at: http://www.rosenergoatom.ru/upload/iblock/933/93323e01f9b6c0cb5f677e_404ea69309.pdf. Accessed 23.05.2019. (in Russ.).
13. *On approval of instructional guidelines for the calculation of sales allowances of guaranteeing suppliers using the method of comparison of analogues. FAS Russia order dated November 21, 2017 No. 1554/17 (revised May 22, 2018)*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283964. Accessed 23.05.2019. (in Russ.).

СТАТИСТИКА РАЗМЕЩЕНИЯ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ В РОССИИ (ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-38-48

УДК 332:621.31

Шаныгин Сергей Иванович

доцент Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, e-mail: s.shanygin@spbu.ru

Зуга Екатерина Игоревна

доцент Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, e-mail: e.zuga@spbu.ru

Исследование направлено на изучение статистики возведения линейных объектов в Российской Федерации (РФ).

Цель. Проанализировать, учитывая социально-экономические позиции, ситуацию, связанную с размещением в России линейных объектов федерального и регионального значения.

Задачи. Исследовать динамику введения в эксплуатацию линейных объектов разных типов на территории РФ; выявить региональные особенности их размещения; оценить социально-экономические последствия масштабного строительства аналогичных объектов на примере г. Сочи в период подготовки к зимним Олимпийским играм 2014 г.

Методология. Посредством методов системного анализа и ввиду данных Росстата проведено ретроспективное статистическое исследование ситуации в России. Выполнен структурно-динамический анализ размещения линейных объектов в регионах страны, дана оценка социально-экономических показателей.

Результаты. Выявлены тенденции, характерные для ситуации по размещению в современной России линейных объектов основных типов. Определены регионы, ситуация в которых более благоприятна для развития таких объектов. Разработана методика планирования соответствующих проектов с учетом их взаимовлияния и при ограничениях по объему финансирования. Оценены изменения качества жизни населения г. Сочи вследствие строительства объектов при подготовке к зимним Олимпийским играм 2014 г.

Выводы. Строительство линейных объектов федерального, регионального значения влияет на социально-экономическое развитие соответствующих регионов и осуществляется для повышения качества жизни населения. В России длительное время наблюдается положительная динамика в размещении таких объектов. Однако данное влияние воспринимается неоднозначно, тенденции повышения уровня жизни населения (на примере г. Сочи) не совпадают на практике с результатами масштабного строительства в регионе. При планировании федеральных и региональных программ развития субъектов РФ целесообразно углубленное многофакторное прогнозирование социальных и экономических последствий их реализации.

Ключевые слова: размещение линейных объектов, регионы страны, социально-экономические последствия, качество жизни населения, координация проектов, ретроспективная статистика.

Для цитирования: Шаныгин С. И., Зуга Е. И. Статистика размещения линейных объектов в России (территориально-экономические аспекты) // Экономика и управление. 2019. № 7 (165). С. 38–48. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-38-48.

STATISTICS ON THE ALLOCATION OF INFRASTRUCTURAL FACILITIES IN RUSSIA (TERRITORIAL AND ECONOMIC ASPECTS)

Sergey I. Shanygin

St. Petersburg University

Universitetskaya nab. 7–9, St. Petersburg, Russian Federation, 199034, e-mail: s.shanygin@spbu.ru

Ekaterina I. Zuga

St. Petersburg University

Universitetskaya nab. 7–9, St. Petersburg, Russian Federation, 199034, e-mail: e.zuga@spbu.ru

The presented study examines statistics on the construction of infrastructural objects in the Russian Federation.

Aim. The study aims to analyze the allocation of federal and regional infrastructural facilities with allowance for socio-economic positions.

Tasks. The authors examine the commissioning of different types of infrastructural facilities in the Russian Federation, identify regional peculiarities of their allocation, and assess the socio-economic implications of large-scale construction of similar facilities in Sochi in preparation for the 2014 Winter Olympics.

Methods. This study uses systems analysis methods and data of the Federal State Statistics Service to conduct a retrospective study of the current situation in Russia, structural dynamic analysis of the allocation of infrastructural facilities across the country's regions, and an assessment of socio-economic indicators.

Results. The current trends in the allocation of the major types of infrastructural facilities in modern Russia are determined. Regions with the most favorable conditions for the development of such facilities are identified. A methodology for planning corresponding projects with allowance for their mutual influence and funding restrictions is developed. Changes in the quality of life of Sochi residents due to the construction of facilities in preparation for the 2014 Winter Olympics are assessed.

Conclusions. Construction of federal and regional infrastructural facilities affects the socio-economic development of the corresponding regions and serves to improve the quality of life of the local population. In Russia, there is a positive dynamics in terms of the allocation of such facilities. However, these effects are perceived controversially, and the trends towards improving the quality of life (through the example of Sochi) do not align with the results of large-scale construction in the region. When planning federal and regional development programs for the constituent entities of the Russian Federation, it is advisable to conduct an in-depth multi-factor forecasting of social and economic implications of the implementation of such programs.

Keywords: allocation of infrastructural facilities, country regions, socio-economic implications, quality of life, project coordination, retrospective statistics.

For citation: Shanygin S. I., Zuga E. I. Statistika razmeshcheniya lineynykh ob"ektov v Rossii (territorial'no-ekonomicheskie aspekty) [Statistics on the Allocation of Infrastructural Facilities in Russia (Territorial and Economic Aspects)]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 7 (165), pp. 38–48 (in Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-38-48.

Введение

Любая экономическая система выступает составной частью «вышестоящей» социальной. Развитие экономической системы всегда обусловлено социальными целями. Поэтому подходы к оцениванию размещения любых крупных объектов в том или ином субъекте Российской Федерации (РФ) возможно рассматривать с позиции их воздействия на развитие этих регионов и улучшение качества жизни населения. В статистике под причинно-следственным влиянием традиционно понимается связь между явлениями, когда изменение одного или нескольких из них приводит к изменению другого. На практике для массовых явлений в основном характерны зависимости, возникающие при взаимодействии многих причин и условий, осложненные действием объективной случайности и ошибок наблюдения. По мере изучения их влияния, ввиду затрудненности описания и формализации, необходимо выделять и учитывать только главные причины, в большей степени воздействующие на следствие.

В соответствии с п. 10.1 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ под линейными объектами понимаются линии электропередачи, линии связи (в том числе линейно-кабельные сооружения), трубопроводы, автомобильные дороги, железнодорожные линии и другие по-

добные сооружения. Оценивание качества жизни населения и, соответственно, воздействие на него инфраструктурных преобразований в регионе, обусловленных строительством линейных объектов, может быть осуществлено по разным совокупностям показателей. Единого универсального их перечня в настоящее время не существует. В большинстве научных работ в соответствующем контексте используются совокупности показателей, приемлемых для этих целей и доступных для анализа. Однако такой мониторинг в отношении отдельных субъектов РФ может выполняться ввиду разных причин не по всем показателям.

Проблемам размещения линейных объектов посвящено немало научных работ: труды Т. С. Красновой, С. В. Власова, В. В. Снакина, А. Е. Демьянова, Е. Г. Степанова, С. Э. Мелкумяна, К. В. Ермакова, А. В. Предущенко, Н. Н. Мельникова, Г. В. Выпхановой [1; 2; 3; 4; 5]. Но в основном в статьях рассматриваются нормативно-правовые и природоохранные вопросы, подходы к планированию территорий и обоснованию арендной платы, вопросы строительства. Публикации, в которых анализировался бы процесс влияния размещения линейных объектов на качество жизни населения и социально-экономическое развитие регионов, практически отсутствуют. Однако в современных условиях данное направление исследований представляется особенно актуальным.

Интересны в этом контексте «инструментальные» статьи. В работах Д. Н. Верзилина, Т. Г. Максимовой, В. Ф. Мочалова, Ю. Н. Антохина, И. Б. Соколовой [6; 7; 8] предложена экономико-математическая модель определения антропогенного воздействия на природные экосистемы по данным дистанционного зондирования земли, рассмотрены подходы к анализу динамики и региональных особенностей онлайн-активности населения России, обоснованы методологические вопросы формирования оценок социальной и экономической эффективности деятельности субъектов, представлена обобщенная структура критериев, характеризующих состояние и трансформацию природных ресурсов, обоснована целесообразность использования статистических моделей согласованной динамики социально-экономических и экологических показателей для анализа сценариев эволюции систем. Представляется, что аналогичные подходы могут быть использованы для прогнозирования последствий размещения линейных объектов на территории субъектов РФ.

В работах В. А. Плотникова, М. В. Головки, Ю. А. Никитина, А. А. Волковой [9; 10] исследован вопрос о воздействии инвестиционного потенциала на модернизацию экономик регионов, оценены ресурсные возможности осуществления преобразований, предложены направления структурной модернизации административных территорий на базе развития их инвестиционной привлекательности. Определена роль неэкономических факторов в обеспечении экономической безопасности регионов, а также при использовании методологии социологических исследований изучена проблема хабиутализации теневых практик в экономике России, установлены ключевые неэкономические факторы роста и социально-экономического развития страны. В исследовании Н. В. Горбачевой [11] рассмотрены механизмы государственно-частного партнерства при реализации крупных капиталоемких проектов, подходы к координации деятельности органов государственной власти и частного бизнеса, предложен подход к анализу равномерности распределения доходов между ними на основе коэффициента К. Джини в соответствии с затратами. Подобные механизмы целесообразно применять при рационализации финансирования проектов по размещению линейных объектов разных типов в регионах страны.

В публикациях Ю. В. Вертаковой, Ю. С. Положенцевой, И. Е. Рисина [12; 13] выявлена теоретико-методологическая неразработанность ряда аспектов региональной трансформации национальной экономики, исследованы структурные диспропорции и особенности социально-экономического развития субъектов

России, методы оценивания их экономического роста, проанализированы направления создания эффективной базы саморазвития регионов. Предложены подходы к совершенствованию системы мониторинга региональной экономики, определены ее основные принципы и функции, сформирована система показателей для осуществления мониторинга, выполнена их сравнительная характеристика. Аналогичные подходы могут быть применены при планировании строительства и эксплуатации линейных объектов в субъектах РФ. Таким образом, анализ развития сети линейных объектов в стране и влияние их размещения на улучшение качества жизни населения представляется достаточно актуальным.

Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [14] проводит мониторинг ключевых показателей, характеризующих размещение в стране линейных объектов: «Эксплуатационная длина путей сообщения общего пользования на конец года (тыс. км)», «Протяженность путей сообщения (тыс. км)», «Плотность путей сообщения (км путей на 1 000 кв. км территории)» и аналогичных. Кроме того, некоторые целевые показатели, описывающие состояние и эксплуатацию линейных объектов, представлены в Перечне государственных программ РФ, утвержденном распоряжением Правительства РФ от 11 ноября 2010 г. № 1950-р. Подробное описание показателей представлено в отчете о научно-исследовательской работе «Основания размещения линейных объектов федерального и регионального значения на чужих земельных участках» [15], с учетом которой авторами и подготовлена эта статья [15].

Тенденции размещения линейных объектов на территории России

Линии электропередачи напряжением 35 кВ и выше

С 2008 по 2017 г. (за более ранний период данные отсутствуют) динамика протяженности вновь построенных линейных объектов в России была следующей: характерно снижение вновь вводимой протяженности линий до 2 тыс. км в 2009 г. с ростом до 4,5 тыс. км в 2014 г. (ежегодный прирост в этот период составил 17,6 %) и снова уменьшением до примерно прежнего уровня (1,8 тыс. км) в 2017 г. Иными словами, ввод новых линейных объектов такого типа существенно зависел от экономической ситуации в стране: в неблагоприятный период указанная протяженность уменьшалась (после мирового кризиса 2007–2008 гг. и после введения экономических санкций в 2014 г.), в более благопри-

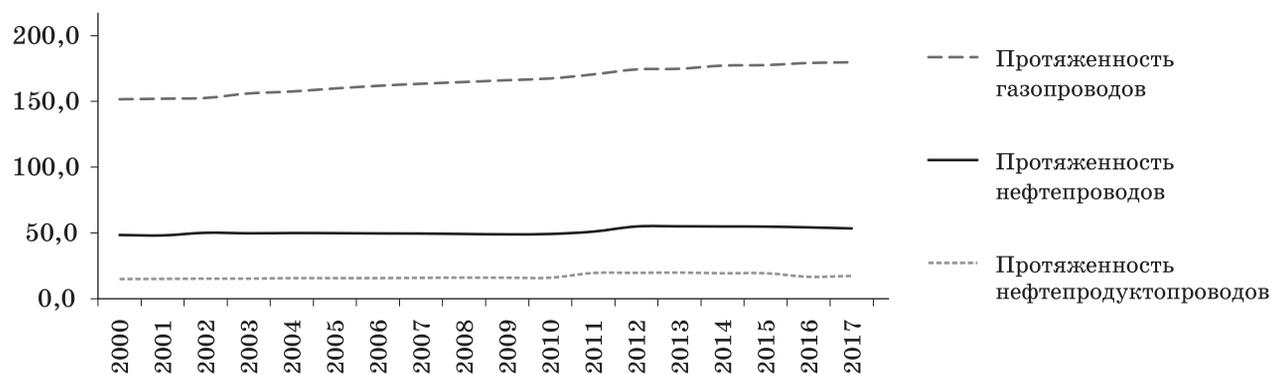

Рис. 1. Общая тенденция динамики протяженности линейных объектов — газо-, нефте- и нефтепродуктопроводов в 2000–2017 гг. (по состоянию на конец года), тыс. км

ятный — увеличивалась. Полагаем, что это обусловлено как динамикой финансирования собственно строительства, так и колебаниями прироста востребованности электроэнергии в регионах страны.

Газо-, нефте- и нефтепродуктопроводы

С 2000 по 2017 г. в России протяженность первых из них равномерно росла с 151,7 тыс. км в начале периода до 179,8 тыс. км в конце со среднегодовым приростом 1 %, что свидетельствует об устойчивом долговременном развитии этой сферы. Для вторых ситуация сложилась несколько иная: до 2010 г. значения показателя мало менялись и находились на уровне около 49,3 тыс. км, но в 2011–2012 гг. наблюдался резкий рост, сменившийся затем медленным снижением. Для третьих очевиден незначительный, но устойчивый рост в 2000–2010 гг. с 14,9 до 15,6 тыс. км; в 2011–2012 гг. также резкий подъем, сменившийся в 2016 г. подобным резким снижением суммарной протяженности с возвратом на прежний (до 2010 г.) тренд. Соответствующие тенденции динамики находят отражение на рисунке 1.

Динамика протяженности вновь построенных газопроводов магистральных и отводов от них с 2008 по 2017 г. (за более ранний период данные отсутствуют) следующая: наблюдалась в среднем нисходящая тенденция, в указанный период значения показателя уменьшились с 1,9 до 0,8 тыс. км. При этом они существенно колебались. Так, в 2012 и 2014–2015 гг. они резко возрастали с последующим возвращением к долговременному тренду. Выявлена достаточно сильная прямая взаимосвязь с количеством вновь вводимых газовых скважин (коэффициент корреляции +0,69), что, на наш взгляд, вполне естественно. Можно сделать вывод, что нисходящий тренд обусловлен либо ограниченностью разведанных и рентабельных в настоящее время месторождений газа, либо ограниченностью прироста его потребления.

С 2008 по 2017 г. (о более раннем отрезке времени данные отсутствуют) наблюдается такая динамика протяженности вновь построенных нефтепроводов магистральных и нефтепродуктопроводов магистральных региональных: как и для газопроводов очевиден нисходящий тренд, но скорость снижения показателя в среднем выше; его значения колебались в рассматриваемый период существенно, в целом снизились с 1,0 тыс. км в 2008 г. до 0,3 тыс. км в 2017 г. Обнаружена зависимость средней силы с количеством новых нефтяных скважин, но обратная (коэффициент корреляции –0,61), т. е. целесообразно предположить, что существуют суммарные ограничения по объемам ежегодного финансирования строительства этих двух групп объектов.

Железнодорожные и автомобильные пути

Установлено, что в рассматриваемый период эксплуатационная длина железнодорожных путей общего пользования в России в целом и в федеральных округах изменялась крайне незначительно. Лидировали по данному показателю Центральный, Приволжский и Сибирский федеральные округа, «отставал» Северо-Кавказский федеральный округ, что в значительной мере может быть обусловлено особенностями его ландшафта.

В субъектах РФ протяженность железнодорожных путей в указанные годы в пересчете на тысячу гектаров площади их территории проанализирована посредством частотных распределений для 2000, 2006, 2013 и 2017 гг. Установлено, что в течение всего периода во всех субъектах значение показателя находилось в относительно неизменных границах (примерно от 0,001 до 0,584 км/тыс. га). При этом большинство субъектов РФ (93,1–94,5 % в разные годы) сосредоточены в левой части распределения в границах до 0,330 км/тыс. га, что свидетельствует о сходстве ситуации во многих регионах РФ, несмотря на достаточно стабильные и высокие значения коэффици-

ента вариации (примерно 67,6 %). Среднее с учетом всех субъектов значение показателя за это время также почти не изменилось и осталось на уровне около 0,162 км/тыс. га, аналогично — и медианное значение (0,145 км/тыс. га).

Поскольку анализ частотных распределений практически не выявил динамических изменений, проведен и рейтинговый анализ субъектов РФ по этому же показателю. В процессе и по итогам анализа сделаны некоторые обобщения. Во-первых, по абсолютному значению только в 24 регионах (32,4 % от общего числа обследованных), в основном центральной и западной части России, значение показателя превышало 0,2 км/тыс. га, а в остальных — менее, что частично соответствует вариации плотности населения в страны. Во-вторых, среднегодовой темп роста показателя только в двух субъектах РФ «относительно» превышал 100 %: 107 % — в Республике Саха (Якутии) и 103 % — в Еврейской автономной области. Но для них характерен так называемый эффект низкого старта в начале 2000-х гг.; еще в 28 субъектах темп незначительно выше 100 %, в остальных — 100 % и менее. Поэтому можно констатировать, что протяженность железнодорожных путей в РФ увеличивается крайне медленно. В-третьих, только в 11 нижеперечисленных субъектах РФ и абсолютное значение показателя превышало 0,2 км/тыс. га, и одновременно среднегодовые темпы его роста были более 100 %: в Республике Адыгея, Чувашской Республике, а также Белгородской, Воронежской, Калининградской, Калужской, Ленинградской (в том числе и Санкт-Петербурге), Липецкой, Орловской, Рязанской и Челябинской областях. Полагаем, данные регионы обладают большим потенциалом развития в этом направлении.

Динамика протяженности вновь построенных железнодорожных линий с 2008 по 2017 г. следующая (данные за более ранние годы отсутствуют): в кризисный период наблюдался рост до 167,3 км в 2009 г., с последующим снижением до 13,0 км в 2014 г. (ежегодное уменьшение в этот период — около 40,0 %) и снова ростом до 157 км в 2017 г. При этом средний ежегодный прирост составил 129,4 %, т. е. в экономически неблагоприятные периоды наблюдался рост показателя, в благоприятные — его уменьшение. Аналогично в это же время изменялась протяженность вновь построенных автомобильных дорог с твердым покрытием: ежегодно вводимое количество километров дорог достаточно равномерно снижалось с 3,7 до 2,3 тыс. км (в среднем ежегодно на 5,1 %) практически вне зависимости от проявлений мирового финансового кризиса и экономических санкций в отношении РФ. Учитывая, что

территория России достаточно протяженная, автомобильные дороги востребованы, можно предположить, что выявленное уменьшение вызвано либо систематическим сокращением объемов финансирования, либо, что более вероятно, повышением качества автодорог (и их инфраструктуры) и соответствующим удорожанием строительства.

Телекоммуникационные линейные объекты (сети)

Учитывая, что прокладка телекоммуникационных линейных объектов (сетей) выполняется преимущественно вдоль железнодорожных и автомобильных путей (последних — в меньшей степени), то их протяженность может характеризовать с некоторыми понижающими коэффициентами ситуацию в субъектах РФ и России в целом по развитию таких сетей. Анализ востребованности телекоммуникационных линейных объектов по показателю «Организации, использовавшие глобальные информационные сети, в процентах от общего числа обследованных организаций соответствующего субъекта РФ» позволяет сделать следующие выводы. Для России в целом в 2005–2017 гг. значения показателя выросли с 54,3 до 89,7 %, среднегодовой прирост составил 4,3 %. В федеральных округах примерно аналогичная динамика, учитывая, например, данные за 2013–2017 гг., как видно на рисунке 2.

По величине прироста незначительно лидировали (выше среднероссийского уровня) Северо-Кавказский, Приволжский, Центральный и Сибирский федеральные округа. Вместе с тем для них характерен эффект «низкого старта» в 2005 г. В отношении остальных округов ежегодные показатели прироста несколько меньше, но и ситуация в 2005 г. лучше. И для России в целом, и для всех федеральных округов в последние пять–шесть лет наблюдалась относительно стабильная ситуация. Значения показателя мало изменялись, среднее за период значение в государстве составило 89,36 %, при этом выше — в Северо-Западном, Центральном, Уральском федеральных округах, ниже — в остальных.

Анализ динамики частотных распределений в субъектах РФ показывает, что среднее значение показателя с 2005 по 2017 г. выросло с 52,1 до 89,7 %, медианное — с 51,7 до 90,9 %, модальное — с 52,8 до 92,9 %. Минимальное значение увеличилось в этот период с 27,7 до 68,5 %, максимальное — с 89,7 до почти 100 %. Асимметрия распределения в 2005 г. является правосторонней, что свидетельствует о неблагоприятной ситуации в стране в указанное время. К 2017 г. асимметрия постепенно стала левосторонней и значительной, что по-

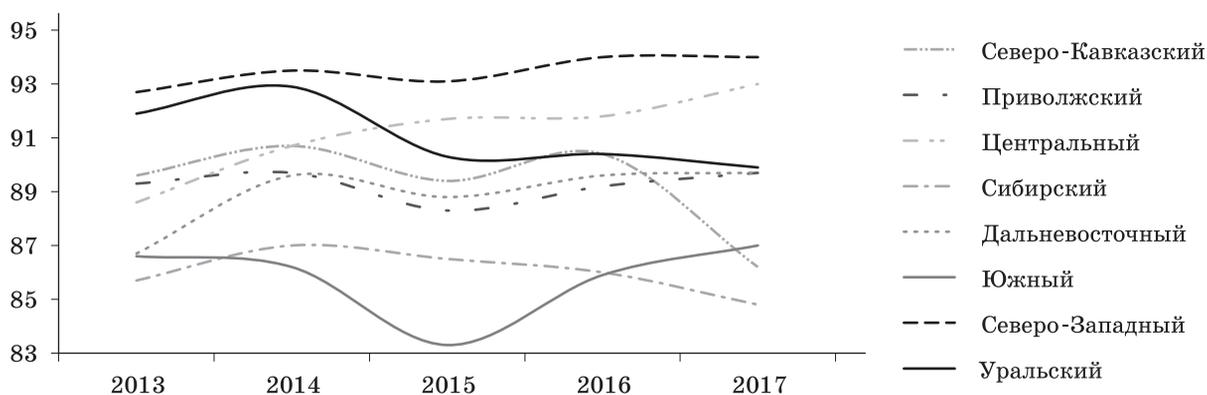

Рис. 2. Динамика количества организаций, использовавших глобальные информационные сети в различных федеральных округах в 2013–2017 гг., % от общего числа обследованных организаций

ложительно характеризует соответствующие изменения за последние 13 лет. Следовательно, практически во всех регионах РФ ситуация улучшилась.

При проведении рейтингового анализа субъектов РФ по показателю «Организации, использовавшие глобальные информационные сети в процентах от общего числа обследованных организаций соответствующего субъекта РФ» установлено следующее:

- среднее за указанные 13 лет значение по России в целом составило 83,5 %; в 45 субъектах (54,9 % от общего числа обследованных) средние за период значения — выше среднероссийского уровня, в остальных — ниже;
- среднегодовой прирост по стране за этот же период равен 3,0%; в 53 субъектах он больше среднего по России, в остальных — меньше;
- наблюдалось превышение среднероссийских уровней одновременно и по этому показателю, и по величине его ежегодного прироста в 23 регионах РФ: в Белгородской, Владимирской, Воронежской, Ивановской, Свердловской, Смоленской, Ярославской, Калининградской, Ленинградской, Липецкой, Нижегородской, Новгородской, Оренбургской, Пензенской, Псковской областях, Камчатском и Ставропольском краях, в Кабардино-Балкарской Республике, Татарстане, Башкортостане, Ингушетии, Крыму и на Алтае. Полагаем, в этих регионах расширение сети телекоммуникационных линейных объектов является наиболее востребованным и окупится значительно быстрее по сравнению с другими.

Особенности финансирования размещения линейных объектов в регионе

Анализ экономико-правовых аспектов возведения линейных объектов предполагает разработку подходов к оцениванию и количественному обоснованию объема и структуры финансовых

средств, выделяемых для создания комплекса различных линейных объектов на территории того или иного субъекта РФ. Такие объекты размещаются в рамках выполнения федеральных и региональных программ комплексного развития. Совокупность программ комплексного развития (далее — СПКР), реализуемых в субъекте РФ, может рассматриваться по двум взаимосвязанным направлениям: целевому и технологическому.

Целевое направление обеспечивает возможность соотносить все ключевые элементы этой совокупности программ с необходимыми мероприятиями и служит базой для планирования. Технологическое направление отражает основные типы специализированного технологического оборудования, необходимого для реализации СПКР. Для этих программ важной задачей является планирование и осуществление соответствующих проектов по размещению линейных объектов в субъекте РФ и согласование их с возможностями финансового обеспечения. При этом одними из ключевых элементов планирования выступают типы и количество единиц размещенного оборудования для различных линейных объектов.

Ведущими исходными данными (показателями) для планирования таких проектов являются параметры ситуации в субъекте РФ по выбранным или потенциальным направлениям реализации программ; сведения о наиболее вероятных проблемных аспектах; характеристики линейных объектов, имеющихся в субъекте РФ; количество различных типов и характеристики оборудования, которое требуется разместить на территории субъекта РФ; перечень проектов по созданию и развитию линейных объектов, выполнение которых необходимо для полноценного осуществления СПКР; ограничения по объему финансирования; достижения научно-технического прогресса в развитии наукоемких и других технологий.

Поскольку цели и задачи, а также объем имеющихся финансовых средств обычно из-

вестны, то важнейшей составляющей обоснования финансового обеспечения СПКР считается оптимальное распределение этих средств между проектами, обеспечивающее наиболее высокое качество размещения, эксплуатации различных линейных объектов на длительный период планирования и наилучшим образом использующее выделенные финансовые средства. Существенный вопрос управления структурой финансирования возведения рассматриваемых объектов — выбор критерия оптимизации распределения средств между ними.

На практике возможны ситуации, когда некоторые приоритетные линейные объекты могут оказаться размещенными с опозданием, что приведет к невостребованности части созданных своевременно объектов. Необходимость обеспечения комплексности СПКР региона при фиксированном объеме финансирования (обычно бюджетного) обуславливает целесообразность критерия оптимизации. Суть его заключается в том, что фактические состояния приоритетных линейных объектов для каждого периода планирования должны быть максимальными из возможных, при условии обеспечения хотя бы минимально допустимого фактического состояния неприоритетных объектов. Данный подход позволяет комплексировать мероприятия СПКР и определить их целесообразную очередность с учетом фактической обеспеченности финансовыми средствами. Соответствующая формализованная методика представлена в нескольких авторских работах [15; 16].

Не менее актуальна такая задача, как анализ точности прогнозирования стоимости реализации СПКР. С учетом того, что ее результаты представляют собой физическое размещение ряда объектов, точность прогнозирования ее стоимости возможно определить экспертным путем или с помощью статистических методов. Однако на нее влияют многие факторы, разные для линейных объектов различных типов, и оценить каждый объект по значениям показателей на практике затруднительно. Для проектов по размещению линейных объектов, осуществляемых в рамках единой СПКР субъекта РФ, характерно взаимовлияние, точность оценивания которого также подлежит учету. Целесообразным представляется выполнить анализ указанной точности, например, посредством коэффициента вариации, по значениям типовых макропоказателей в среднем для всех линейных объектов (или для каждого типа линейного объекта) в субъекте РФ. При необходимости могут учитываться и индивидуальные характеристики каждого из них: тип, условия размещения и фактические особенности реализации СПКР с использованием

экспертных, статистических и экономических методов и ввиду опыта планирования затрат на создание аналогичных линейных объектов в других субъектах РФ.

Росстат [14] определяет социально-экономическое развитие территорий, основываясь на перечне главных макроэкономических показателей и показателей уровня жизни населения, собранных в следующие группы: демографическая ситуация, занятость и безработица, доходы населения и социально-экономическая дифференциация, питание, жилищные условия, состояние здоровья, медицинское обслуживание, образование, культура, туризм и отдых, недвижимость, правонарушения. В этих группах отсутствуют показатели, относящиеся к линейным объектам и позволяющие определить влияние последних на социально-экономическое развитие регионов РФ. Очевидно, что размещение комплекса таких объектов — значимое событие для региона, поэтому его влияние на качество жизни населения можно рассмотреть на примере аналогичных масштабных инфраструктурных преобразований, по которым существуют результаты мониторинга.

Изменение качества жизни населения г. Сочи при подготовке и проведении зимних Олимпийских игр 2014 г.

Рассмотрим динамику показателей качества жизни населения г. Сочи при подготовке и проведении зимних Олимпийских игр 2014 г. и в дальнейшем. Численность населения с 2005 по 2017 г. равномерно увеличивалась с 398,9 до 507,4 тыс. чел. со среднегодовым приростом 2,03 %. До 2010 г. приросты немного меньше указанного значения, после — несколько больше. Так называемый перелом тенденции совпал с началом активной фазы строительства олимпийских объектов.

Показатель естественного прироста (убыли) на 1 000 чел. населения достаточно равномерно возрастал с -3,3 в 2005 г. до +4,8 в 2014 г., затем стабилизировался и к 2017 г. уменьшился до 3,9. В течение указанного периода показатели числа родившихся и умерших (в год) менялись также достаточно равномерно, но с замедлением темпов обоих к концу периода. Переломный момент (пересечение трендов) наблюдался примерно в середине 2007 г. Эта тенденция в значительной мере соответствует динамике изменения объемов выполненных строительных работ в регионе в соответствующий период, что находит отражение на рисунке 3, и предположительно связана с приездом новых людей из других регионов страны, а также их последующим отъездом (частично) по окончании строительства. Ве-

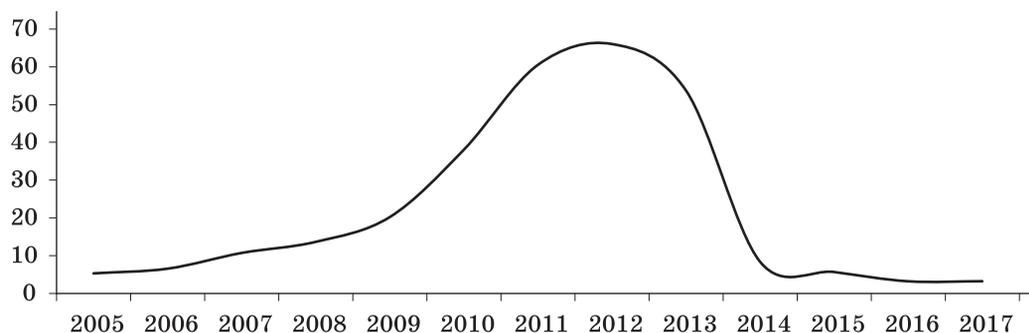

Рис. 3. Объем работ, выполненных в г. Сочи по виду экономической деятельности «Строительство» (в постоянных ценах 2005 г.) в 2005–2017 гг., млрд руб.

личины ежегодного миграционного прироста населения с 2010 по 2017 г. значительно колебались. Максимум характерен для 2013 г., минимум — для 2014 г., что соответствует ходу выполнения работ по подготовке к Олимпиаде. Однако среднегодовой тренд этого показателя оказался почти параллельным оси X на уровне +10 тыс. чел. в год.

Среднесписочная (среднегодовая) численность работников организаций в 2007 г. резко снизилась с 136,0 до 97,2 тыс. чел. (что совпадает с началом активной фазы строительных работ) и впоследствии оставалась примерно на прежнем уровне с небольшим временным увеличением в 2011–2013 гг. Численность незанятых граждан, обратившихся за содействием в поиске работы в службу занятости населения на протяжении всего периода практически равномерно увеличивалась в среднем на 4,79 % в год и в 2017 г. составила 1 627 чел. на конец года. Снижение значений данного показателя наблюдалось и в 2011–2013 гг. Численность лиц, признанных безработными, колебалась около среднего и почти постоянного уровня (737 чел.). Наибольшие темпы снижения характерны для 2011–2013 гг., что, вероятно, связано с ускоренным окончанием строительных работ в регионе. Численность пенсионеров за это время выросла с 94,6 до 131,2 тыс. чел. (прирост — 2,76 % в год), динамика показателя не зависела от объемов ежегодного строительства и подготовки к проведению Олимпиады. Вместе с тем доля пенсионеров в общей численности населения г. Сочи увеличилась с 23,7 до 25,9 % (при постоянном росте общей численности населения).

Объемы ввода в эксплуатацию жилых домов (тыс. кв. м общей площади жилых помещений) на протяжении периода 2005–2017 гг. в среднем снижались примерно на 4,43 % ежегодно. В итоге в 2017 г. составили 117,6 тыс. кв. м. Темпы снижения этого показателя существенно возросли после 2014 г. Количество ежегодно возводимых квартир (в том числе в общежитиях) с 2005 по 2014 г. увеличилось с 1 120 до 6 152, но после проведения Олим-

пиады резко сократилось до 1 511 в 2017 г., что предположительно связано с окончанием масштабного строительства и частичным выводом «внешних строительных мощностей» из региона. Общая площадь жилых помещений, которая приходилась в среднем на жителя г. Сочи, с 2005 по 2010 г. возросла с 17,4 до 21,6 кв. м, однако в дальнейшем снизилась до 19,4 кв. м в 2017 г., что стало, возможно, следствием двух причин: увеличения численности населения и снижения объемов строительства жилья.

Число дошкольных образовательных организаций с 2005 по 2014 г. практически не изменялось (в среднем ежегодно насчитывается 81 объект). Затем оно резко возросло, достигнув максимума в 2016 г. (104). При этом количество воспитанников этих учреждений и мест в них почти равномерно, без «скачков», увеличивалось на протяжении всего периода ежегодно: первый из этих показателей — в среднем на 6,39 %, второй — на 4,85 %, а абсолютная разница между этими показателями возросла с 1,5 до 6,6 тыс., что свидетельствует о нарастании неудовлетворенности спроса (на 13,14 % ежегодно).

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций (в постоянных ценах 2005 г.) увеличилась с 2005 по 2013 г. с 7 073 до 18 450 руб., но затем снизилась до 14 590 руб. в 2017 г., что также может быть обусловлено окончанием масштабного строительства объектов. В анализируемый период средний ежегодный прирост составил 6,22 %; средний размер назначенных пенсий (в постоянных ценах 2005 г.) — вырос с 2 498 до 4 618 руб. (среднегодовой прирост — 5,25 %). При этом максимальное значение этого показателя — 4 820 руб. — наблюдалось в 2013 г.

Оборот розничной торговли (в постоянных ценах 2005 г.) с 2005 по 2007 г. снизился с 31,1 до 8,1 млрд руб., но впоследствии возрастал равномерно (на 11,2 % в год), увеличившись до 23,3 млрд руб. (в 2017 г.). Оборот общественного питания (в постоянных ценах

2005 г.) также резко снизился с 2005 по 2007 г. (с 2,9 до 0,98 млрд руб.), позднее медленно снижался до 0,7 млрд руб. в 2013 г. и далее начал расти (на 38,6 % в год), достигнув 2,64 млрд руб. в 2017 г.

Таким образом, на основании анализа показателей уровня жизни населения можно сделать вывод о том, что строительство объектов для Олимпиады в г. Сочи, в том числе значительного количества линейных объектов, не привело к существенным изменениям их значений. Изменения наблюдаются только в период строительства, когда численность жителей в регионе и его производственные возможности временно выросли в значительной степени. По окончании строительства динамика многих показателей «вернулась» к «достроительным» трендам. Выборочный анализ корреляционных взаимосвязей между перечисленными показателями практически их не выявил: зависимости отсутствуют или, учитывая природу показателей, нет оснований считать их причинно-следственными.

Заключение

Динамика протяженности линейных объектов (газо-, нефте- и нефтепродуктопроводов) может косвенно свидетельствовать об уменьшении доли перерабатываемой в России нефти в общем объеме ее добычи и, возможно, о некотором ухудшении экономической ситуации в последние годы. Однако общая тенденция динамики индексов этих трех показателей нисходящая, что, с одной стороны, свидетельствует, на наш взгляд, о не самом лучшем развитии ситуации в стратегическом плане, а с другой — о стабилизации развития и уменьшении сырьевой составляющей в экономике.

Динамика протяженности вновь построенных железнодорожных линий и показателя ввода новых линий электропередачи напряжением 35 кВ и выше находились в полной противофазе. Учитывая, что строительство таких линейных объектов обычно выполняется в рамках федеральных или региональных го-

сударственных программ, полагаем, что существовали ограничения на суммарные объемы ежегодного госбюджетного финансирования строительства этих типов линейных объектов. По сравнению с вводом автомобильных дорог ввод железнодорожных линий (в километрах) ежегодно был меньше примерно на 1–2 порядка.

Наиболее благоприятная ситуация и в плане меньшей затратности развития сети телекоммуникационных линейных объектов, и их востребованности для производственной деятельности организаций сложилась только в пяти субъектах РФ (6,1 % от общего числа обследованных): Белгородской, Воронежской, Калининградской, Ленинградской и Липецкой областях. В дальнейшем целесообразно продолжить углубленное исследование причин такой ситуации в перечисленных регионах в сопоставлении с их историческими, другими особенностями, в контексте фактической реализации комплекса федеральных и региональных программ в этих и смежных (географически и экономически) субъектах страны. Размещение линейных объектов, как правило, относится к масштабным видам строительства, осуществляется для повышения качества жизни населения и должно оказывать заметное влияние на социально-экономическое развитие регионов. Ретроспективная статистика показывает, что в России в течение продолжительного времени наблюдается положительная динамика строительства и модернизации рассмотренных нами объектов. Однако указанное влияние неоднозначно. Установлено, что тенденции повышения уровня жизни населения (на примере г. Сочи) на практике не совпадают с результатами масштабного строительства в регионе при подготовке к проведению Олимпийских игр. Соответственно, при планировании региональных и федеральных программ развития территорий необходимо всесторонне исследовать особенности их реализации в тех или иных регионах в целях прогнозирования экономических и социальных последствий.

Литература

1. Власов С. В., Снакин В. В., Демьянов А. Е., Степанов Е. Г., Мелкумян С. Э., Ермаков К. В., Прудущенко А. В. Линейные объекты ПАО «Газпром»: пути снижения экологического риска // Научный журнал Российского газового общества. 2016. № 1. С. 10–17.
2. Выпханова Г. В. Предоставление и использование земельных участков, занятых линейными объектами энергетики в условиях изменения законодательства // Право и государство: теория и практика. 2017. № 1 (145). С. 121–126.
3. Краснова Т. С. Сервитут для размещения и эксплуатации линейного объекта // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 10–19.
4. Краснова Т. С. Установление сервитутов для строительства и эксплуатации линейных объектов (в том числе в целях реализации крупных инфраструктурных проектов) // Право и современная экономика: сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. юридического факультета СПбГЭУ. 2018. С. 106–114.

5. Мельников Н. Н. Элементы подразумеваемого сервитута в отношениях, связанных с размещением линейных объектов: обзор доктринальных положений, законодательства и судебной практики // *Хозяйство и право*. 2019. № 6 (509). С. 49–61.
6. Верзилин Д. Н., Мочалов В. Ф., Максимова Т. Г. Экономико-математическое моделирование нагрузки на особо охраняемые природные территории по данным дистанционного зондирования земли // *Общество: политика, экономика, право*. 2018. № 12. С. 59–65.
7. Верзилин Д. Н., Максимова Т. Г., Антохин Ю. Н. Социально-экономические и экологические показатели состояния эколого-экономических объектов: генезис и развитие // *Общество: политика, экономика, право*. 2017. № 12. С. 56–60. DOI: 10.24158/per.2017.12.12.
8. Verzhilin D., Maximova T., Sokolova I. Online Socioeconomic Activity In Russia: Patterns of Dynamics and Regional Diversity // *Communications in Computer and Information Science*. 2017. Vol. 745. P. 55–69. https://doi.org/10.1007/978-3-319-69784-0_5.
9. Головкин М. В., Плотников В. А. Неэкономические факторы экономической безопасности // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2019. Т. 15, № 1 (370). С. 35–52. DOI: 10.24891/ni.15.1.35.
10. Плотников В. А., Никитин Ю. А., Волкова А. А. Инвестиционный потенциал как фактор структурных преобразований регионального хозяйственного комплекса // *Экономика и управление*. 2019. № 2 (160). С. 38–46.
11. Горбачева Н. В. Оценка экономического неравенства в государственно-частных партнерствах в промышленности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2018. Т. 34, № 2. С. 317–342. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2018.206.
12. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С. Оценка структурно-динамической трансформации экономики регионов // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2018. Т. 8, № 2 (27). С. 47–58.
13. Вертакова Ю. В., Рисин И. Е. Формирование системы мониторинга структурного развития региональной экономики // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2019. № 2. С. 23–34. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-2-23-34.
14. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 12.05.2019).
15. *Основания размещения линейных объектов федерального и регионального значения на чужих земельных участках: отчет о научно-исследовательской работе*. СПб.: СПбГУ, 2019. 133 с.
16. Шаныгин С. И. *Стратегическое управление организацией: теоретико-методологический подход*. СПб.: Наука, 2011. 187 с.

References

1. Vlasov S. V., Snakin V. V., Dem'yanov A. E., Stepanov E. G., Melkumyan S. E., Ermakov K. V., Predushchenko A. V. Lineynye ob"ekty PAO "Gazprom": puti snizheniya ekologicheskogo riska [Line facilities of PJSC "Gazprom": Ways to reduce environmental risk]. *Nauchnyy zhurnal Rossiyskogo gazovogo obshchestva*, 2016, no. 1, pp. 10–17.
2. Vypkhanova G. V. Predostavlenie i ispol'zovanie zemel'nykh uchastkov, zanyatykh lineynymi ob"ektami energetiki v usloviyakh izmeneniya zakonodatel'stva [Provision and use of land occupied by linear energy facilities in the context of legislative changes]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2017, no. 1 (145), pp. 121–126.
3. Krasnova T. S. Servitut dlya razmeshcheniya i ekspluatatsii lineynogo ob"ekta [An easement for the deployment and operation of the linear object]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, 2018, no. 7, pp. 10–19.
4. Krasnova T. S. Ustanovlenie servitutov dlya stroitel'stva i ekspluatatsii lineynykh ob"ektov (v tom chisle v tselyakh realizatsii krupnykh infrastrukturykh proektov) [Establishment of easements for the construction and operation of linear facilities (for the implementation of large infrastructure projects)]. *Pravo i sovremennaya ekonomika. Mat. I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. yuridicheskogo fakul'teta SPbGEU (5 aprelya 2018 g.)* [Law and the modern economy. Proc. 1st Int. sci.-pract. conf. of St. Petersburg State University of Economics, Faculty of Law (April 5, 2018)]. St. Petersburg: SPb. SUE, 2018, pp. 106–114.
5. Mel'nikov N. N. Elementy podrazumevaemogo servituta v otnosheniyakh, svyazannykh s razmeshcheniem lineynykh ob"ektov: obzor doktrinal'nykh polozheniy, zakonodatel'stva i sudebnoy praktiki [Elements of implied easement in relationships associated with the placement of linear objects: A review of doctrinal provisions, legislation and judicial practice]. *Khozyaystvo i pravo*, 2019, no. 6 (509), pp. 49–61.
6. Verzhilin D. N., Mochalov V. F., Maksimova T. G. Ekonomiko-matematicheskoe modelirovanie nagruzki na osobo okhranyaemye prirodnye territorii po dannym distantsionnogo zondirovaniya zemli [Economic and mathematical modeling of the load on specially protected natural areas according to land remote sensing data]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2018, no. 12, pp. 59–65.
7. Verzhilin D. N., Maksimova T. G., Antokhin Yu. N. Sotsial'no-ekonomicheskie i ekologicheskie pokazateli sostoyaniya ekologo-ekonomicheskikh ob"ektov: genezis i razvitie [Socio-economic and environmental indicators of the state of ecological and economic objects: Genesis and development]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2017, no. 12, pp. 56–60. DOI: 10.24158/per.2017.12.12.

8. Verzilin D., Maximova T., Sokolova I. Online socioeconomic activity In Russia: Patterns of dynamics and regional diversity. *Communications in Computer and Information Science*, 2017, vol. 745, pp. 55–69. DOI: 10.1007/978-3-319-69784-0_5.
9. Golovko M. V., Plotnikov V. A. Neekonomicheskie faktory ekonomicheskoy bezopasnosti [Non-economic factors of economic security]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2019, vol. 15, no. 1 (370), pp. 35–52. DOI: 10.24891/ni.15.1.35.
10. Plotnikov V. A., Nikitin Yu. A., Volkova A. A. Investitsionnyy potentsial kak faktor strukturnykh preobrazovaniy regional'nogo khozyaystvennogo kompleksa [Investment potential as a factor of structural changes in the regional economic complex]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 2 (160), pp. 38–46.
11. Gorbacheva N. V. Otsenka ekonomicheskogo neravenstva v gosudarstvenno-chastnykh partnerstvakh v promyshlennosti [Evaluation of economic inequality in manufacturing public-private partnerships]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*, 2018, vol. 34, no. 2, pp. 317–342. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2018.206.
12. Vertakova Yu. V., Polozhentseva Yu. S. Otsenka strukturno-dinamicheskoy transformatsii ekonomiki regionov [Evaluation of structural-dynamic transformation of the regional economy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2018, vol. 8, no. 2 (27), pp. 47–58.
13. Vertakova Yu. V., Risin I. E. Formirovanie sistemy monitoringa strukturnogo razvitiya regional'noy ekonomiki [Formation of a system for monitoring the structural development of the regional economy]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 2019, no. 2, pp. 23–34. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-2-23-34.
14. *Official website of the RF Federal State Statistics Service*. Available at: <https://www.gks.ru/>. Accessed 12.05.2019. (in Russ.).
15. *Osnovaniya razmeshcheniya lineynykh ob"ektov federal'nogo i regional'nogo znacheniya na chuzhikh zemel'nykh uchastkakh: otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote* [Grounds for placing linear objects of federal and regional significance on other people's land: Research report]. St. Petersburg: SPb. State Univ., 2019. 133 p. (in Russ.).
16. Shanygin S. I. *Strategicheskoe upravlenie organizatsiy: teoretiko-metodologicheskii podkhod* [Strategic management of the organization: Theoretical and methodological approach]. St. Petersburg: Nauka, 2011. 187 p.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ В РОССИИ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-49-55

УДК 336:342

Белова Надежда Евгеньевна

*доцент Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета,
кандидат экономических наук*

190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4

Ворона-Сливинская Любовь Григорьевна

*профессор Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета,
доктор экономических наук, профессор*

190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4

Воскресенская Елена Владимировна

*директор Юридического института Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент*

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а, e-mail: e.voskresenskaya@spbspu.ru

Исследование направлено на изучение современного состояния и перспектив развития саморегулирования строительной индустрии в России.

Цель. Комплексный анализ состояния и перспектив развития саморегулирования как института системы публичного управления, выявление проблемных вопросов саморегулирования строительной индустрии и разработка предложений по их решению.

Задачи. В ходе реализации поставленной цели решены следующие задачи: изучен механизм нормативно-правового регулирования деятельности саморегулируемых организаций в строительной индустрии — строительстве, проектировании и инженерных изысканиях; исследованы состояние и положительные тенденции саморегулирования строительной сферы; выявлены проблемы деятельности саморегулируемых организаций в строительной индустрии — строительстве, проектировании и инженерных изысканиях — и перспективы развития рассматриваемой альтернативы государственному регулированию.

Методология. Методологической основой исследования послужили фундаментальные положения современной экономической теории, теории государственного и муниципального управления и юридических наук. Информационной базой стали нормативные правовые акты Российской Федерации (РФ) о саморегулировании строительной индустрии, данные государственного реестра саморегулируемых организаций и статистические данные в сфере строительства.

Результаты. На современном этапе развития саморегулирования строительной индустрии наиболее действенным механизмом этого института является гарантия возмещения причиненного вреда потерпевшим вследствие недостатков работ и услуг при выполнении строительного производства, реконструкции, капитального ремонта объектов строительства, инженерных изысканий, проектирования, при этом не за счет страховых выплат по гражданско-правовым договорам страхования, а за счет компенсационных фондов саморегулируемых организаций.

Выводы. Исследование позволило оценить институт саморегулирования строительной индустрии — строительства, проектирования и инженерных изысканий — как эффективный институт обеспечения надлежащей защиты интересов потребителей работ и услуг в сфере строительства и государства.

Ключевые слова: строительство, саморегулирование, саморегулируемые организации, лицензирование, государственное регулирование, проектирование, инженерные изыскания, градостроительное законодательство.

Для цитирования: Белова Н. Е., Ворона-Сливинская Л. Г., Воскресенская Е. В. Состояние и перспективы развития саморегулирования строительной индустрии в России // *Экономика и управление*. 2019. № 7 (165). С. 49–55. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-49-55.

THE CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF SELF-REGULATION IN THE RUSSIAN CONSTRUCTION INDUSTRY

Nadezhda E. Belova

*St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
2nd Krasnoarmeyskaya St. 4, St. Petersburg, Russian Federation, 190005*

Lyubov' G. Vorona-Slivinskaya

*St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
2nd Krasnoarmeyskaya St. 4, St. Petersburg, Russian Federation, 190005*

Elena V. Voskresenskaya

*St. Petersburg University of Management Technologies and Economics
Lermontovskiy Ave 44a, St. Petersburg, Russian Federation, 190103, e-mail: elenvoskr@mail.ru*

The presented study aims to examine the current state and development prospects of self-regulation in the Russian construction industry.

Aim. The study aims to conduct a comprehensive analysis of the current state and development prospects of self-regulation as an institution of public administration, identify the problems of self-regulation in the construction industry, and formulate proposals on solving the identified problems.

Tasks. The authors complete the following tasks to achieve the set aim: examine the regulatory framework of the activities of self-regulatory organizations in the construction industry — construction, design, and engineering surveying; analyze the current state and positive trends of self-regulation in the field of construction; identify problems in the activities of self-regulatory organizations in the construction industry — construction, design, and engineering surveying — and development prospects of the examined alternative to government regulation.

Methods. The methodological basis of the study comprises the fundamental provisions of the modern economic theory, theories of public and municipal administration and legal sciences. The information base includes regulatory and legal acts of the Russian Federation on self-regulation in the construction industry, data from the State Register of Self-Regulatory Organizations, and statistics in the field of construction.

Results. At the current stage of development of self-regulation in the construction industry, the most efficient mechanism for this institution involves guaranteed compensation for damage caused due to shortcomings in the works and services during construction, renovation, capital repairs of construction objects, engineering surveying, design. The victims should be compensated not out of insurance payments under civil insurance contracts, but rather out of the compensation funds of self-regulatory organizations.

Conclusion. This study makes it possible to assess the institution of self-regulation in the construction industry — construction, design, and engineering surveying — as an efficient institution for proper protection of the interests of consumers of construction works and services and those of the government.

Keywords: *construction, self-regulation, self-regulatory organizations, licensing, government regulation, design, engineering surveying, urban planning legislation.*

For citation: Belova N. E., Vorona-Slivinskaya L. G., Voskresenskaya E. V. Sostoyanie i perspektivy razvitiya samoregulirovaniya v stroitel'noy industrii v Rossii [The Current State and Development Prospects of Self-Regulation in the Russian Construction Industry]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 7 (165), pp. 49–55. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-49-55.

История становления и развития института саморегулирования в современной России начинается в середине 1990-х гг. Первоначально регламентация деятельности саморегулируемых организаций (СРО) осуществлялась на основании Федерального закона № 7-ФЗ от 12 января 1996 г. «О некоммерческих организациях» [1]. Затем принимается Федеральный закон № 315-ФЗ от 1 декабря 2007 г. «О саморегулируемых организациях» (далее — Закон о СРО) [2], в соответствии с которым законодательно введено саморегулирование с обязательным членством в десяти сферах про-

фессиональной деятельности, в том числе в сферах инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительной индустрии [3, с. 20]. В дальнейшем получает развитие и саморегулирование с добровольным членством [4, с. 87].

Саморегулирование в области строительной индустрии введено в связи с отменой с 1 января 2009 г. в этой сфере государственного регулирования в виде лицензирования. Переходный период заключался в создании саморегулируемых организаций строительной индустрии по трем видам деятельности: строительство,

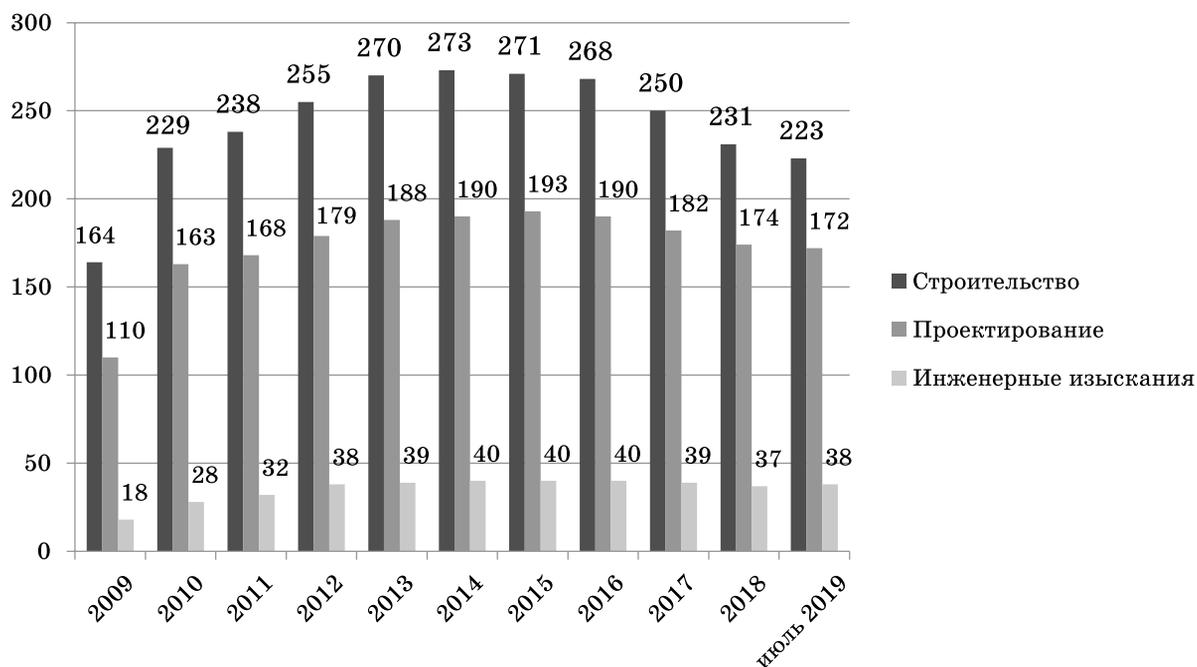

Рис. 1. Количество саморегулируемых организаций в отраслях строительного комплекса России в 2009–2018 гг, июле 2019 г.

Таблица 1

Распределение саморегулируемых организаций по отраслям строительной индустрии в федеральных округах РФ на 1 июля 2019 г.

Федеральный округ	Строительство	Проектирование	Инженерные изыскания
Российская Федерация, всего	223	172	38
Дальневосточный	13	4	–
Приволжский	33	23	4
Северо-Западный	30	32	11
Северо-Кавказский	8	2	–
Сибирский	25	12	2
Уральский	11	7	2
Центральный	86	81	15
Южный	17	11	4

проектирование, инженерные изыскания. Статус «саморегулируемая организация» по состоянию на конец декабря 2009 г. имели 292 организации строительной индустрии. На начало июля 2019 г. в государственном реестре саморегулируемых организаций в этой сфере представлены сведения о 433 действующих организациях, как показано на рисунке 1 и в таблице 1 [5].

Возможность осуществлять предпринимательскую деятельность в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования и строительства возникает у субъектов предпринимательской деятельности строительной индустрии только после получения допуска для проведения определенных видов работ от СРО, а не в связи со вступлением в саморегулируемую организацию [6, с. 120]. Такая ситуация вызывает целый ряд вопросов, поскольку субъект предпринимательской деятельности строительной индустрии

вынужден вступать в СРО, но это не гарантирует получения от СРО допуска к выполнению определенных видов работ. Нарушение принципа «отраслевого» единства в рамках СРО строительной индустрии привело к возникновению проблемных ситуаций практически во всех важнейших сферах функционирования СРО, создавших ограничения для влияния института саморегулирования на протекание регулятивных и деловых процессов в рассматриваемой нами сфере.

В России утвержден Административный регламент в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции и капитального ремонта объектов капитального строительства, утвержденный приказом Ростехнадзора от 25 июля 2013 г. № 325 [7]. Согласно данному нормативному документу, Ростехнадзор и его территориальные подразделения как орган исполнительной власти осуществляет

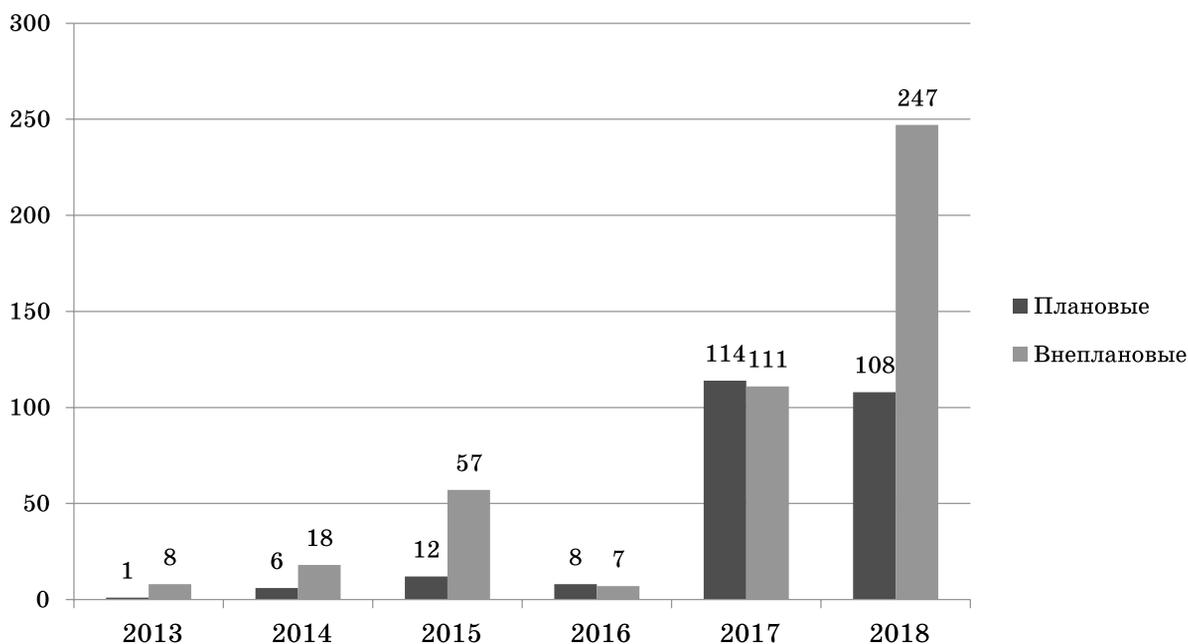

Рис. 2. Количество проведенных проверок саморегулируемых организаций в строительной индустрии в 2013–2018 гг.

государственную функцию по надзору за деятельностью СРО в строительной индустрии. Плановые и внеплановые проверки деятельности СРО проводятся ежегодно, что находит отражение на рисунке 2 [5].

Типичными нарушениями со стороны саморегулируемых организаций, выявленными в ходе контрольно-надзорных мероприятий, являются нарушения основных требований российского градостроительного законодательства и Закона о СРО. Статья 55.13 Градостроительного кодекса Российской Федерации (ГрК РФ) [8] предусматривает выполнение контроля СРО за деятельностью своих членов. Однако на практике некоторые саморегулируемые организации осуществляют такой контроль формально, что подтверждается результатами проведенных контрольно-надзорных мероприятий. Отметим, что именно контроль СРО за деятельностью своих членов считается главным механизмом, позволяющим СРО выявлять недобросовестных участников рынка строительной индустрии и оказывать влияние на качество работ, выполняемых в ходе строительства, проектирования и инженерных изысканий.

Следует отметить, что результаты функционирования системы саморегулирования оценены в ряде средств массовой информации достаточно негативно. Однако с подобной оценкой трудно согласиться. На наш взгляд, система СРО в строительной индустрии далека от совершенства, присутствуют недостатки в нормативно-правовом регулировании, но наличие ряда показателей свидетельствует о положительном влиянии внедрения СРО на итоги

работы в соответствующей отрасли. Например, с момента внедрения системы саморегулирования в анализируемой сфере очевидна тенденция по снижению уровня травматизма при производстве различных строительных работ, что подтверждает рисунок 3. Судя по данным, отраженным на рисунке 4, наблюдается значительное снижение показателя деловой активности строительной индустрии — количества законсервированных зданий и сооружений [9, с. 48].

Сегодня в строительной индустрии компенсационные фонды не используются по прямому назначению для осуществления выплат СРО при наступлении солидарной ответственности по обязательствам своих членов в соответствии со ст. 60 ГрК РФ [8]. Вместо выплат из компенсационного фонда СРО применяется страховое покрытие по договору гражданской ответственности [10, с. 94]. Нельзя не учитывать, что для саморегулирования в строительстве 2017 г. стал переходным, реформа СРО проводилась под знаменем «самоочищения» системы от недобросовестных и несостоятельных организаций. Со временем саморегулирование становится системой взаимной ответственности субъектов предпринимательской деятельности в строительной индустрии. Компенсационный фонд обеспечения договорных обязательств постепенно начинает выполнять функцию инструмента коллективной ответственности СРО по обязательствам своих членов.

25 октября 2018 г. зафиксирована самая крупная в истории саморегулирования в строительной отрасли России выплата из компенсационного фонда по статье «возме-

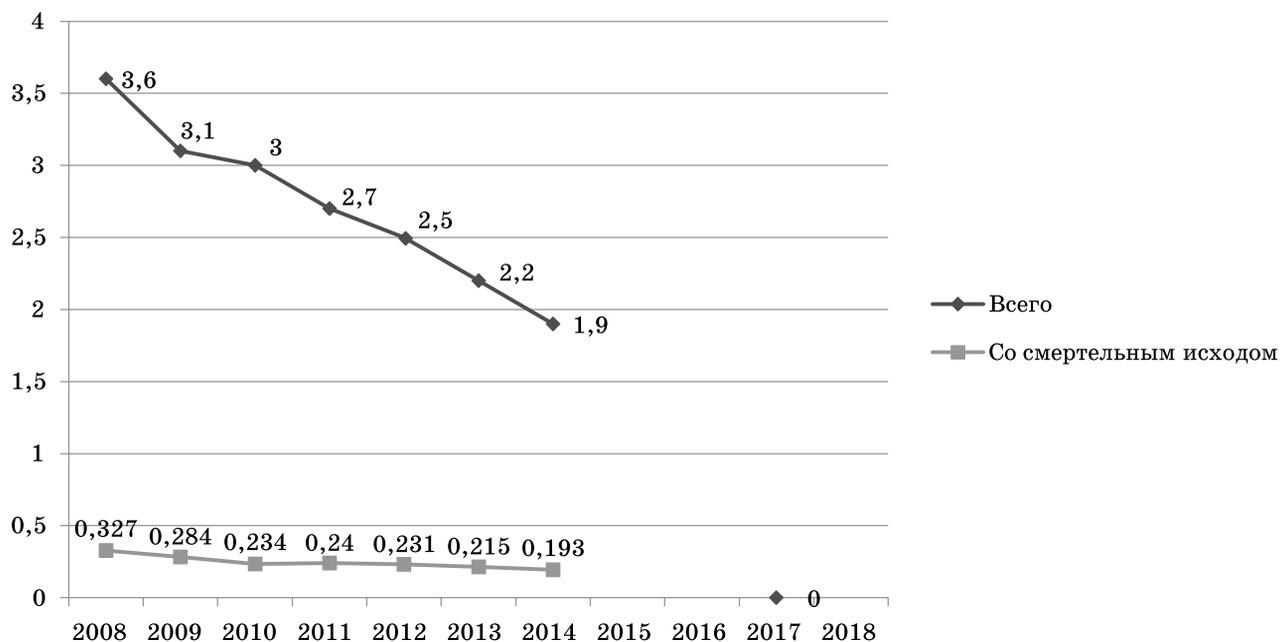

Рис. 3. Численность пострадавших в строительной индустрии на 1 000 работающих в 2008–2018 гг.

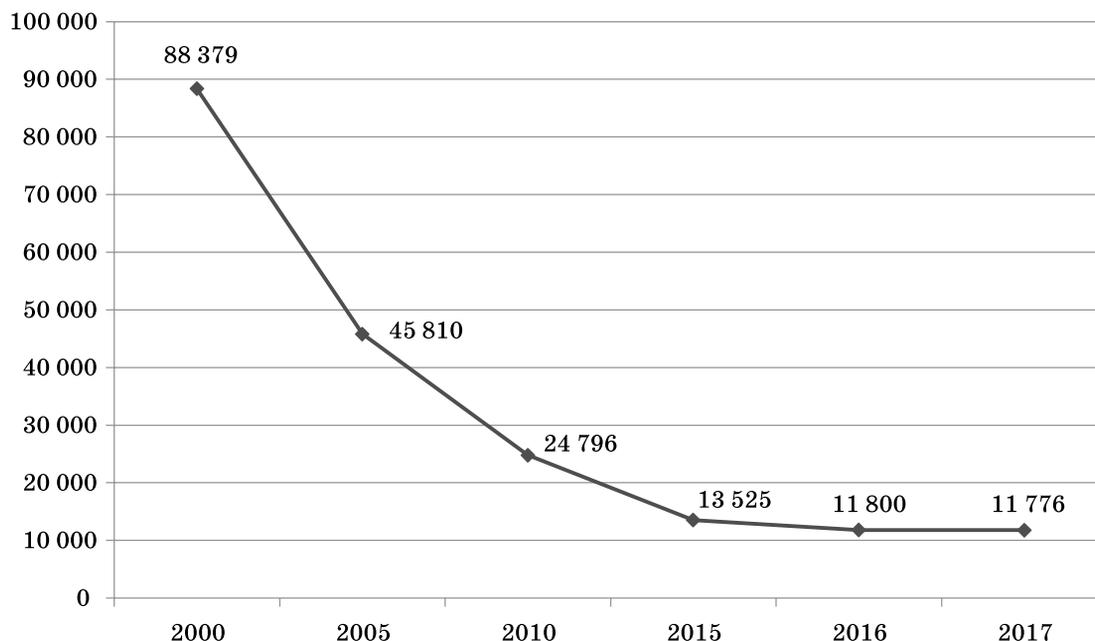

Рис. 4. Число зданий и сооружений, находящихся в приостановленном или законсервированном состоянии

щение вреда третьим лицам» в рамках солидарной ответственности. Размер выплаты СРО «МОСП МСП–ОПОРА» за своего члена (ООО «Горспецстрой-2») составил около 89 млн руб. В феврале 2017 г. на площадке по строительству многоярусной автомобильной парковки во Владивостоке при проведении работ по укреплению грунта путем возведения свайной конструкции произошло обрушение, т. е. случился оползень. При обрушении была повреждена автомобильная дорога, находящаяся в муниципальной собственности. Свайную конструкцию возводила подрядная организация ООО «Горспецстрой-2». Суд квалифицировал дело как спор, вытекающий из

гражданских правоотношений о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по договорам подряда. В выводах подготовленного научно-технического отчета причиной обрушения в числе прочих указывались ошибки проектирования.

Судебная инстанция вынесла решение о взыскании солидарно с ООО «Горспецстрой-2» и Ассоциации 89 млн руб. убытков, обязала погасить судебные издержки (155 тыс. руб.), а также взыскала еще 25,5 млн руб. с ООО «Горспецстрой-2». После вступления решения суда в законную силу выдан исполнительный лист и возбуждено исполнительное производство в отношении Ассоциации на 89 млн руб. Таким

образом, суд решил, что саморегулируемая организация как солидарный ответчик должна обеспечить исполнение претензий в любом объеме, независимо от размера сформированного компенсационного фонда возмещения вреда.

Событие по выплате из компенсационного фонда является знаковым, поскольку за девять лет существования саморегулирования на компенсацию пострадавшим при строительстве третьим лицам совокупно направлено не более 80 млн руб. Общий размер компенсационных фондов, собранных строительными СРО, в настоящее время превышает 100 млрд руб. Законодателем предполагалось, что выплатами из компенсационных фондов будет компенсироваться ущерб жизни или здоровью граждан. Однако ранее это важное направление находилось в состоянии застоя. Первый существенный шаг, описанный выше, должен восприниматься, естественно, как позитивный, как проявление ответственности перед профессиональным сообществом, гражданами и страной в целом.

Итак, саморегулирование целесообразно оценивать как эффективный институт, обеспечивающий надлежащей защитой интересы потребителей работ и услуг в сфере строительной индустрии и государства. Наиболее действенным механизмом рассматриваемого института является гарантия возмещения причиненного вреда потерпевшим вследствие недостатков работ и услуг при выполнении строительного производства, реконструкции, капитального ремонта объектов строительства, инженерных изысканий, проектирования, при этом не за счет страховых выплат по гражданско-правовым договорам страхования, а за счет компенсационных фондов саморегулируемых организаций [11; 12]. Система саморегулирования строительной индустрии зарекомендовала себя достойной альтернативой государственному регулированию в виде лицензирования строительной деятельности, что предполагает в перспективе совершенствование земельного, жилищного и градостроительного законодательства.

Литература

1. О некоммерческих организациях: федер. закон № 7-ФЗ от 12 янв. 1996 г. (ред. 29.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3, ст. 145.
2. О саморегулируемых организациях: федер. закон № 315-ФЗ от 1 дек. 2007 г. (ред. 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 49, ст. 6076.
3. Воскресенская Е. В. Субъекты саморегулирования: теоретико-правовой аспект // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1. С. 17–24.
4. Воскресенская Е. В. Саморегулирование оценочной деятельности // Современное право. 2007. № 3. С. 85–88.
5. Саморегулирование в России [Электронный ресурс] // Информационный портал «Саморегулирование». URL: <https://sro-portal.info/about/> (дата обращения: 30.06.2019).
6. Ворона-Сливинская Л. Г., Пак Х. С. Безопасность инновационного развития региональной социально-экономической системы // Проблемы управления рисками в техносфере. 2015. № 1 (33). С. 119–124.
7. Об утверждении Административного регламента по исполнению Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору государственной функции по осуществлению государственного надзора за деятельностью саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции и капитального ремонта объектов капитального строительства: приказ Ростехнадзора от 25 июля 2013 г. № 325 (ред. от 09.10.2017) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.
8. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ч. 1, ст. 16.
9. Строительство в России. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 119 с.
10. Воскресенская Е. В. Правовая природа отступного как основания прекращения гражданско-правовых обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 3. С. 91–95.
11. Voskresenskaya E., Snetkov V., Tebryaev A. Current-day Matters of Administration and Law in The Field of High-rise Construction // E3S Web of Conferences. 2018. Vol. 33. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/20183303051>.
12. Voskresenskaya E., Snetkov V., Tebryaev A., Askarov Z. Atypical Real Estate Objects: Legal Regime and Control System // MATEC Web of Conferences. 2017. Vol. 106. <https://doi.org/10.1051/matecconf/201710608055>.

References

1. On non-profit organizations. Federal Law No. 7-FZ of January 12, 1996 (as amended on July 29, 2018). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/. (in Russ.).
2. On self-regulatory organizations. Federal Law No. 315-F3 of December 1 2007 (as amended on August 3, 2018). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/. (in Russ.).

3. Voskresenskaya E. V. Sub"ekty samoregulirovaniya: teoretiko-pravovoy aspekt [Subjects of self-regulation: Theoretical and legal aspects]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2016, no. 1 (43), pp. 17–24.
4. Voskresenskaya E. V. Samoregulirovanie otsenочноy deyatel'nosti [Self-regulation of valuation activities]. *Sovremennoe pravo*, 2007, no. 3, pp. 85–88.
5. Self-regulation in Russia. Informational portal. Available at: <https://sro-portal.info/about/>. Accessed 30.06.2019. (in Russ.).
6. Vorona-Slivinskaya L. G., Pak Kh. S. Bezopasnost' innovatsionnogo razvitiya regional'noy sotsial'no-ekonomicheskoy sistemy [Safety of innovative development of the regional socio-economic system]. *Problemy upravleniya riskami v tekhnosfere*, 2015, no. 1 (33), pp. 119–124.
7. On approval of the Administrative Regulation on the fulfillment by the Federal Service for Ecological, Technological and Atomic Oversight of the state function to carry out state supervision of the activities of self-regulatory organizations in the field of engineering surveys, architectural and construction design, construction, reconstruction and overhaul of capital construction facilities. The order of Rostekhnadzor dated July 25, 2013 No. 325 (as amended on 09.10.2017). Available at: <http://base.garant.ru/70585564/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>. (in Russ.).
8. The Town Planning Code of the Russian Federation of December 29, 2004 No. 190-FZ (as amended on 08/02/2019). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/. (in Russ.).
9. *Stroitel'stvo v Rossii. 2018: Stat. sb.* [Construction in Russia. 2018: Stat. coll.]. Moscow: Rosstat, 2018. 119 p.
10. Voskresenskaya E. V. Pravovaya priroda otstupnogo kak osnovaniya prekrashcheniya grazhdansko-pravovykh obyazatel'stv [Legal nature of compensation as a basis for termination of civil obligations]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2011, no. 3, pp. 91–95.
11. Voskresenskaya E., Snetkov V., Tebryaev A. Current-day matters of administration and law in the field of high-rise Construction. *E3S Web of Conferences*, 2018, vol. 33. DOI: 10.1051/e3sconf/20183303051.
12. Voskresenskaya E., Snetkov V., Tebryaev A., Askarov Z. Atypical real estate objects: Legal regime and control system. *MATEC Web of Conferences*, 2017, vol. 106. DOI: 10.1051/matecconf/201710608055.

КОМБИНИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ТОРГОВОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-56-63

УДК 331.108:339

Пирогова Оксана Евгеньевна

*доцент Высшей школы сервиса и торговли Института промышленного менеджмента,
экономики и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого,
кандидат экономических наук, доцент*

195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29, e-mail: kafedra17@rambler.ru

Плотников Владимир Александрович

*профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
доктор экономических наук, профессор*

191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21, e-mail: plotnikov_2000@mail.ru

Исследование направлено на изучение человеческого капитала и методов его оценивания на микроуровне хозяйственной системы, в деятельности торговых предприятий.

Цель. Обосновать методический подход к оценке и прогнозированию человеческого капитала торгового предприятия с применением концепции управления стоимостью предприятия.

Задачи. Выявить значение человеческого капитала для эффективного управления торговыми предприятиями; раскрыть сущность категории «человеческий капитал» и специфику ее анализа на микроуровне хозяйственной системы; предложить комбинированную методику оценки и прогнозирования показателей человеческого капитала предприятия.

Методология. Используются методы институционального и структурного анализа, методы оценки инвестиционных проектов, системного анализа, методы стоимостного управления предприятием, а также специфические методы исследования человеческого капитала.

Результаты. В статье дана развернутая характеристика категории «человеческий капитал» с учетом специфики его проявления на микроуровне хозяйственной системы и отраслевых особенностей торговли. Рассмотрены методы и подходы к оценке эффективности инвестиций в человеческий капитал, в том числе с учетом отраслевой специфики. Предложена комбинированная методика оценки человеческого капитала торгового предприятия, базирующаяся на комбинации методов CIV и MVAIC, а также критерий для оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал, основанный на соотношении величины инвестиций и прироста человеческого капитала за отчетный период.

Выводы. Предложена новая методика оценки и прогнозирования человеческого капитала торговых предприятий, гармонизированная со стоимостным подходом к управлению, которая может применяться в их системах менеджмента.

Ключевые слова: человеческий капитал, торговое предприятие, методы менеджмента, стоимость предприятия, производительность труда.

Для цитирования: Пирогова О. Е., Плотников В. А. Комбинированный подход к оценке человеческого капитала торгового предприятия // *Экономика и управление*. 2019. № 7 (165). С. 56–63. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-56-63.

A COMBINED APPROACH TO HUMAN CAPITAL ASSESSMENT AT A TRADING ENTERPRISE

Oksana E. Pirogova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Politekhnicheskaya St. 29, St. Petersburg, Russian Federation, 195251, e-mail: kafedra17@rambler.ru

Vladimir A. Plotnikov

St. Petersburg State University of Economics

Sadovaya St. 21, St. Petersburg, Russian Federation, 191023, e-mail: plotnikov_2000@mail.ru

The presented study examines human capital and methods of its assessment at the micro-level of the economic system, in the activities of trading enterprises.

Aim. The study aims to substantiate a methodological approach to the assessment and prediction of the human capital of a trading enterprise using the concept of enterprise value management.

Tasks. The authors determine the importance of human capital for the efficiency of managing a trading enterprise, explore the essence of human capital and specific aspects of its analysis at the micro-

level of the economic system, and propose a combined method for assessing and predicting human capital indicators at an enterprise.

Methods. This study uses the methods of institutional and structural analysis, assessment of investment projects, systems analysis, enterprise value management, and specific methods of human capital research.

Results. The study provides a detailed description of human capital with allowance for the specific aspects of its manifestation at the micro-level of the economic system and industry-specific features of trade; examines the methods of and approaches to the assessment of efficiency of investments in human capital, also taking into account industry-specific features; proposes a combined method for human capital assessment at a trading enterprise based on a combination of CIV and MVAIC methods and a criterion for the assessment of efficiency of investments in human capital based on the relationship between the value of investment and human capital growth during the reporting period.

Conclusions. A new method for assessing and predicting the human capital of trading enterprises is proposed. It is harmonized with a value-based approach to management and can be integrated into the management systems of trading enterprises.

Keywords: human capital, trading enterprise, management practices, enterprise value, labor productivity.

For citation: Pirogova O. E., Plotnikov V. A. Kombinirovanny podkhod k otsenke chelovecheskogo kapitala torgovogo predpriyatiya [A Combined Approach to Human Capital Assessment at a Trading Enterprise]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 7 (165), pp. 56–63. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-56-63.

В последние годы в связи с развитием инструментария менеджмента и повышением уровня финансиализации хозяйственной деятельности предприятий [1–3], активного внедрения элементов стоимостного управления на предприятиях, в том числе торговых [4], все большую популярность приобретает направление исследований, связанное с анализом их человеческого капитала. Заметим, что в настоящее время термин «человеческий капитал» широко используется в экономической практике, исследователями интенсивно разрабатываются способы оценки человеческого капитала, исследуется его влияние на показатели эффективности деятельности предприятий, в том числе торговых [5; 6].

Введение в практику менеджмента понятия «человеческий капитал» связано с признанием того, что сотрудники предприятия могут выступать активным фактором развития и активным элементом создания новой стоимости на предприятии. При этом в последние десятилетия изменился и взгляд на персонал предприятия. Его начинают рассматривать не как рабочую силу — фактор производства, на который предприятие затрачивает определенные средства, а как человеческий капитал, активный фактор, основной источник развития и создания для предприятия добавленной стоимости [7; 8].

Человеческий капитал сегодня рассматривается на мировом и национальном уровнях, на уровне отраслей и отдельных предприятий, а также на индивидуальном уровне. Наиболее полно понятие «человеческий капитал» с позиций возможности его количественной оценки и оценки получаемых от него эффектов, по нашему мнению, проявляется на уров-

не предприятия, когда знания и умения тех или иных людей могут трансформироваться в добавленную стоимость, создаваемую предприятием. При этом у человеческого капитала наиболее отчетливо проявляется основное свойство — способность к самовозрастанию, позволяющее отнести его к капиталу. Объектом авторского анализа в статье является человеческий капитал торговых предприятий. Выделение этой составляющей человеческого капитала определяется недостаточной ее изученностью, а также значимостью торговли для национальной экономики. В настоящее время торговая отрасль относится к одному из важнейших секторов российской экономики, формируя товаропроводящую систему на территории страны. Торговля оказывает существенное влияние на динамику валового внутреннего продукта, уровень занятости, развитие малого предпринимательства, сохраняя потенциал высокого роста в ближайшей и среднесрочной перспективе.

В этих условиях актуальными становятся вопросы разработки новых подходов к прогнозированию и развитию торговых предприятий, которые позволили бы обеспечить им устойчивые конкурентные преимущества, стабильный рост и развитие. На современном этапе «новой нормальности», когда реальные доходы населения стагнируют, что отражено на рисунке 1, российские торговые предприятия вынуждены функционировать в условиях ограниченности источников финансирования, что требует мобилизации имеющихся у них ресурсных резервов [9].

Один из таких резервов, по нашему мнению, связан с повышением эффективности управления человеческим капиталом предприятий

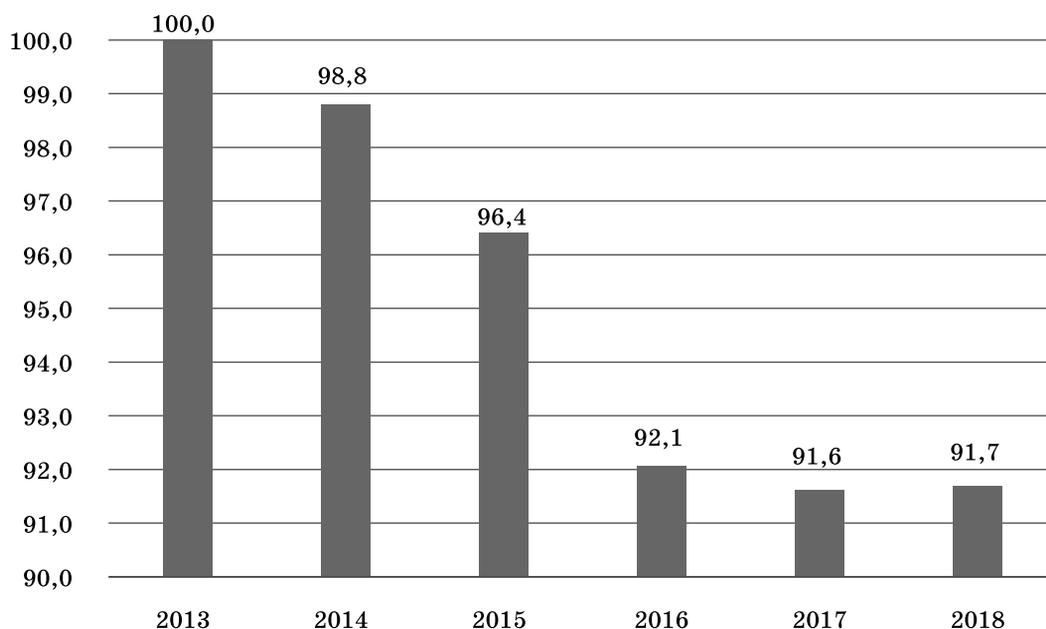

Рис. 1. Индекс (2013 г. — 100 %) реальных располагаемых денежных доходов по Российской Федерации в 2013–2018 гг., %

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#.

торговли. Это мнение основано на данных о производительности труда, как показано на рисунке 2, которая в торговле и связанных с нею отраслях не только хронически отстает от средних показателей в российской экономике в целом, но и в последние годы демонстрирует устойчивую отрицательную динамику.

Экономическая сущность человеческого капитала предприятия

В настоящее время для России особенно важен вопрос об ускорении инновационного развития [10; 11; 12]. Еще в 2008 г. утверждена «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». Представленная в Концепции инновационная модель предполагает повышение эффективности человеческого капитала, который в структуре национального богатства всех стран мира, согласно оценкам экспертов Всемирного банка, составляет 64 % (физический капитал — 16 %, природный — 20 %), а в таких высокоразвитых странах, как Германия, Япония, Швеция, удельный вес человеческого капитала достигает 80 %. Человеческий капитал, как известно, состоит из приобретенных знаний, навыков, мотиваций и энергии, которые накапливают в процессе жизнедеятельности индивиды и которые могут использоваться в течение определенного времени для ведения хозяйственной деятельности. Важное свойство человеческого капитала заключается в том, что он неотделим от человека. Тем не менее в процессе трудовой деятельности его носителя он способен повы-

шать производительность последней. Вследствие этого на предприятиях с более высоким запасом человеческого капитала работников может формироваться большая по величине прибыль. Таким образом, прослеживается взаимосвязь: эффективный человеческий капитал и эффективность предприятия находятся в причинно-следственной зависимости.

Человеческий капитал — это накопленные знания, умения, мастерство, которым обладает работник, приобретенные им благодаря общему и специальному образованию, профессиональной подготовке, производственному опыту. Характерные особенности человеческого капитала следующие: является ключевым условием экономического роста предприятия; благодаря общесистемным свойствам капитала имеет способность накапливаться, воспроизводиться и приносить доход; возможно целенаправленное накопление знаний, умений, мастерства работника, а также создание механизма их применения в производственных и потребительских целях.

Наиболее важные отличительные признаки понятия «человеческий капитал» состоят в том, что [13] носителем человеческого капитала выступает человек, работник, т. е. его нельзя отделить от носителя, без человека он не существует; очевидна способность приносить дополнительный доход, т. е. способность капитализироваться, что определяет, с одной стороны, возможность и необходимость стоимостной оценки человеческого капитала, с другой — требует создания условий, при которых принадлежащие человеку знания и умения могут быть реализованы в хозяйственной

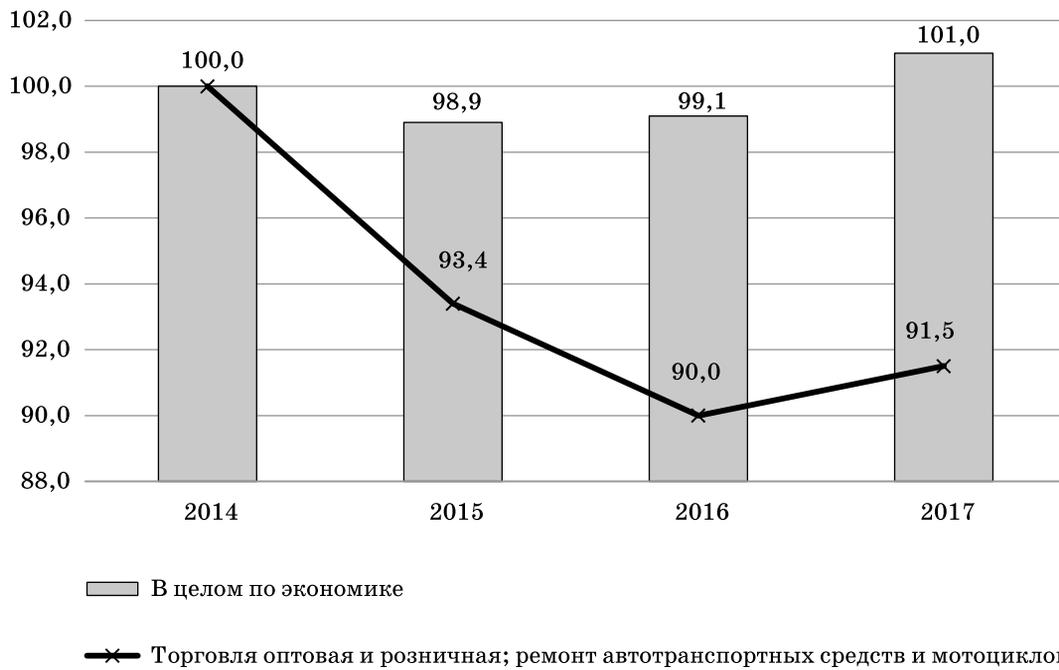

Рис. 2. Индекс (2014 г. — 100 %) производительности труда в Российской Федерации в 2014–2017 гг., %

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#.

деятельности с извлечением дополнительного дохода.

Рассмотрим подробнее последнее из указанных обстоятельств. С позиций институциональной экономической теории наиболее ценную часть человеческого капитала можно охарактеризовать как специфический актив, не обладающий свойством универсальности. Поэтому для его эффективного использования требуется создание специальных условий. Причем эти условия могут создаваться не только на уровне страны, региона, отрасли, но также на уровне предприятия и даже подразделения или рабочего места. Этим определяется значимость учета феномена человеческого капитала на всех уровнях менеджмента предприятий.

Прогрессивные методы менеджмента должны давать возможность не только оценивать человеческий капитал, но и эффективно управлять им, включая привлечение его носителей, формирование и развитие его составляющих [14]. Вместе с тем на пути широкого внедрения методов управления человеческим капиталом в деятельность современных предприятий находится ряд проблем, которые до настоящего времени не решены. Среди них — низкий уровень развития прикладных инструментов оценки человеческого капитала на уровне предприятия; недостаточная степень использования человеческого капитала предприятия ввиду недооценки менеджерами его значимости, а также слабого внедрения в практику соответствующих методов; недостаточно продуманная политика применения трудовых ресурсов и человеческого капитала в целом, несмотря на

частое упоминание этой категории (не всегда терминологически корректное, о чем авторы писали в одной из более ранних работ [15]) в официальных документах.

С позиций экономических интересов предприятия человеческий капитал — это не просто знания, умения и навыки (компетенции) персонала, а те из них, которые используются или будут использоваться в перспективе для получения дополнительного дохода предприятия. Между тем прямая взаимосвязь между вложениями в образование и развитие персонала и отдачей от этих вложений отсутствует, так как существенную роль здесь играют общекультурные особенности, экономическая и организационная культура на предприятии, модель менеджмента, индивидуальные особенности работника и другие факторы [16].

Итак, одна из важных проблем современного менеджмента — оценка эффективности вложений в человеческий капитал. Для этого могут быть использованы стандартные методы оценки эффективности инвестиций. Вместе с тем та или иная методика оценки должна строиться с учетом специфики предприятия, особенностей человеческого капитала с позиций его количественного оценивания. Перечислим соответствующие особенности [17].

Во-первых, экономическая отдача от инвестиций в человеческий капитал зависит от периода экономической активности жизни его носителя, т. е. от продолжительности периода трудоспособности и занятости. Во-вторых, человеческий капитал, как и основной физический капитал предприятия, с одной сторо-

ны, подвержен физическому и моральному износу. С другой — при его формировании и накоплении могут проявляться положительные синергетические эффекты. В-третьих, процессы внутрифирменного формирования человеческого капитала (путем обучения и передачи опыта) отдельных работников оказывают мультиплицирующий эффект на интеллектуальный, социальный, организационный капитал предприятия в целом. В-четвертых, горизонты окупаемости инвестиций в человеческий капитал могут оказаться столь большими, что инвестировать в него предприятиям становится невыгодно. Например, «рост расходов государства на школы лишь спустя 24 года превосходит по результативности рост вложений в строительство дорог — зато превосходит существенно. Первые же девять лет траты на школы могут, напротив, замедлять ВВП» [18]. Следовательно, инвестиции в человеческий капитал становятся прерогативой государства.

Методика оценки и прогнозирования инвестиций в человеческий капитал предприятия

Трансформация понимания человеческих ресурсов предприятия требует разработки новых подходов для измерения и оценки человеческого капитала, что в дальнейшем позволит решить задачу управления этим видом капитала на предприятии. Если задача построения системы измерителей человеческого капитала, а также критериев, позволяющих оценить его вклад в создание стоимости предприятия, решается, то на пути решения проблемы прогнозирования инвестиций в человеческий капитал пока немало трудностей.

Эти трудности обусловлены рядом особенностей человеческого капитала: многие показатели его оценки имеют неденежное выражение, что затрудняет их использование при оценке инвестиционной отдачи; сложность выбора критериев в управлении человеческим капиталом ввиду того, что носителем этого капитала является человек со своими индивидуальными особенностями; наличие существенной нелинейной связи между различными факторами, влияющими на человеческий капитал, и эффективностью использования его на предприятии; сложная внутренняя структура человеческого капитала, включающая в себя общекультурные и индивидуальные факторы, которые по-разному могут реализовываться в контурах создания стоимости предприятия.

Существующий подход в большинстве научных работ в целом не предоставляет практикам инструментария управления человеческим капиталом. В основном исследователи

сосредоточены на разработке показателей его оценки, однако для управления этого недостаточно. Оценка — лишь один из этапов управления. Чтобы управлять человеческим капиталом, необходимо не только уметь оценивать его величину. Должны быть и критерии, позволяющие оценивать его достаточность или недостаточность. Кроме того, требуется система оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал. Только после выполнения приведенных условий можно квалифицировать человеческий капитал актив предприятия. До тех пор, пока такой инструментарий не разработан, понятие «человеческий капитал» для менеджмента будет оставаться умозрительной категорией.

В целях решения задачи прогнозирования человеческого капитала, а также инвестиций в него уточним определение понятия. Под человеческим капиталом в контексте нашего исследования предлагаем понимать капитализированную (преобразованную в стоимость) текущую и будущую ценность полезных для предприятия и его технолого-экономического процесса способностей персонала предприятия, воплощенную в мастерстве и квалификации работников, выражающуюся в величине текущих и будущих доходов предприятия, а также в величине их превышения над среднерыночным уровнем, обусловленной этой ценностью [3].

Из этого определения следует, что главное свойство человеческого капитала с позиций стоимостного управления предприятием заключается в его способности генерировать доходы предприятия выше рыночных. Итак, с точки зрения стоимостного подхода человеческий капитал способен генерировать добавленную стоимость, т. е. стоимость, которая превышает доходность альтернативных вложений капитала. Оценка стоимости человеческого капитала предприятия должна исходить из принципа о том, что предприятие — это микроэкономическая система, основной целью которой является устойчивое развитие, заключающееся в поддержании на неограниченном интервале времени способности обеспечивать доходность не ниже требуемой за счет осуществления уставных видов деятельности. Соответственно, и человеческий капитал предприятия должен оцениваться не только по текущему вкладу, но и по вкладу в будущий рост его стоимости. Важно отметить, что в каждый момент времени существует оптимальное количество работников и менеджеров, создающих максимальную в заданных условиях стоимость. Отклонение от этого значения в большую или в меньшую сторону приведет к ухудшению эффективности использования персонала и, как следствие, к снижению качества человеческого капитала.

Еще одна важная особенность человеческого капитала как экономической категории заключается в том, что он выступает составной частью интеллектуального капитала предприятия, который, по мнению многих исследователей, позволяет получать предприятию дополнительную добавленную стоимость. Помимо человеческого капитала в интеллектуальный капитал приносят вклад потребительский (отношенческий) и структурный капиталы. Инвестиционный подход к элементам интеллектуального капитала требует проведения оценки эффективности вложений в развитие соответствующих видов капитала, базирующееся на сопоставлении величины инвестиций и отдачи от них. Следовательно, если величину вложений в тот или иной вид капитала на предприятии можно достаточно легко рассчитать, то с определением вклада каждого из элементов интеллектуального капитала в рост стоимости предприятия возникают проблемы.

Выход из сложившейся ситуации предлагает модифицированная методика оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал, в основу которой положена комбинация методик CIV и VAIC (MVAIC) [19]. Так, с учетом методики MVAIC рассчитывается обобщенный коэффициент интеллектуальной добавленной стоимости:

$$MVAIC = HCE + SCE + RCE + CEE,$$

где HCE — показатель эффективности использования человеческого капитала предприятия, который рассчитывается как соотношение добавленной стоимости и величины человеческого капитала (затрат на труд), т. е. SCE — показатель эффективности использования организационного капитала, он рассчитывается как соотношение добавленной стоимости за вычетом человеческого капитала и добавленной стоимости; RCE — показатель эффективности использования отношенческого или потребительского капитала, который рассчитывается как соотношение суммы расходов на продажу, рекламу, маркетинг и добавленной стоимости; CEE — показатель эффективности использования задействованного капитала.

Считая, что именно интеллектуальный капитал позволяет торговому предприятию зарабатывать дополнительную прибыль, величина которой выше средней по отрасли, можно утверждать, что составляющие интеллектуального капитала участвуют в создании CIV — расчетной нематериальной (интеллектуальной) стоимости как дисконтированного потока сверхдоходов предприятия [19]. Для оценки величины человеческого капитала предлагается использовать следующее выражение:

$$HC = CIV \frac{HCE}{HCE + SCE + RCE}.$$

Полученная оценка представляет собой капитализированную часть сверхдохода предприятия, обусловленную человеческим капиталом. Данную оценку можно сравнивать с величиной инвестиций в человеческий капитал IHC , которые осуществляет предприятие в процессе деятельности. Под инвестициями в человеческий капитал понимаются в данном случае дополнительные расходы предприятия на формирование корпоративной культуры, различные тренинги, переподготовку и обучение персонала, расходы на поддержание здоровья персонала, а также премии, обусловленные получением высокого результата деятельности предприятия в отчетный период. Это инвестиции, которые должны быть «очищены» от текущих затрат на персонал. Они не включают в себя затраты на заработную плату, поиск и восполнение персонала и т. д., поскольку эти виды расходов обусловлены операционной деятельностью предприятия. Для оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал в отчетный период может использоваться неравенство:

$$\Delta HC_i > IHC_i \geq 0,$$

где ΔHC_i — изменение человеческого капитала предприятия за i -й отчетный период, руб.; IHC_i — инвестиции в человеческий капитал за i -й отчетный период, руб.

Если указанное неравенство выполняется, то можно сделать вывод об эффективности инвестиций в человеческий капитал, а если оно не выполняется, то необходимо пересмотреть подходы к управлению человеческим капиталом на предприятии.

Заключение

В современных условиях повышенное внимание уделяется эффективному использованию человеческих ресурсов предприятий. Особое значение это имеет для торговли, динамика развития которой в целом и производительности труда занятых в ней работников в частности, показывают неудовлетворительную динамику. Рассмотрение человеческих ресурсов предприятия через призму создания стоимости, т. е. как человеческого капитала, требует анализа их с точки зрения создания избыточной добавленной стоимости как элемента капитала. Дополнительные расходы на человеческий капитал в этом случае необходимо трактовать как инвестиции, а не как затраты.

Для оценки величины человеческого капитала авторами предложена комбинированная методика, основанная на том, что человеческий капитал характеризуется как часть интеллектуального капитала предприятия и совместно с организационным и потребительским видами

капитала участвует в создании избыточной добавленной стоимости. Комбинированная методика базируется на применении показателей, дающих денежную и неденежную оценку интеллектуального капитала. Неденежная оценка раскрывает структуру, а денежная — позволяет оценить совокупный эффект от интеллектуального капитала предприятия. Оценка

эффективности инвестиций в человеческий капитал строится на сопоставлении роста величины человеческого капитала с величиной инвестиций. Предложенная методика основана на данных бухгалтерской и финансовой отчетности торговых предприятий, а также позволяет контролировать процесс формирования и развития их человеческого капитала.

Литература

1. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Современные проблемы российского менеджмента в условиях инновационной экономики // Современные тенденции развития менеджмента и государственного управления: материалы межрегиональной науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Полянина. Орел: Орловский филиал РАНХиГС, 2016. С. 11–14.
2. Крыжановская О. А., Некипелова А. С., Рушкова А. В. Развитие интеллектуального капитала в условиях структурных трансформаций экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 2 (36). С. 21–27.
3. Пирогова О. Е. Динамическая модель развития торгового предприятия на основе роста стоимости // Управленческое консультирование. 2016. № 9 (93). С. 95–106.
4. Пирогова О. Е. Методология и инструментарий управления развитием торговых предприятий на основе стоимостного подхода: дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2019. 333 с.
5. Соколов Е. В., Киселев А. Ю. Комплексный метод прогнозирования основных экономических показателей предприятий // Контроллинг. 2008. № 3 (27). С. 46–55.
6. Шаланов Н. В. Экономическая диагностика эффективности деятельности торгового предприятия: монография. Омск: Омский экономический инст-т, 2008. 116 с.
7. Дятлов С. А., Доброхотов М. А. Формы реализации человеческого капитала в цифровой экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112). С. 25–28.
8. Капелюшников Р. И. Записка об отечественном человеческом капитале. М.: ГУ ВШЭ, 2008. 56 с.
9. Самойлова Т. Д. Резервы повышения эффективности функционирования торговой организации: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2017. 195 с.
10. Алексеев А. А., Хлебников К. В. Факторы экономической эффективности инновационного предпринимательства в обрабатывающей промышленности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 5 (113). С. 128–136.
11. Бодрунов С. Д. Россия в эпоху перехода к новоиндустриальной экономике: императивы модернизации // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 215, № 1. С. 24–39.
12. Вертакова Ю. В., Греченюк О. Н. Оценка результативности инновационной деятельности региона в секторально-отраслевом разрезе // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 4 (38). С. 18–26.
13. Лессер Э., Прусак Л. Как превратить знания в стоимость: решения от IBM Institute for Business Value. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 248 с.
14. Кирьянов Д. А., Сухарева Т. Н. Методы оценки человеческого капитала: анализ объективности и достаточности исходных данных [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3. С. 337–340. URL: <http://teoria-practica.ru/-3-2011/ekonomika/kiryanov-sukhareva.pdf> (дата обращения: 16.04.2019).
15. Plotnikov V., Pirogova O., Vertakova Y. Model for Assessing the Human Capital of an Enterprise // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 272, no. 3. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/272/3/032225>.
16. Фитц-енц Я. Рентабельность инвестиций в персонал. Измерение экономической ценности персонала. М.: Вершина, 2006. 320 с.
17. Тугускина Г. Оценка эффективности инвестиций в человеческий капитал предприятий // Управление персоналом. 2009. № 3. С. 73–77.
18. Ломская Т. Как и зачем власти собираются умножать человеческий капитал [Электронный ресурс] // Ведомости. 2018. 23 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/05/24/770536-umnozhat-chelovecheskii-kapital> (дата обращения: 26.04.2019).
19. Пирогова О. Е. Подход к оценке интеллектуального капитала торгового предприятия в рамках концепции VBM // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 2 (116). С. 102–109.

References

1. Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. Sovremennye problemy rossiyskogo menedzhmenta v usloviyakh innovatsionnoy ekonomiki [Modern problems of Russian management in an innovative economy]. In: *Sovremennye tendentsii razvitiya menedzhmenta i gosudarstvennogo upravleniya. Mat. mezhdre-*

- gion. nauch.-prakt. konf. (27 yanvarya 2016 g.) [Modern trends in the development of management and public administration. Proc. int. sci.-pract. conf. (27 Jan., 2016)]. Oryol: Oryol branch of RANEPa, 2016, pp. 11–14. Available at: http://www.old.fa.ru/fil/orel/science/Documents/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%A0%D0%90%D0%9D%D0%A5%D0%B8%D0%93%D0%A1_2016.pdf.
2. Kryzhanovskaya O. A., Nekipelova A. S., Rushkova A. V. Razvitie intellektual'nogo kapitala v usloviyakh strukturnykh transformatsiy ekonomiki [The development of intellectual capital in the context of structural transformations of the economy]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*, 2018, no. 2 (36), pp. 21–27.
 3. Pirogova O. E. Dinamicheskaya model' razvitiya torgovogo predpriyatiya na osnove rosta stoisimosti [Dynamic model of development of a trading company based on cost growth]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2016, no. 9 (93), pp. 95–106.
 4. Pirogova O. E. *Methodology and tools for managing the development of trade enterprises based on the cost approach. Dr. econ. sci. diss.* St. Petersburg: SPb. State Univ. of Economics, 2019. 333 p. (in Russ.).
 5. Sokolov E. V., Kiselev A. Yu. Kompleksnyy metod prognozirovaniya osnovnykh ekonomicheskikh pokazateley predpriyatiy [A comprehensive method for predicting the basic economic indicators of enterprises]. *Kontrolling*, 2008, no. 3 (27), pp. 46–55.
 6. Shalanov N. V. *Ekonomicheskaya diagnostika effektivnosti deyatel'nosti torgovogo predpriyatiya* [Economic diagnostics of the effectiveness of a trading company]. Omsk: Omsk Inst. of Economics, 2008. 116 p.
 7. Dyatlov S. A., Dobrokhotov M. A. Formy realizatsii chelovecheskogo kapitala v tsifrovoy ekonomike [Forms of the implementation of human capital in the digital economy]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2018, no. 4 (112), pp. 25–28.
 8. Kapelyushnikov R. I. *Zapiska ob otechestvennom chelovecheskom kapitale* [A note on domestic human capital]. Moscow: HSE Publ., 2008. 56 p.
 9. Samoylova T. D. *Reserves for increasing the effectiveness of the functioning of a trade organization. Cand. econ. sci. diss.* St. Petersburg: SPb. State Univ. of Economics, 2017. 195 p. (in Russ.). Available at: <https://unecon.ru/sites/default/files/diss/samoylovatd.pdf>.
 10. Alekseev A. A., Khlebnikov K. V. Faktory ekonomicheskoy effektivnosti innovatsionnogo predprinimatel'stva v obrabatyvayushchey promyshlennosti [Factors of economic efficiency of innovative entrepreneurship in the manufacturing industry]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2018, no. 5 (113), pp. 128–136.
 11. Bodrunov S. D. Rossiya v epokhu perekhoda k novoindustrial'noy ekonomike: imperativy modernizatsii [Russia in the era of transition to a new industrial economy: The imperatives of modernization]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 2019, vol. 215, no. 1, pp. 24–39.
 12. Vertakova Yu. V., Grechenyuk O. N. Otsenka rezul'tativnosti innovatsionnoy deyatel'nosti regiona v sektoral'no-otraslevom razreze [Assessment of the effectiveness of innovative activities in the region in the sectoral-industrial section]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*, 2018, no. 4 (38), pp. 18–26.
 13. Lesser E., Prusak L., eds. *Creating value with knowledge: Insights from the IBM Institute for Business Value*. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2003. 240 p. (Russ. ed.: Lesser E., Prusak L. *Kak preuratit' znaniya v stoimost': resheniya ot IBM Institute for Business Value*. Moscow: Alpina Business Books, 2006. 248 p.).
 14. Kir'yanov D. A., Sukhareva T. N. Metody otsenki chelovecheskogo kapitala: analiz ob'ektivnosti i dostatochnosti iskhodnykh dannykh [Methods for assessing human capital: analysis of the objectivity and adequacy of the source data]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2011, no. 3, pp. 337–340. Available at: <http://teoria-practica.ru/-3-2011/ekonomika/kiryanov-sukhareva.pdf>. Accessed 16.04.2019.
 15. Plotnikov V., Pirogova O., Vertakova Y. Model for assessing the human capital of an enterprise. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2019, vol. 272, no. 3. DOI: 10.1088/1755-1315/272/3/032225.
 16. Fitz-enz J. *The ROI of human capital: Measuring the economic value of employee performance*. N.Y.: Amacom Books, 2000. 298 p. (Russ. ed.: Fitz-enz J. *Rentabel'nost' investitsiy v personal. Izmerenie ekonomicheskoy tsennosti personala*. Moscow: Verzhina Publ., 2006. 320 p.).
 17. Tuguskina G. Otsenka effektivnosti investitsiy v chelovecheskiy kapital predpriyatiy [Assessment of the effectiveness of investments in the human capital of enterprises]. *Upravlenie personalom*, 2009, no. 3, pp. 73–77.
 18. Lomskaya T. *How and why authorities are going to increase human capital*. *Vedomosti*. 23 May, 2018. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/05/24/770536-umnozhat-chelovecheskii-kapital>. Accessed 26.04.2019. (in Russ.).
 19. Pirogova O. E. Podkhod k otsenke intellektual'nogo kapitala torgovogo predpriyatiya v ramkakh kontseptsii VBM [Approach to the valuation of the intellectual capital of a trading company within the framework of the VBM concept]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2019, no. 2 (116), pp. 102–109.

МЕТОДОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ ИННОВАЦИИ, ОСНОВАННОЙ НА СОТВОРЧЕСТВЕ И СОПРОИЗВОДСТВЕ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-64-73

УДК 339.13

Молчанов Николай Николаевич

заведующий кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор экономических наук, профессор

191123, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62, e-mail: nikolay_molchanov@mail.ru

Рыбакова Юлия Владимировна

аспирант экономического факультета Санкт-Петербургского
государственного университета

191123, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62, e-mail: rbk1331@gmail.com

Цель. Совершенствование методики структурирования функции качества при разработке инноваций с учетом принципов методологии совместного создания ценности.

Задачи. Проанализировать сущность концепции совместного создания ценности при разработке инноваций. Исследовать методику структурирования функции качества (СФК; *Quality Function Development, QFD*) как базовый инструмент разработки конкурентоспособных инкрементальных инноваций. Предложить свой вариант методики, учитывающий элементы сотворчества и сопроизводства со стороны потребителя.

Методология. Методологическая база статьи — научные концепции экономической теории, теории инноваций. Обоснование теоретических положений и аргументация выводов осуществлялись на базе применения таких общенаучных методов и приемов, как системный и комплексный подходы, методы экономико-статистического анализа и др.

Результаты. Авторами рекомендовано использование в процессе структурирования функции качества цифрового двойника разрабатываемой инновации (товара, технологии). Целесообразность применения цифрового двойника подтверждена примером из практического опыта одного из авторов. При разработке так называемых комнат технического бенчмаркинга по инновации авторы предложили расчет конкурентоспособности на базе такого показателя, как Индекс удовлетворения потребности покупателя (*Customer Satisfaction Index, CSI*). Классический вариант методики структурирования функции качества предоставляет возможность судить о степени превосходства/отставания разрабатываемой инновации от имеющихся прототипов по ряду параметров. Расчет показателя *CSI* позволяет судить о том, в какой степени разрабатываемая инновация соответствует идеалу покупателя, а также дает представление о степени ее превосходства/отставания от имеющихся прототипов в целом. Предложена модификация организационной структуры, которая должна заниматься разработкой конкурентоспособной инновации на базе методологии совместного создания ценности. В дополнение к ролевым позициям разработчика, финансового аналитика, маркетолога в состав группы вводится представитель заказчика (покупатель инновации). Предполагается привлечение к работе группы представителей поставщиков, с которыми заключены долгосрочные контракты. В комплексе такая организационная структура дает значительный синергетический эффект от кооперации в системе «поставщик — производитель-разработчик — конечный покупатель».

Выводы. Предложена модернизация методики структурирования функции качества с учетом выбираемых клиентом дополнительных опций по товару, а также функций производства и сервисного обслуживания, которые заказчик готов взять на себя.

Ключевые слова: *продуктовые и технологические инновации, методика разработки инноваций, концепция совместного создания ценности, сотворчество, сопроизводство.*

Для цитирования: Молчанов Н. Н., Рыбакова Ю. В. Методология разработки инновации, основанной на сотворчестве и сопроизводстве // *Экономика и управление.* 2019. № 7 (165). С. 64–73. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-64-73.

THE METHODOLOGY FOR DEVELOPING AN INNOVATION BASED ON CO-CREATION AND CO-PRODUCTION

Nikolay N. Molchanov

St. Petersburg University

Chaykovskogo St. 62, St. Petersburg, Russian Federation, 191123, e-mail: nikolay_molchanov@mail.ru

Yuliya V. Rybakova

St. Petersburg University

Chaykovskogo St. 62, St. Petersburg, Russian Federation, 191123, e-mail: rbk1331@gmail.com

Aim. The presented study aims to improve the quality function deployment methodology in innovation development with allowance for the principles of the value co-creation methodology.

Tasks. The authors analyze the essence of the value co-creation concept in innovation development, examine the *quality function deployment (QFD)* methodology as a basic tool for the development of competitive incremental innovations, and propose their own revised methodology that combines the elements of co-creation and co-production on the part of the consumer.

Methods. The methodological basis of the study comprises the scientific concepts of economic theory and innovation theory. This study also uses such general scientific methods as systems and complex approach, economic and statistical analysis to substantiate theoretical assumptions and rationalize the conclusions.

Results. The authors recommend using a digital double of the developed innovation (product or technology) during quality function deployment. The usefulness of the digital double is confirmed by an example from one of the authors' practice. During the development of the so-called technical benchmarking rooms for an innovation, the authors propose calculating competitiveness based on a *customer satisfaction index (CSI)*. The classical quality function deployment methodology makes it possible to assess the superiority/lag of the developed innovation compared with the existing prototypes along a number of parameters. Calculation of the *CSI* indicator makes it possible to assess the developed innovation in terms of its conformity with the customer's ideal, and give an indication of its overall superiority/lag in comparison with the existing prototypes. The authors propose a modification of the organizational structure, which is supposed to be engaged in the development of a competitive innovation based on the value co-creation methodology. In addition to the roles of developer, financial analyst, and marketer, a representative of the customer (buyer of innovation) is introduced into the group. Representatives of suppliers with long-term contracts are planned to be involved in the group's work. As a whole, this type of organizational structure results in a significant synergistic effect of cooperation within the "supplier — manufacturer/developer — end consumer" system.

Conclusions. This study proposes a modification of the quality function deployment methodology with allowance for additional customer preferences as well as production and service functions that the customer is ready to take on.

Keywords: *product and technology innovations, innovation development methodology, value co-creation concept, co-creation, co-production.*

For citation: Molchanov N. N., Rybakova Yu. V. Методология разработки инновации, основанной на сотворчестве и сопроизводстве [The Methodology for Developing an Innovation Based on Co-Creation and Co-Production]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 7 (165), pp. 64–73. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-64-73.

Введение

В условиях современного жестко конкурентного рынка фирма может достигнуть успеха за счет предложения покупателю новых товаров, в максимальной степени учитывающих специфические запросы каждого клиента (возможен успех за счет масштабирования выявленных потребностей целевых групп, как это делают китайские предприниматели). Одним из подходов к созданию конкурентоспособной на рынке инновации является стратегия Technology Pull. Суть стратегии разработки инновации состоит в том, что разработчик активно изучает мнение потребителя о существующих на

рынке моделях товара, их недостатках, предложения покупателей по совершенствованию продукта. Альтернативой данной стратегии разработки инновации выступает стратегия Technology Push, которая предполагает, что фирма сначала на свой страх и риск создает и размещает на рынке принципиально новый для него продукт, а затем предпринимает комплекс мероприятий по формированию спроса на него.

Часто покупатель готов принять участие как в разработке идей по совершенствованию товара (в форме сотворчества), так и в производстве товара (сопроизводстве — выполнении ряда функций в процессе производства или сервис-

ного обслуживания покупаемого товара) для своих нужд, если видит в этом выгоду для себя. В некоторых случаях покупатель готов финансировать проект создания интересной ему инновации. Вследствие распространения этих процессов сформирована научно-практическая область, получившая название концепции совместного создания ценности. Исследованиям в данной области посвящен целый ряд работ зарубежных и отечественных авторов. Однако в настоящее время инструментами методологии совместного создания ценности пользуется небольшой круг передовых высокотехнологичных компаний даже в индустриально развитых странах.

Методики разработки инноваций, основанные на стратегии *Technology Pull* (например, методика структурирования функции качества, СФК), не учитывают возможностей сотворчества и сопроизводства со стороны покупателя. В России в большинстве компаний не знают о существовании методологии совместного создания ценности и не используют ее инструментов для повышения конкурентоспособности своих инноваций. С учетом этого исследование авторов, направленное на совершенствование методики разработки инноваций на базе инструментария структурирования качества (*Quality Function Development, QFD*), становится все более актуальным.

1. Методология совместного создания ценности при разработке инноваций

Совместное создание ценности с потребителями — это процесс разработки, производства товара или услуги, в котором клиент выполняет активную роль, формируя предложение или даже создавая продукт самостоятельно, исходя из собственных потребностей, предпочтений, целей и задач. Впервые концепция совместного создания ценности предложена в 2000 г. К. Прахаладом и В. Рамасвами [1]. Такие исследователи, как Х. Ловелок и Р. Янг, предложили фирмам использовать знания потребителей для повышения продуктивности компании [2]. Еще до введения в международную практику термина «совместное создание ценности» Дж. Сонг Дж. и С. Адамс изучали процесс вовлеченности потребителя в совместное производство и выявили, что совместные разработки потребителя и производителя дают компаниям возможность дифференцировать выпускаемый продукт [3]. Концепция активно вошла в менеджмент, многие исследователи стали изучать ее с различных точек зрения. К. Прахалад и В. Рамасвами определяли рассматриваемый термин как процесс создания ценности, в котором продавцы и потребители взаимодействуют для обмена зна-

ниями и ресурсами с целью создания ценности [1]. Кроме того, данный процесс может быть определен и как совместная деятельность по разработке инноваций при активном участии потребителей.

Несмотря на широкий спектр подходов, все авторы подчеркивают создание новой ценности при взаимодействии потребителя и разработчика в рамках данной концепции. Ценность для потребителя при этом определяется как приобретение уникального опыта [1]. Потребитель не только получает выгоду от создания товара, адаптированного под его собственные потребности и желания, но и испытывает эмоциональную радость от участия в процессе. Производитель же приобретает новые знания о потребителе, что дает возможность фирме быть более клиентоориентированной, а значит, выпускать товары, обладающие наибольшей ценностью для покупателя, что позволяет увеличивать продажи и повышать финансовые выгоды. Такая концепция обычно не подразумевает создание радикальной инновации. Часто компания использует клиентов для доработки или модернизации существующих товаров, поскольку лишь потребители знают все тонкости использования продукта.

Цель совместного творчества — совершенствование процесса создания и использования организационных знаний через вовлечение клиента в создание ценности продукта. Совместное создание размывает фактические границы компании путем привлечения инноваций и создание ценности для клиента. Возможность участия в совместных разработках трансформирует клиента в активного партнера компании, помогающего формировать будущую стоимость товара. Эта взаимосвязь влияет как на потребителей, так и на компании. Клиенты все чаще становятся владельцами основных средств компании — знаний. Для фирмы вовлечение потребителей в стоимостную цепочку приводит к размыванию границ между процессом научных разработок и исследованием рынка. Итак, методология совместного создания ценности становится новой успешной вехой в развитии теории инноваций. Происходит существенное изменение роли потребителя. Теперь покупатель может влиять на процесс производства: он выступает в роли соразработчика и даже сопроизводителя нового продукта. От участия в процессе получают выгоды обе стороны.

Выделим несколько уровней вовлечения потребителей в процесс совместного создания ценности (англ. — *co-creation*) или совместного производства (англ. — *co-production*) [4]. Первый уровень — самообслуживание, когда часть производственного процесса передается потребителю, который положительно расцени-

вает такой шаг (например, клиент из предоставленных блоков и узлов собирает желаемую конфигурацию компьютера). Одним из лучших примеров в области разработки и производства мебели выступает шведская компания ИКЕА. Многие новые модели мебели предложены покупателями. Фирма активно продвигает идею самообслуживания, самостоятельной доставки, самостоятельной сборки мебели и т. д. Второй уровень — самостоятельный выбор потребителем опций, предусмотренных производителем для решения определенной проблемы (например, выбор опций покупателем легкового автомобиля или колл-центр крупного банка, где потребители работают с автоматизированной системой). Третий уровень — участие потребителя в создании (разработке) продукта (например, непосредственный заказ опций (параметров), необходимых потребителю или адаптация предоставляемой услуги в режиме реального времени). Наиболее полно данный уровень реализован в методике под названием «Структурирование функции качества» (Quality Function Deployment, QFD) [5].

Для привлечения потребителя к разработке инноваций используется краудсорсинг. Считается, что термин «краудсорсинг» впервые использован Джеффом Хауи в статье *The Rise of Crowdsourcing* для журнала *Wired* в 2006 г. Е. Коган пишет о том, что «краудсорсинг — технология, позволяющая найти точки соприкосновения с широким кругом представителей внешней аудитории, не имеющей прямого отношения к деятельности субъекта» [6]. О. Лапшова в своей статье трактует понятие «краудсорсинг» как «вовлечение из социума, из массы людей в совместную работу тех, кому это интересно, и кто хочет проявить себя» [7].

От аутсорсинга краудсорсинг отличается тем, что в первом случае приглашаются к совместной работе профессионалы, а во втором — любители. Аутсорсинг предполагает наличие договоров и обязанностей, а краудсорсинг построен на добровольном участии и возможности поощрения. Существуют разные точки зрения. Согласно одной из них, «краудсорсинг — это привлечение к решению той или иной проблемы мнений самых разных людей; далее эти мнения анализируются, выбираются наиболее значимые и на их основе принимается решение. Краудсорсинг опирается на инициативу и интеллект сотен, тысяч, а иногда и сотен тысяч участников. При краудсорсинге можно не только вовлечь в этот процесс тысячи человек, но и создать «коллективный разум» национального масштаба. Результатами мозгового штурма «сетевой толпы» могут стать, к примеру, дизайнерские решения для футболок, способы сокращения бюджета, слоган для новой марки пива, решение сложной

математической задачи» [7]. Одним из примеров краудсорсинга является «Википедия». Краудсорсинг не требует больших затрат и может использоваться для развития разного рода бизнес-процессов.

2. Модификация методики структурирования функции качества для разработки инноваций, основанных на сопроизводстве

Рассмотрим предложения авторов по модификации важнейшего инструмента совместного создания ценности — методики структурирования функции качества (СФК; Quality Function Deployment, QFD). Авторский вариант предлагается для разработки инноваций, основанных на сопроизводстве. Однако классическая методика структурирования функции качества не учитывает, что определенные функции по производству и сервисному обслуживанию нового товара клиенту выгоднее взять на себя в целях экономии или удовлетворения своих творческих потенций. Особенно эта тяга к сопроизводству из соображений экономии ярко выражена на рынке B2B.

Метод структурирования функции качества или развертывание функции качества разработан японскими профессорами Йоджи Акао и Шигеру Мицуно в конце 1960-х гг. для создания продукта с учетом покупательских предпочтений [5]. Впервые данный метод применен на судостроительных верфях японской фирмы *Mitsubishi*, затем он получил широкое применение в автомобильной компании «Тойота». Сегодня методология СФК используется во многих странах, позволяя в разы сокращать длительность цикла разработки продукта и принятия его рынком [8].

Метод СФК помогает организации сосредоточить внимание на важнейших характеристиках продукции или услуг с точки зрения клиента, создать инновационный конкурентоспособный продукт. Сердцевину методологии QFD составляет идея отображения друг на друга двух доменов: детализированных потребностей потребителя и технических характеристик будущего или существующего продукта. Для получения необходимой информации о потребностях служит исследовательская часть QFD, известная как «Голос Потребителя» (*Voice of the Customer, VoC*), т. е. структурированный в виде иерархии, полный (необходимый и достаточный) набор потребностей потребителя, изложенных его языком и взвешенных по шкале ценности для потребителя. Получив результаты исследования под названием «Голос потребителя», можно переходить к следующему, основному этапу QFD — заполнению так называемого Дома Качества. Основное сред-

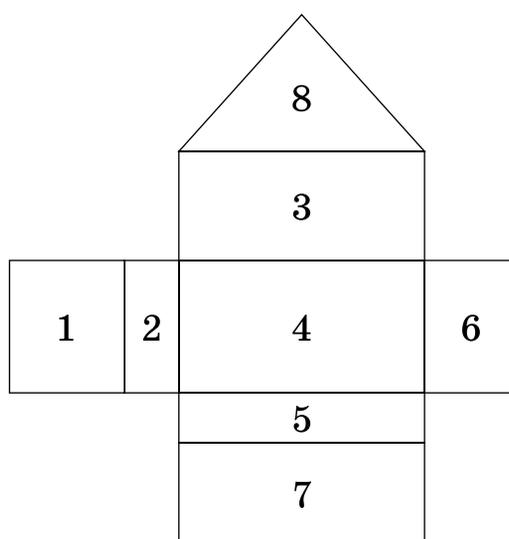

Рис. 1. Дом Качества

ство визуализации в QFD получило название «Дом Качества» из-за внешнего сходства с детским рисунком, как показано на рисунке 1.

В развитие этой метафоры различные матрицы и разделы представленного рисунка часто называют «комнатами», а треугольную корреляционную матрицу наверху — «крышей» дома. На рисунке 1 дан общий вид с наиболее типичными разделами [9]:

1. Список потребностей.
2. Вес (рейтинги) потребностей.
3. Список технических характеристик продукта, удовлетворяющих потребности.
4. Реляционная матрица.
5. Вес (рейтинги) технических характеристик.
6. Таблица потребительского бенчмаркинга.
7. Таблица технического бенчмаркинга.
8. Корреляционная матрица для технических характеристик.

Основная функция такого рисунка — трансляция атрибутов потребительского качества в измеримые технические характеристики продукта, т. е. все строки центральной реляционной матрицы отвечают на вопрос «Что нужно потребителю?», а все столбцы — на вопрос «Как эту совокупность потребностей будет удовлетворять производитель?». Методика позволяет определить, в совершенствовании каких технических параметров изделия необходимо в первую очередь инвестировать средства, чтобы потребности клиента были удовлетворены в полной мере.

Таким образом, структурирование функции качества представляет собой метод, ориентированный на создание инновационной конкурентоспособной продукции на основе желаний и запросов покупателей. Цель этого метода — создание и обеспечение на протяжении жизненного цикла продукта такого качества, которое бы удовлетворяло эти потребности. Методоло-

гия совместного создания ценности, по мнению авторов статьи, требует внести в методику СФК определенные изменения, которые должны коснуться первой части методики — голоса потребителя. Классический вариант СФК исходит из того, что основные работы, связанные с удовлетворением потребности покупателя определенного товара (услуги), должна выполнить фирма-производитель. Классический вариант слабо ориентирован на то, что тот или иной покупатель самостоятельно выбирает опции, связанные с товаром. В предлагаемой модификации метода СФК предполагаемые покупатели нового продукта сразу делятся на три группы:

- 1) клиент, сверхчувствительный к обслуживанию — клиент, ориентированный исключительно на усилия фирмы продавца определенного товара по удовлетворению его потребности;
- 2) клиент, который готов взять на себя небольшую часть работ, связанных с производством и сервисным обслуживанием нового товара, предлагаемого фирмой-производителем;
- 3) клиент, который готов взять на себя значительную часть работ, связанных с производством и сервисным обслуживанием нового товара, предлагаемого фирмой-производителем.

Другими словами, предполагается три сегмента покупателей в зависимости от участия клиента в сопроизводстве товара:

- 1) высокая степень участия фирмы в производстве товара и практически полное отсутствие участия покупателя;
- 2) значительное участие фирмы в производстве товара и малое участие покупателя;
- 3) значительное участие фирмы в производстве товара и значительное участие покупателя.

Выявление этих сегментов возможно с помощью интернет-опросов и классических

Модификация комнат Дома Качества

Базовые функции (показатели) товара	Параметры назначения	Коэффициенты значимости
	Параметры надежности	
	Параметры эргономичности	
	Параметры экологичности	
	Параметры эстетичности	
Дополнительные опции по товару	Опция 1	
	Опция 2	

	Опция n	
Функции предпродажного сервиса (готовность покупателя взять на себя — да/нет)	Функция 1	
	Функция 2	

	Функция n	
Функции послепродажного сервиса (готовность покупателя взять на себя — да/нет)	Функция 1	
	Функция 2	

	Функция n	

фокус-групп. Для первого сегмента применяется классическая методика СФК. Для второго и третьего сегментов в методе СФК должны быть произведены следующие преобразования. Так, первая и вторая комнаты в Доме Качества должны приобрести следующий вид в соответствии с таблицей 1.

В комнатах потребительского бенчмаркинга идеальная модель товара должна формироваться с учетом требуемых для сегмента дополнительных опций и функций сервисного обслуживания (с учетом готовности покупателя брать функции на себя). В комнатах технического бенчмаркинга должны появиться технические параметры, связанные с удовлетворением покупателя по дополнительным опциям, выбранным клиентами, а также сервисным функциям. По мнению авторов, можно составлять дома качества под каждую дополнительную опцию, которую выберут клиенты и, соответственно, сервисную функцию. Следует обратить внимание на тот факт, что во второй реляционной матрице исчезнут технологические процессы, которые клиент будет готов взять на себя.

Возможности заполнения первой и второй комнат в Доме Качества предоставляет такой инструмент, как цифровой двойник нового товара/технологии. Цифровым двойником называют виртуальный прототип разработанного нового изделия, группы изделий или технологического процесса, суть которого заключается в сборе и повторном использовании цифровой

информации. При этом цифровой двойник не ограничивается сбором данных, полученных на стадии разработки и изготовления продукта. Он продолжает их агрегировать в течение жизненного цикла объекта. Это могут быть данные о состоянии изделия, показатели датчиков, история операций, заводская (as-build) и сервисная (as-maintained) конфигурация, версия программного обеспечения и многое другое. Цифровой двойник хранит всю историю рабочих данных. Это дает дополнительные возможности для технического обслуживания и позволяет увидеть картину целиком. Цифровые двойники, бесспорно, стали очень полезным инструментом, с учетом которого совершенствуются операции технического обслуживания и упрощается техническая поддержка изделия, происходит экономия денежных средств, уменьшается число сбоев и продлевается срок службы оборудования.

Возникает вопрос о том, что может дать цифровой двойник для разработки инновации на принципах сотворчества и сопроизводства. Создав виртуальную, цифровую копию инновации, разработчик должен предложить ее потенциальному (реальному покупателю). Цифровая копия позволяет потребителю в деталях представить процесс производства (рынок B2B) и эксплуатации инновации. После получения исчерпывающей информации о будущей инновации покупатель способен вести обстоятельный разговор о своих инди-

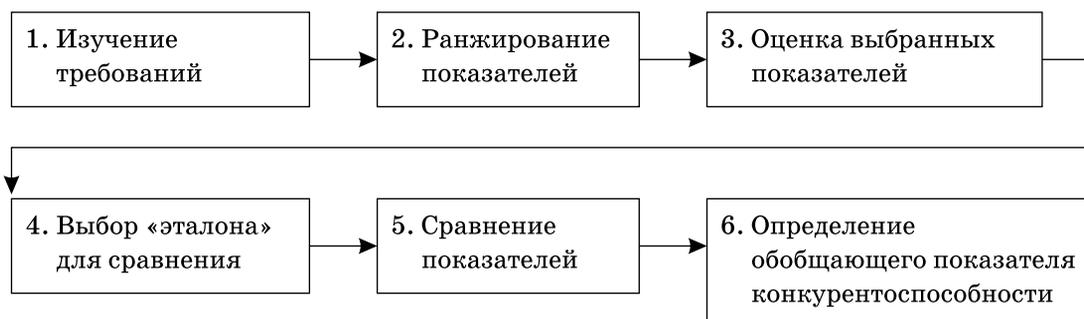

Рис. 2. Этапы определения показателей CSI и конкурентоспособности

видуальных требованиях к новому продукту, выдвигать идеи по совершенствованию базовой инновации, принимать решения об участии в производстве нового продукта и выполнении сервисных функций.

Приведем пример из собственной практики, свидетельствующий о том, как облегчил цифровой двойник создание инновации ввиду запросов клиента. Разработчик (фирма X) создал новую технологию производства усовершенствованного датчика для лифтового оборудования. Авторами статьи рекомендовано для успешности продвижения инновации на рынке создать цифрового двойника технологии. За счет собственных средств фирмы X цифровой двойник технологии был создан. Компания-разработчик вышла с предложением о приобретении данной технологии к фирме У (производителю лифтового оборудования). Потенциальному покупателю был представлен цифровой двойник продаваемой технологии. Фирма У детально изучила цифрового двойника, затем начались переговоры о доработке технологии под условия и требования заказчика. Результатом этих переговоров стали следующие решения:

1. Найдена оптимальная компоновка технологии, чтобы вписать ее в имеющееся у заказчика помещение.
2. Заказчик попросил немного изменить технологию, чтобы использовать имеющуюся у него технологическую оснастку (тестеры для контроля качества датчиков). Сотворчество.
3. Принято решение о том, что некоторые блоки и узлы для датчиков заказчик будет производить самостоятельно на имеющемся оборудовании. Сопроизводство.
4. Заказчиком предложено оригинальное решение по усовершенствованию процесса упаковки датчиков (это связано с тем, что датчики шли не на продажу, а в качестве комплектующего изделия для производимого заказчиком лифтового оборудования). Сотворчество.
5. Распределена ответственность за сервисные услуги по обслуживанию продаваемой тех-

нологии. Ответственность за ремонт некоторых видов оборудования заказчик взял на себя. Сопроизводство.

В итоге создан новый цифровой двойник технологии с учетом всех пожеланий фирмы-заказчика. Данный вариант проанализирован заказчиком, а после этого подписан контракт на продажу технологии. Заказчик получил технологию, которая в наибольшей степени учитывала его условия и особенности. Покупателю удалось сэкономить за счет элементов сопроизводства. Он реально выступил как со-разработчик покупаемой технологии. Работа с цифровым двойником (роль тренажера) позволила быстро обучить кадры покупателя, внедрение новой технологии прошло быстрее, что предоставило дополнительные экономические выгоды. Разработчик инновации получил надежного клиента, подписавшего долгосрочный контракт, и обеспечил фирме доход на многие годы. В дальнейшем фирма-разработчик использовала цифрового двойника при продаже технологии другим клиентам и на иных рынках. Таким образом, предложение авторов статьи состоит в том, что для составления Дома Качества уместно применять цифровой двойник разрабатываемой инновации. Кроме того, предлагаем дополнить классическую методику СФК расчетами показателей степени удовлетворения (Индекс удовлетворения потребности покупателя, Customer Satisfaction Index, CSI) и конкурентоспособности нового товара (К). Охарактеризуем кратко механизм расчета этих показателей.

Расчет показателя CSI и конкурентоспособности инновации производится в ходе нескольких этапов, что отражено на рисунке 2. Параметры для определения конкурентоспособности инновации отбираются методом Дельфи, т. е. при помощи многоступенчатого анкетного опроса группы покупателей-экспертов, которые установили значения данных параметров для идеальной модели. В целях определения значимости этих параметров для потребителя производится опрос среди потенциальных заказчиков. Далее необходимо сравнить значения

параметров идеальной модели с параметрами разрабатываемой инновации. Значения параметров переводим в единичные показатели: качественные характеристики приводятся к 1 или 2 (лучший и худший вариант соответственно). Подобное упрощение в модели допускается по причине достаточной простоты и схожести качественных параметров по исследуемым вариантам товара. Для количественных параметров рассчитываются единичные показатели конкурентоспособности (q) как отношение величины i -го параметра для анализируемого товара (P) к величине i -го параметра идеальной модели (P_{i0}):

$$q_i = \frac{P_i}{P_{i0}} \times 100\%; \quad (1)$$

$$q_i = \frac{P_{i0}}{P_i} \times 100\%. \quad (2)$$

Из формул (1) и (2) выбирается та, согласно которой рост показателя соответствует тенденции улучшения параметра. Затем определяются групповые показатели (индексы I_{mn}), характеризующие соответствие товара потребности в нем (CSI) по нашей инновации и наиболее опасному конкуренту:

$$CSI = I_{mn} = \sum_{i=1}^n a_i q_i, \quad (3)$$

где n — число технических параметров, участвующих в оценке;

a_i — вес i -го параметра в общей совокупности;

q_i — значение показателя по i -му параметру;

I_{mn} — групповой показатель CSI.

Данный показатель в процентном соотношении указывает, в какой степени наш товар (конкурент) отвечает запросам покупателя данного сегмента рынка. Далее выбираем тот товар среди конкурентов, значение (I_{mn}) CSI у которого наивысшее, и рассчитываем уровень конкурентоспособности (K):

$$K = \frac{I_{mn}(1)}{I_{mn}(2)}, \quad (4)$$

где $I_{mn}(1)$ — CSI нашего товара;

$I_{mn}(2)$ — CSI товара конкурента.

Приведенные выше изменения позволят разрабатывать конкурентоспособные инновации методом СФК с учетом принципов концепции совместного создания ценности в части сопроизводства товара потребителем. С внедрением концепции совместного создания ценности и механизмов разработки клиентоориентированных инноваций модификации подлежит и основной организационный механизм создания

конкурентоспособных инноваций — бригады маркетингового действия. Для совершенствования системы координации деятельности сферы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), маркетинговой службы много лет используется такой инструмент управления, как «бригада маркетингового действия» [10], являющийся развитием матричной структуры управления фирмой и направленный на то, чтобы разработки фирмы были в максимальной степени ориентированы на потребности рынка.

Бригада маркетингового действия (БМД) — это группа сотрудников, принимающая решения, а не группа людей, собирающих и анализирующих данные, на основании которых решения могут быть сделаны другими. Это группа, занимающаяся управлением процессом по созданию нового товара и его продвижению на рынке, подчиненная руководителю фирмы. В традиционную БМД как группу управления входят три человека: главный разработчик товара; лицо, ответственное за маркетинг данного товара; представитель финансовой службы, компетентный в вопросах оценки эффективности инвестиционных проектов, оценке издержек производства, ценообразовании. Данная группа может привлекать к работе необходимое количество сотрудников, но все решения принимает сама. Задача БМД — обеспечение постоянного притока новых концепций продукта. В дополнение к тому, что испытание концепции ориентирует разработчиков на учет требований рынка в товаре, оно реализует и иные важные функции.

Во-первых, подготовка концепции к испытанию заставляет БМД более тщательно формулировать параметры товара. Требования по подготовке концепции для рыночного испытания вынуждают БМД доработать нечетко сформулированную концепцию, в очередной раз убедиться, что концепция нового блага действительно существует. Во-вторых, испытание концепции может послужить оценке будущей стоимости продукта. Показывая концепцию широкому кругу потенциальных пользователей, БМД получает немало дополнительной полезной информации. Например, анализируя отзывы на концепцию разных категорий покупателей, можно выявить специфические покупательские сегменты рынка в отношении данного товара, а также обнаружить новые области применения продукта, получить представление о размере потребности и сведения о мотивах приобретения товара. Эта информация поможет правильно оценить издержки производства, рыночную цену товара, издержки по продвижению товара на рынке, совокупные затраты на товарный проект. В-третьих,

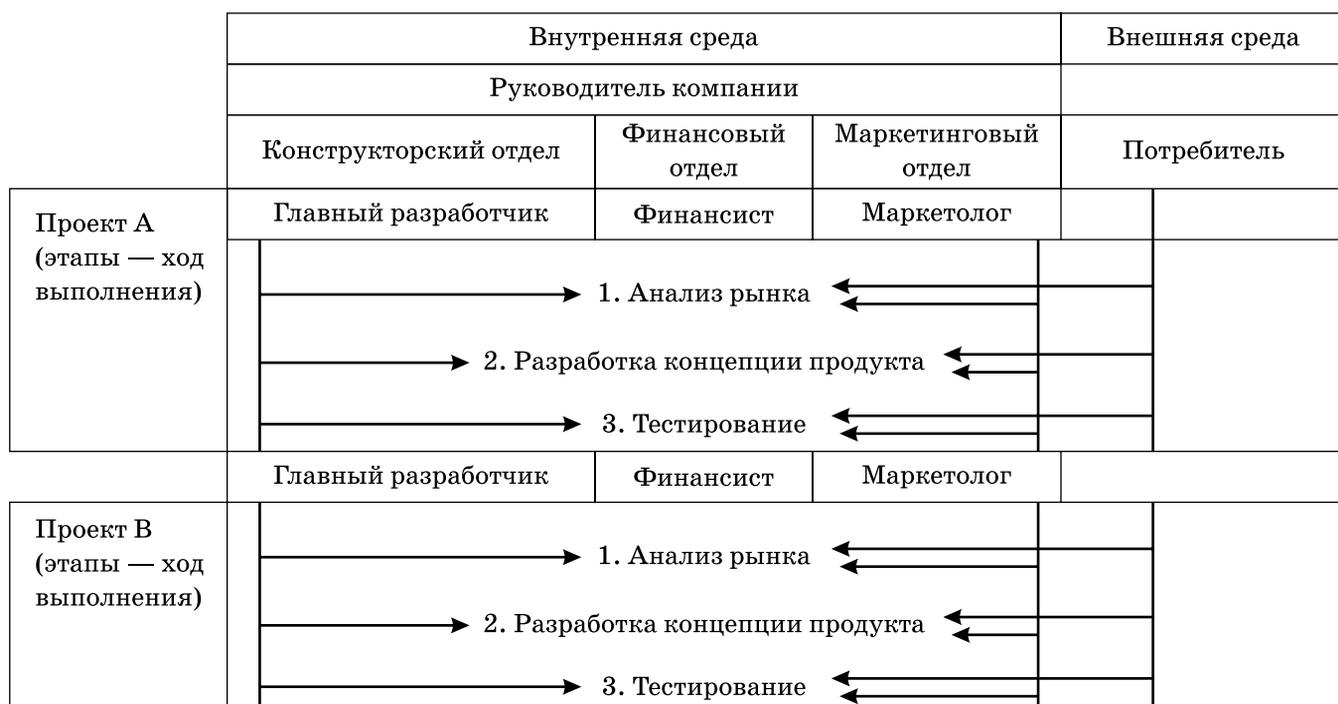

Рис. 3. Схема работы бригады маркетингового действия

испытание концепции позволяет иногда синтезировать новые концепции, ввиду которых также можно разработать конкурентоспособный товар. В-четвертых, в ходе испытания концепции нередко рождаются идеи марочного названия товара, его рекламы и форм стимулирования сбыта. Вследствие анализа рыночных потребностей и формирования концепции товара разрабатывается матрица «потребность-благо». Матрица «потребность-благо» — это таблица. По горизонтали (сверху) указываются выявленные потребности рынка, по вертикали (внизу) — продукты, которые могут быть предложены фирмой на основе имеющейся технологии. Каждый продукт, внесенный в таблицу, должен иметь протестированную концепцию. В матрице определенным знаком обозначается продукт и соответствующая потребность, которую он может удовлетворить.

На современном этапе становится очевидным, что в состав БМД должен входить потенциальный потребитель нового продукта. Особенно это очевидно для рынка B2B. Представитель заказчика не может не участвовать в процессе разработки и создания нового продукта на всех стадиях цикла. На рисунке 3 приведена принципиальная блок-схема функционирования БМД с учетом введения в состав БМД потребителя (представителя заказчика). К работе БМД могут временно привлекаться представители ряда поставщиков. В комплексе такая структура БМД дает значительный синергетический эффект от кооперации в системе «поставщик — производитель-разработчик — конечный покупатель».

Заключение

Итак, по итогам рассмотрения вопроса о совершенствовании методики структурирования качества при разработке инноваций с учетом принципов методологии совместного создания ценности можно сделать ряд выводов:

- классическая методика структурирования функции качества не учитывала готовности заказчика брать определенные функции по производству и сервисному обслуживанию нового товара на себя; авторами предложено поменять структуру комнат 1 и 2 Дома Качества, чтобы учесть выбираемые клиентом дополнительные опции по товару и функции производства, а также сервисного обслуживания, которые заказчик готов взять на себя;

- авторами рекомендовано использовать в процессе структурирования функции качества цифрового двойника разрабатываемой инновации (товара, технологии); целесообразность его использования подтверждена примером из практического опыта одного из авторов;

- при разработке комнат технического бенчмаркинга по инновации авторами предложен расчет конкурентоспособности на базе такого показателя, как Индекс удовлетворения потребности покупателя (*Customer Satisfaction Index, CSI*); классический вариант методики структурирования функции качества свидетельствует о степени превосходства/отставания разрабатываемой инновации от имеющихся прототипов по нескольким параметрам; расчет показателя CSI позволяет судить о том, в какой степени разрабатываемая инновация соответствует идеалу

покупателя, а также дает представление о степени превосходства/отставания разрабатываемой инновации от имеющихся прототипов в целом;

— предложена модификация организационной структуры, которая должна заниматься разработкой конкурентоспособной инновации на базе методологии совместного создания ценности; в дополнение к ролевым позициям разработчика, финансового аналитика, маркетолога

в состав группы вводится представитель заказчика (покупатель инновации); предполагается привлечение к работе группы представителей поставщиков, с которыми заключены долгосрочные контракты. В комплексе такая организационная структура дает значительный синергетический эффект от кооперации в системе «поставщик — производитель-разработчик — конечный покупатель».

Литература

1. Prahalad C., Ramaswamy V. Co-creating Unique Value With Customers // *Strategy & Leadership*. 2004. Vol. 32, no. 3. P. 4–9. <https://doi.org/10.1108/10878570410699249>.
2. Lovelock C. H., Young R. F. Look to Consumers to Increase Productivity // *Harvard Business Review*. 1979. Vol. 57, no. 3. P. 168–178.
3. Song J. H., Adams C. R. Differentiation Through Customer Involvement in Production or Delivery // *Journal of Consumer Marketing*. 1993. Vol. 10, no. 2. P. 4–12. <https://doi.org/10.1108/07363769310039085>.
4. Payne A. F., Storbacka K., Frow P. Managing The Co-creation of Value // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2008. Vol. 36, no. 1. P. 83–96. <https://doi.org/10.1007/s11747-007-0070-0>.
5. Kogure M., Akao Y. Quality Function Deployment and Company Wide Quality Control in Japan: a Strategy for Assuring That Quality is Built into Products // *Quality Progress*. October. 1983. P. 26–32.
6. Коган Е. Краудсорсинг как фактор репутации // *Проблемы теории и практики управления*. 2012. № 1. С. 90–94.
7. Лапшова О. А. Краудсорсинг бизнес-процессов – одна из стратегий современной концепции маркетинга // *Проблемы экономики и менеджмента*. 2012. № 4 (8). С. 53–56.
8. Perrin R. *Real World Project Management: Beyond Conventional Wisdom, Best Practices and Project Methodologies*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc., 2008. 480 p.
9. *Маркетинг инноваций: учебник и практикум для академического бакалавриата* / под общ. ред. Н. Н. Молчанова. М.: Юрайт, 2017. 528 с.
10. Hanan M. *Effective Coordination of Marketing with Research and Development*. L., 1995. P. 45–56.

References

1. Prahalad C., Ramaswamy V. Co-creating unique value with customers. *Strategy & Leadership*, 2004, vol. 32, no. 3, pp. 4–9. DOI: 10.1108/10878570410699249.
2. Lovelock C. H., Young R. F. Look to consumers to increase productivity. *Harvard Business Review*, 1979, vol. 57, no. 3, pp. 168–178.
3. Song J. H., Adams C. R. Differentiation through customer involvement in production or delivery. *Journal of Consumer Marketing*, 1993, vol. 10, no. 2, pp. 4–12. DOI: 10.1108/07363769310039085.
4. Payne A. F., Storbacka K., Frow P. Managing the co-creation of value. *Journal of the Academy of Marketing Science*, 2008, vol. 36, no. 1, pp. 83–96. DOI: 10.1007/s11747-007-0070-0.
5. Kogure M., Akao Y. Quality function deployment and company wide quality control in Japan: A strategy for assuring that quality is built into products. *Quality Progress*, 1983, October, pp. 26–32.
6. Kogan E. Kraudsorsing kak faktor reputatsii [Crowdsourcing as a reputation factor]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 2012, no. 1, pp. 90–94.
7. Lapshova O. A. Kraudsorsing biznes-protsessov – odna iz strategiy sovremennoy kontseptsii marketinga [Business process crowdsourcing is one of the strategies of the modern marketing concept]. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta*, 2012, no. 4 (8), pp. 53–56.
8. Perrin R. *Real world project management: Beyond conventional wisdom, best practices and project methodologies*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc., 2008. 480 p.
9. Molchanov N. N., ed. *Marketing innovatsiy: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata* [Innovation marketing: A textbook and workshop for academic undergraduate]. Moscow: Urait Publ., 2017. 528 p.
10. Hanan M. Effective coordination of marketing with research and development. In: Buell V., ed. *Handbook of modern marketing*. N.Y.: McGraw-Hill Book Co., 1995, pp. 45–56.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДИКИ СБАЛАНСИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРИ РАЗРАБОТКЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АНТИТЕНЕВОЙ ПОЛИТИКИ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-74-82

УДК 338.532

Головко Мария Владимировна

заместитель руководителя по научной работе Волгодонского инженерно-технического института — филиала Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»,

кандидат экономических наук, доцент

347360, Ростовская область, г. Волгодонск, ул. Ленина, д. 73/94, e-mail: golovko178@mail.ru

Исследование направлено на изучение возможностей использования методики сбалансированной системы показателей для выработки мер противодействия теневой экономике и коррупции с учетом их системного и междисциплинарного характера.

Цель. Обосновать эффективность применения модели сбалансированной системы показателей для разработки государственной политики противодействия теневой экономике и коррупции.

Задачи. Определить и описать системный характер теневой экономики как объекта исследования, не допускающий аспектности мер противодействия. Предложить алгоритм разработки государственной политики противодействия по методике сбалансированной системы показателей, осуществив постановку цели, задач и методов воздействия. Выявить основные проекции системы, объекты мониторинга и субъекты контроля. Рекомендовать направления работы с информационной базой, полученной по итогам мониторинга, необходимые для обеспечения безопасности институциональной среды.

Методология. В исследовании использована методология системного и институционального подходов к изучению экономических явлений и процессов, а также методы системного анализа и моделирования.

Результаты. Установлено, что главным фактором развития теневого сектора национальной экономики являются угрозы, формируемые институциональной средой. Условия деятельности экономических субъектов, сложившиеся в экономической, политической, социокультурной среде, излишне обременительны для обеспечения рентабельности как ключевой цели бизнеса. Приведен пример алгоритма разработки политики противодействия теневой экономике и коррупции на базе сбалансированной системы показателей. Определено, что основными проекциями являются духовно-нравственная, политическая, социальная и экономическая. Выбор проекций обусловлен сферами возникновения угроз безопасности институциональной среды экономики.

Выводы. Автором предложены направления мониторинга и дальнейшей работы по декомпозиции поставленной цели до уровня оперативной деятельности в аспекте противодействия теневым экономическим транзакциям.

Ключевые слова: теневая экономика, коррупция, безопасность институциональной среды, сбалансированная система показателей, государственная антитеневая политика.

Для цитирования: Головко М. В. Применение методики сбалансированной системы показателей при разработке государственной антитеневой политики // *Экономика и управление*. 2019. № 7 (165). С. 74–82. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-74-82.

APPLICATION OF THE BALANCED SCORECARD METHODOLOGY IN THE DEVELOPMENT OF THE STATE ANTI-SHADOW POLICY

Mariya V. Golovko

Branch of the National Research Nuclear University MEPHI in Volgodonsk

Lenina St. 73/94, Rostov oblast, Volgodonsk, Russian Federation, 347360, e-mail: golovko178@mail.ru

The presented study explores opportunities for using the balanced scorecard methodology in the development of measures to counter the shadow economy and corruption with allowance for their systemic and interdisciplinary nature.

Aim. The study aims to substantiate the efficiency of using the balanced scorecard methodology in the development of a state policy to counter the shadow economy and corruption.

Tasks. The author determines and describes the systemic nature of the shadow economy as the subject of the study, which does not allow for aspectual countermeasures; proposes an algorithm for developing a state policy to counter the shadow economy and corruption using the balanced scorecard meth-

odology, by setting a goal, objectives, and methods of influence; identifies the major projections of the system, objects of monitoring, and subjects of control; recommends focus areas for working with the information base obtained as a result of monitoring, which are crucial for ensuring the security of the institutional environment.

Methods. This study uses the methodology of the systemic and institutional approach to the research of economic phenomena and processes, methods of systems analysis and modeling.

Results. It is established that threats generated by the institutional environment are the main factor in the development of the shadow sector of the national economy. The operational conditions of economic entities, which have developed within the economic, political, and socio-cultural environment, are too burdensome for ensuring profitability as a key business goal. The study provides an example of an algorithm for developing a policy to counter the shadow economy and corruption based on the balanced scorecard. The major identified projections are the spiritual, moral, political, social, and economic projections. The projections are selected in accordance with the areas where threats to the security of the institutional environment emerge.

Conclusion. The author proposes directions for monitoring and further work on decomposing the set goal to the level of operational activities in the aspect of combating shadow economic transactions.

Keywords: *shadow economy, corruption, security of the institutional environment, balanced scorecard, state anti-shadow policy.*

For citation: Golovko M. V. Primenenie metodiki sbalansirovannoy sistemy pokazateley pri razrabotke gosudarstvennoy antitenevoy politiki [Application of the Balanced Scorecard Methodology in the Development of the State Anti-Shadow Policy]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 7 (165), pp. 74–82. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-74-82.

Актуальность проблемы распространения теневых экономических отношений, их проникновение во все сферы жизнедеятельности продолжает нарастать, несмотря на активно декларируемую властью и бизнесом позицию неприятия и интенсивной борьбы со всеми их проявлениями. Преодолению угроз, связанных с распространением теневых экономических отношений, посвящено множество научных и методических работ [1–12], разработаны нормативно-правовые документы и регламенты [13–16], ориентированные на противодействие коррупции. Вместе с тем существующий в настоящее время характер воздействия представляется аспектным, бессистемным и сконцентрированным, как правило, на выявлении осуществленных и планируемых экономических правонарушений, устранении негативных последствий, возмещении вреда и пр.

Практически все исследователи считают, что значительная часть теневого сектора (отнесенная к компенсационной теневой экономике [17], согласно мнению автора статьи) является следствием неэффективной институциональной среды, представляющей собой совокупность условий в экономической, политической и социокультурной среде, необходимых для ведения предпринимательской деятельности. Ряд мероприятий, разработанных в рамках государственной политики в сфере налогообложения, финансов, образования, вопросов миграции, поддержки предпринимательства и т. п., не принесут желаемого эффекта, так как системный характер теневой экономики требует системного воздействия. Например, борьба с экономическими правонарушениями в сфере торговли, заключающаяся в жесто-

чении контроля за предпринимательской деятельностью, не подкрепленная соответствующими мероприятиями по повышению уровня защиты контрактных прав, мероприятиями по адаптации налогового режима к требованиям рациональности и рентабельности бизнеса, по обеспечению транспарентности процедуры закупок, взаимодействия с органами власти, не будет эффективным, в том числе экономически. Это объясняется тем, что требуются значительные расходы государства на обеспечение функционирования механизма принуждения к выполнению мер и ограничений, которые не поддерживаются объектом управления.

Так, Национальный план противодействия коррупции, утвержденный президентом РФ, и методика по оценке уровня национальной коррупции должны быть согласованы с мероприятиями, направленными на формирование безопасной институциональной среды. В этом случае ответы респондентов при оценках уровня проникновения в экономические и социальные процессы коррупции будут максимально достоверными, поскольку и население, и предприниматели станут осознавать значимость опроса для формирования благоприятных условий жизнедеятельности, а не рассматривать его как разовую демонстрационную акцию с целью наказания нарушителей. Выявленный высокий уровень коррупционной составляющей на той или иной территории должен стать триггером для уместных мероприятий не только антикоррупционной направленности, но и ориентированных на стимулирование предпринимательской деятельности в соответствии с национальными приоритетами.

Следует обращать внимание на необходимость обеспечения гибкости и адаптивности методов борьбы с теневой экономикой и коррупцией. Существующие программные документы, концепции, нормативно-правовые акты не могут не синхронизироваться с динамикой институциональной среды, определяющей масштабы распространения теневых экономических отношений. Именно поэтому противодействие должно стать постоянной функцией государства, самостоятельным направлением государственной политики, предполагающей непрерывный мониторинг, анализ и оценку силы воздействия факторов роста, планово-прогностную деятельность, планирование системных антитеневых и антикоррупционных мероприятий на базе междисциплинарного подхода к исследованию сущности и детерминантов теневой экономики [18] в рамках экономической, социальной, культурно-образовательной политики. Такая интеграция ложится в основу особого вида государственной политики — антитеневой. В отличие от направлений, отражающих локальные, отраслевые ориентиры («антитеневая экономическая политика» [19], «государственная антикоррупционная политика» [20], политика «противодействия легализации доходов, полученных незаконным путем» [9] и т. п.), она носит более целостный, системный характер.

Оценка эффективности действий в рамках государственной антитеневой политики может быть произведена с помощью анализа тех же факторов, что и в упомянутых выше видах политики, в аспекте их количественно-качественной динамики. Таким образом, речь идет об управлении противодействием теневой экономики. Цель, государственной антитеневой политики, на наш взгляд, — это формирование условий безопасности институциональной среды, обеспечивающих развитие национальной экономики согласно перспективным тенденциям социально-экономического прогресса и противодействие преступлениям экономической направленности. Для достижения поставленной цели необходимо определить задачи: дифференцировать направления разработки мероприятий по подсистемам проявления деструктивных тенденций в соответствии с методикой сбалансированной системы показателей (далее — ССП) по специфическим проекциям (экономической, политической, социальной и духовно-нравственной), как показано на рисунке 1; провести дальнейшую декомпозицию подсистем; разработать мероприятия для каждого из выделенных уровней; формализовать мероприятия по программно-целевому методу.

Методика сбалансированной системы показателей в последнее время становится очень популярной, что обусловлено эффективностью

получаемых моделей и алгоритмов, ориентированных на достижение поставленной цели [21]. Относительная техническая простота ее построения при наличии необходимой информации с учетом специфики объекта приложения сопровождается высокой сложностью ее восприятия потенциальными участниками разработки и внедрения. Во-первых, в основе ССП находится духовно-нравственная составляющая, представляющая собой идеологический блок мероприятий, нацеленных на реализацию ряда направлений:

- создание идеологии неприятия правонарушений в экономической сфере;
- формирование основ предпринимательской этики и «нравственной» экономики, предполагающих повышение эффективности просветительских, образовательных и других инструментов, ориентированных на стимулирование антитеневых и антикоррупционного поведения граждан, предпринимателей, государственных и муниципальных служащих, рост их взаимного доверия, позволяющего минимизировать расходы на содержание механизма контроля и принуждения соблюдения установленных норм и правил;
- популяризацию в обществе антитеневых и антикоррупционных стандартов и развитие национального правосознания.

Второй уровень ССП — политическая проекция, т. е. сегмент антикоррупционных мероприятий, направленных на обеспечение «рентабельности» деятельности всех государственных служб за счет сокращения численности бюрократического аппарата; устранения коррупционных отношений и роста результативности деятельности представителей власти; повышения эффективной кадровой политики (за счет транспарентности рекрутинга в системе государственного и муниципального управления, пересмотра его методики); контроля деятельности госкорпораций; регулирования конкуренции и др.

Третий уровень ССП — социальная проекция. Обеспечение эффективности развития социальной инфраструктуры формирует условия экономического развития страны. Политика в сфере образования и молодежная политика ориентированы на развитие активной гражданской позиции населения, интеллектуальное развитие нации в соответствии с потребностями экономического роста по инновационному сценарию. В образовательных организациях всех уровней должно формироваться упомянутое выше антикоррупционное и антитеневое правосознание граждан. Благоприятное и эффективное развитие системы здравоохранения, образования, адекватная миграционная и молодежная политика, политика в области доходов создают условия для создания высо-

Рис. 1. Направления государственной антитеневой политики

кого уровня лояльности действующей власти, что положительно влияет на взаимный уровень доверия субъектов управляющей и управляемой подсистем национальной экономической системы.

Четвертый уровень ССП — экономическая проекция. На этом уровне проявляется результат развития составляющих остальных проекций, поскольку экономическое развитие зависит во многом от факторов, определяющих их содержание. Действенность механизмов, разработанных в рамках налоговой, таможенной, денежно-кредитной политики, политики поддержки предпринимательства, определяется общим уровнем развития общества, уровнем взаимного доверия, этикой деловых отношений, интеллектуальным потенциалом нации, прозрачностью системы управления и пр.

Развитие указанных на рисунке 1 сфер общественной деятельности зависит от сложившихся условий, составляющих современную институциональную среду. Она должна обеспечивать безопасность функционирования всех экономических субъектов, которая проявляется в возможности достижения ими по-

ставленной цели с минимально необходимыми затратами ресурсов и без угрозы для существования и развития. По перечисленным направлениям осуществляется сбор информации о правонарушениях, об их причинах, о предметно-объектной специфике, проводится анализ и формируется объемная, достоверная и информативная база принятия управленческих решений в области обеспечения безопасности институциональной среды для минимизации распространения теневых экономических отношений.

В духовно-нравственной проекции цели, указанные в таблице 1, могут быть объединены общим понятием «культура экономической безопасности». В авторской трактовке — это совокупность ценностных ориентиров, составляющих общий вектор развития экономической системы, направленных на поддержание ее эффективности, безопасности путем обеспечения индивидуальной и солидарной ответственности за результаты развития и функционирования экономики, высокого уровня взаимного доверия между субъектами экономических отношений, достаточного для осуществления

Цели, задачи, субъекты контроля и мониторинга в системе государственной антитеневой политики

Проекция/ цель	№ п/п	Задачи	Субъекты контроля
Экономическая / безопасность институциональной среды экономики	1	Обеспечение адаптивного приоритетам развития предпринимательства уровня налогообложения	Федеральная налоговая служба России, Федеральная таможенная служба России, Центральный банк России, Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг); федеральные, региональные, местные органы власти, осуществляющие координацию финансово-организационной поддержки предпринимателям
	2	Повышение доступности кредитных ресурсов	
	3	Минимизация уровня инфляции	
	4	Разработка экономически эффективной и целесообразной системы мероприятий по поддержке предпринимательства	
	5	Обеспечение высокого уровня защиты контрактных прав	
Социальная / отсутствие социальной напряженности в стране	6	Контроль законности использования бюджетных средств в сфере здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства, в транспортной отрасли на принципах транспарентности и целевого назначения	Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор), Министерство труда и социальной защиты РФ, Главное управление по вопросам миграции МВД России, Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор)
	7	Обеспечение возможности компромисса между интенсивностью и длительностью рабочего дня, уровнем заработной платы и мониторинг ситуации	
	8	Обеспечение доступности и высокого качества всех видов социальных услуг, жилья	
	9	Контроль уровня реальных доходов населения и обеспечение их роста	
	10	Организация миграционных потоков с учетом направлений развития национальной экономики и международного сотрудничества	
	11	Формирование активной гражданской позиции молодежи как ресурса будущего развития государства	
Управления / эффективное функционирование системы государственного и муниципального управления	12	Контроль и недопущение коррупциогенности законодательства, в том числе в области регулирования деятельности чиновников	Генеральная прокуратура РФ, Федеральная служба безопасности РФ, Следственный комитет РФ, правоохранительные органы, иные государственные органы, органы местного самоуправления
	13	Создание и контроль функционирования транспарентной и эффективной рекрутинговой системы в государственной и муниципальной кадровой политике	
	14	Обеспечение конкурсного порядка предоставления всех видов государственной поддержки предпринимателям и социально незащищенным слоям населения, контроль соблюдения критериев и недопущение патрон-клиентских отношений между сторонами поддержки	
	15	Организация эффективного контроля законности деятельности экономических субъектов, недопущение излишне обременительного контроля, чем это необходимо для достижения его целей	
Духовно-нравственная / высокий уровень культуры экономической безопасности	16	Формирование антитеневого и антикоррупционного сознания в обществе, активной гражданской позиции	Образовательные организации всех уровней, государственные органы, органы местного самоуправления, правоохранительные органы
	17	Обеспечение высокого уровня взаимного доверия бизнеса и власти	
	18	Становление национальной идеологии как системы единых национальных ценностей и приоритетов	

Административные и экономические методы реализации государственной антитеневой политики в сфере экономики

Государственная антитеневая политика		
Экономические методы, направленные на снижение «рентабельности» теневого сектора	Субъекты реализации мер государственной антитеневой политики	Административные методы, направленные на ликвидацию угроз экономической безопасности
Снижение и дифференциация ставок налога; освобождение от уплаты налогов для начинающих предпринимателей; налоговые льготы в приоритетных направлениях бизнеса; устранение административных барьеров для бизнеса	Федеральная налоговая служба России	Выявление, предупреждение нарушений по уплате налогов; дифференцированная система наказания за налоговые преступления; борьба с коррупцией
Упрощение процедуры таможенного оформления для добросовестных участников внешнеэкономической деятельности; устранение административных барьеров; стимулирование вывоза готовой продукции	Федеральная таможенная служба России	Выявление, предупреждение нарушений в сфере таможенного оформления; экспортный контроль; борьба с коррупцией
Создание благоприятных условий для репатриации граждан; эффективная нормативно-правовая основа миграции	Главное управление по вопросам миграции МВД России	Контроль, предупреждение и пресечение нарушений порядка выезда и въезда граждан; контроль законности трудоустройства мигрантов; борьба с коррупцией
Снижение процентной ставки по кредитам; упрощение доступа к кредитным ресурсам; стимулирование использования «длинных» кредитов	Центральный банк России	Проверка кредитных историй клиентов; ужесточение контроля возврата кредитов; предупреждение незаконных финансовых операций, легализации доходов, полученных преступным путем
Органы обеспечения и контроля безопасности институциональной среды и реализации антитеневой политики		
Правительство РФ, Министерство экономического развития РФ, Министерство промышленности и торговли РФ, Министерство финансов РФ, Центральный банк России, государственные органы, органы местного самоуправления	—	Прокуратура РФ, Следственный комитет РФ, Министерство внутренних дел РФ, Федеральная служба безопасности РФ, Федеральная служба по финансовому мониторингу РФ

общественного контроля, сохранения требуемого уровня безопасности и транспарентности хозяйственных процессов [22].

Государственное регулирование всех процессов в обществе, в том числе представленные выше направления противодействия теневой экономике и коррупции, может быть реализовано с использованием методов, условно разделенных на две группы — экономические и административные. Экономические методы (совокупность методов косвенного воздействия, методов стимулирования, а также социально-психологической мотивации к соблюдению принципов экономической этики) в антитеневой политике государства ориентированы на формирование благоприятных (следовательно, безопасных) условий институциональной среды, в которых привлекательность теневых транзакций будет минимальной с точки зрения экономической выгоды. Административные методы должны быть направлены на преодоление угроз национальной экономической безопасности, которые формируются вследствие

активности теневых субъектов из рентоориентированного сектора. К ним относятся методы контроля, предупреждения, пресечения экономических правонарушений и наказания при их обнаружении.

Способы государственного противодействия теневой экономике и коррупции в экономической сфере могут быть дифференцированы в порядке, предложенном в таблице 2, где указаны также основные субъекты их реализации.

Реализация комплексной государственной антитеневой политики должна иметь устойчивую и единую нормативно-правовую основу, опираться на комплекс мероприятий, сформированный по программно-целевому принципу. Упомянутый ранее Национальный план противодействия коррупции может послужить примером разработки методики мониторинга уровня теневой экономики и безопасности институциональной среды как интегративного детерминанта роста ее масштабов. Несмотря на актуальную проблему распространения теневой экономики и ее системный характер, сегодня

ня по-прежнему не существует определенного программного документа и структуры контроля безопасности институциональной среды. В качестве самостоятельного направления выступает противодействие коррупции, но это не способствует выявлению угроз в экономической сфере, приводящих к правонарушениям.

В частности, функционал Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России включает в себя разработку, организацию, проведение оперативных и профилактических мероприятий, участие в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений экономической и коррупционной направленности, в том числе совершенных организованными группами, преступными сообществами (преступными организациями), носящих транснациональный или межрегиональный характер либо вызывающих большой общественный резонанс [23]. Для эффективного противодействия распространению теневых отношений в экономике необходимо активное воздействие на причины их возникновения в обоих секторах теневой экономики: рентоориентированном и компенсационном, что представляется возможным путем постоянного мониторинга и оценки вероятности возникновения угроз безопасности институциональной среды, в том числе с помощью определения уровня доверия предпринимателей органам власти [24], а также степени вовлечения этических принципов в деятельность экономических субъектов.

Особое значение приобретает выявление угроз национальной экономической безопасности, формируемых вследствие распространения теневых и коррупционных трансакций, и создание базы данных выявленных правонарушений для дальнейшего контроля деятельности вовлеченных в них субъектов в случае, если таковая возможна на законных основаниях. Полученную в ходе мониторин-

га информацию целесообразно использовать для выработки приоритетных направлений предупреждения возникновения угроз национальной экономической безопасности, а также для разработки комплекса мероприятий по модернизации нормативно-правовой базы при обнаружении несовершенства, «пробелов», «лазеек», по обеспечению достаточного (безопасного) уровня экономических свобод. Аккумулированная органами власти, их структурными и территориальными подразделениями, а также различными ведомствами и службами в результате мониторинга информация требует объемной аналитической работы, итогом которой становятся сведения о структуре теневых трансакций; динамике нарушений законодательства, отнесенных к теневой экономике и коррупции; типовых и наиболее распространенных теневых сценариях, схемах и алгоритмах; задействованных в теневых трансакциях представителях органов власти («опекунов») и др.

Ревизия установленных направлений, алгоритмов теневых трансакций и их субъектов позволит сформулировать рекомендации по корректировке процесса мониторинга законности экономической деятельности, ранжировать угрозы безопасности институциональной среды и актуализировать направления противодействия. Основопологающим критерием эффективности разработанной по данной методике государственной политики противодействия теневой экономике и коррупции станет достоверная, своевременная, достаточная, дифференцированная по отраслям и сферам жизнедеятельности общества информация. Только в этом случае комплекс мероприятий, построенный по алгоритму сбалансированной системы показателей, станет действенным инструментом обеспечения безопасности институциональной среды и способом преодоления роста масштабов теневого сектора экономики.

Литература

1. Сулакшин С. С. и др. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: монография: в 2 т. Т. 2. М.: Научный эксперт, 2009. 299 с.
2. Нуреев Р. М. Институциональная среда российского бизнеса — эффект колеи // Экономика и институты: сб. тр. IX ежегодной конф. / под ред. А. П. Заостровцева. СПб.: Леонтьевский центр, 2010. С. 25–51.
3. Латов Ю. В. Российская теневая экономика в контексте национальной экономической безопасности // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5, № 1. С. 16–27.
4. Исправников В. О., Куликов В. В. Теневая экономика в России: иной путь и третья сила. М.: Российский экономический журнал, Фонд «За экономическую грамотность», 1997. 192 с.
5. *Soto de Э.* Иной путь: невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy, 1995. 320 с.
6. Eggertsson T. Neoinstitutional Economics // The New Palgrave Dictionary of Economics and the Law. V. 2. L.: Palgrave Macmillan, 1997. P. 665–671.
7. Фролов Д. Анализ теневой экономики: институциональный подход // Экономист. 2008. № 9. С. 65–71.
8. Харт К. Неформальные доходы и городская занятость в Гане // Неформальная экономика: Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 532–536.

9. Смирнов А. А. Государственная политика обеспечения экономической безопасности. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. 183 с.
10. Плотников В. А., Феодоритов В. Я. Интегральная качественная оценка уровня безопасности экономических систем // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2003. № 1 (33). С. 34–49.
11. Плотников В. А. Инновационная активность российских промышленных предприятий как фактор экономической безопасности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2012. № 13 (132). С. 5–10.
12. Бочуров А. А., Курбанов А. Х., Литвиненко А. Н. Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта обеспечения экономической безопасности оборонно-промышленного комплекса // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 3 (111). С. 99–106.
13. Концепция национальной стратегии противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [Электронный ресурс]: утв. Президентом РФ 11 июня 2005 г. № Пр-984. URL: <https://textarchive.ru/c-2668808.html> (дата обращения: 15.05.2019).
14. О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (основных положений) [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 29 апр. 1996 г. № 608. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/9261> (дата обращения: 15.05.2019).
15. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 15.05.2019).
16. Разработка системы индексов, отражающих показатели доверия граждан к профессиональной служебной деятельности служащих правоохранительной службы и методики их расчета [Электронный ресурс]: итоговый отчет по научно-исследовательской работе. URL: <https://pandia.ru/text/78/352/4373.php> (дата обращения: 14.05.2019).
17. Головкин М. В. Развитие культуры экономической безопасности как инструмент борьбы с рен-тоориентированной теневой экономикой // Современность: хозяйственные алгоритмы и практики: сб. ст. / под ред. Ю. М. Осипова, В. Ю. Стримова, Е. С. Зотовой. М.; Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. С. 407–411.
18. Головкин М. В. Институционально-эволюционный подход к исследованию развития национально-экономической системы // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2011. № 4 (17). С. 45–53.
19. Современная экономика / науч. ред. О. Ю. Мамедов. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 410 с.
20. Фалинский И. Ю. Моделирование региональной теневой экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 1 (31). С. 9–13.
21. Каплан Р., Нортон Д. Сбалансированная система показателей: от стратегии к действию. М.: Олимп-Бизнес, 2004. 294 с.
22. Головкин М. В., Плотников В. А. Неэкономические факторы экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15, № 1 (370). С. 35–52. DOI: 10.24891/ni.15.1.35.
23. Положение о Главном управлении экономической безопасности и противодействию коррупции МВД России [Электронный ресурс]. URL: https://mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jekonomicheskoy_bezop/Polozhenie (дата обращения: 30.07.2019).
24. Головкин М. В. Методика мониторинга и оценки уровня доверия предпринимателей органам власти как фактор безопасности институциональной среды // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. Т. 8, № 23 (164). С. 42–49.

References

1. Sulakshin S. S. et al. *Gosudarstvennaya politika protivodeystviya korruptsii i tenevoy ekonomike v Rossii (v 2 t.). T. 2* [State policy to combat corruption and the shadow economy in Russia (in 2 vols.). Vol. 2]. Moscow: Nauchnyy ekspert, 2009. 299 p.
2. Nureev R. M. Institutional'naya sreda rossiyskogo biznesa — effekt kolei [Institutional environment of Russian business — the track effect]. In: *Ekonomika i instituty. Sb. tr. IX ezheg. konf.* [Economics and institutions. Proc. 9th annu. conf.]. St. Petersburg: Leontief Centre, 2010, pp. 25–51.
3. Latov Yu. V. Rossiyskaya tenevaya ekonomika v kontekste natsional'noy ekonomicheskoy bezopasnosti [Russian shadow economy in the context of national economic security]. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, vol. 5, no. 1, pp. 16–27.
4. Ispravnikov V. O., Kulikov V. V. *Tenevaya ekonomika v Rossii: inoy put' i tret'ya sila* [The shadow economy in Russia: A different path and a third force]. Moscow: Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal, Economic Literacy Foundation, 1997. 192 p.
5. De Soto H. *The other path: The invisible revolution in the third world*. N.Y.: Harper & Row Publ., 1989. 271 p. (Russ. ed.: De Soto H. *Inoy put': nevidimaya revolyutsiya v tret'em mire*. Moscow: Catallaxy, 1995. 320 p.).
6. Eggertsson T. Neoinstitutional economics. In: Newman P., ed. *The new Palgrave dictionary of economics and the law. Vol. 2*. London: Palgrave Macmillan, 1997, pp. 665–671.

7. Frolov D. Analiz tenevoy ekonomiki: institutsional'nyy podkhod [Shadow economy analysis: An institutional approach]. *Ekonomist*, 2008, no. 9, pp. 65–71.
8. Hart K. Informal economy opportunities and the urban employment in Ghana. *The Journal of Modern African Studies*, 1973, vol. 11, no. 1, pp. 61–89. (Russ. ed.: Hart K. Neformal'nye dokhody i gorodskaya zanyatost' v Gane. In: Shanin T., ed. *Neformal'naya ekonomika: Rossiya i mir*. Moscow: Logos, 1999, pp. 532–536).
9. Smirnov A. A. *Gosudarstvennaya politika obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti* [State policy for ensuring economic security]. St. Petersburg: SPb. State Univ. of Economics and Finance, 2002. 183 p.
10. Plotnikov V. A., Feodoritov V. Ya. Integral'naya kachestvennaya otsenka urovnya bezopasnosti ekonomicheskikh sistem [Integral qualitative assessment of the security level of economic systems]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov*, 2003, no. 1 (33), pp. 34–49.
11. Plotnikov V. A. Innovatsionnaya aktivnost' rossiyskikh promyshlennykh predpriyatiy kak faktor ekonomicheskoy bezopasnosti [Innovative activity of Russian industrial enterprises as a factor of economic security]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika*, 2012, no. 13 (132), pp. 5–10.
12. Bochurov A. A., Kurbanov A. Kh., Litvinenko A. N. Sravnitel'nyy analiz otechestvennogo i zarubezhnogo opyta obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti oboronno-promyshlennogo kompleksa [Comparative analysis of domestic and foreign experience in ensuring the economic security of the military-industrial complex]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2018, no. 3 (111), pp. 99–106.
13. *The concept of a national strategy to combat the legalization (laundering) of criminally obtained incomes and the financing of terrorism. Approved by Decree of the President of the Russian Federation on June 11, 2005 No. Pr-984*. Available at: <https://textarchive.ru/c-2668808.html>. Accessed 15.05.2019. (in Russ.).
14. *On the State strategy for economic security of the Russian Federation (main provisions). Decree of the President of the Russian Federation of April 29, 1996 No. 608*. Available at: <http://kremmlin.ru/acts/bank/9261>. Accessed 15.05.2019. (in Russ.).
15. *On the economic security Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921>. Accessed 15.05.2019. (in Russ.).
16. *Development of a system of indices reflecting indicators of citizens' confidence in the professional performance of law enforcement officials and methods for calculating them: Final research report*. Available at: <https://pandia.ru/text/78/352/4373.php>. Accessed 15.05.2019. (in Russ.).
17. Golovko M. V. Razvitie kul'tury ekonomicheskoy bezopasnosti kak instrument bor'by s rentoorientirovannoy tenevoy ekonomikoy [The development of a culture of economic security as a tool to combat rent-oriented shadow economy]. In: Osipov Yu. M., Stromov V. Yu., Zotova E. S., eds. *Sovremennost': khozyaystvennye algoritmy i praktiki: Sb. st.* [Modernity: Economic algorithms and practices. Coll. pap.]. Tambov: Derzhavin TSU, 2016, pp. 407–411.
18. Golovko M. V. Institutsional'no-evolyutsionnyy podkhod k issledovaniyu razvitiya natsional'no-ekonomicheskoy sistemy [Institutional-evolutionary approach to the study of the development of the national economic system]. *Nauchnyy vestnik Ural'skoy akademii gosudarstvennoy sluzhby: politologiya, ekonomika, sotsiologiya, pravo*, 2011, no. 4 (17), pp. 45–53.
19. Mamedov O.Yu., ed. *Sovremennaya ekonomika* [Modern economy]. Rostov-on-Don: Phoenix, 2008. 410 p.
20. Falinskiy I. Yu. Modelirovanie regional'noy tenevoy ekonomiki [Modeling of regional shadow economy]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*, 2017, no. 1 (31), pp. 9–13.
21. Kaplan R. S., Norton D. P. *The balanced scorecard: Translating strategy into action*. Boston, MA: Harvard Business School Press, 1996. 336 p. (Russ. ed.: Kaplan R., Norton D. *Sbalansirovannaya sistema pokazateley: Ot strategii k deystviyu*. Moscow: Olymp-Business, 2004. 294 p.).
22. Golovko M. V., Plotnikov V. A. Neekonomicheskie faktory ekonomicheskoy bezopasnosti [Non-economic factors of economic security]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2019, vol. 15, no. 1 (370), pp. 35–52. DOI: 10.24891/ni.15.1.35.
23. *Regulation on the Main Directorate of Economic Security and Anti-Corruption of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Available at: https://mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jekonomicheskoy_bezop/Polozhenie. Accessed 30.07.2019. (in Russ.).
24. Golovko M. V. Metodika monitoringa i otsenki urovnya doveriya predprinimateley organam vlasti kak faktor bezopasnosti institutsional'noy sredy [Methodology for monitoring and assessing the level of confidence of entrepreneurs in government bodies as a factor in the security of the institutional environment]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2012, vol. 8, no. 23 (164), pp. 42–49.

БАНКОВСКИЙ МАРКЕТИНГ: ОСОБЕННОСТИ, НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-83-88

УДК 336.7

Валиев Эльхан Нариман оглы

директор центра «Бизнес-консалтинг», доктор философии по экономике (PhD)
AZ1000, Азербайджан, г. Баку, ул. Низами, д. 102а, e-mail: e.valiyev@yahoo.com

Вейсов Эмин Назим оглы

магистрант Белорусского государственного экономического университета
220070, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Партизанский, д. 26

Значимость темы исследования обусловлена необходимостью развития теории и практики формирования банковского маркетинга, его особенностей и новых тенденций, связанных с данным понятием. Перспективы развития банков, их способность оперативно и эффективно решать новые задачи, которые требует рынок, прослеживаются именно на базе современных форм, методов менеджмента и творческого использования возможностей финансового маркетинга.

Цель. Изучить особенности, принципы, условия и факторы появления, а также перспективы развития банковского маркетинга, форм его управления в современных экономических условиях.

Задачи. Выявить приоритетные тенденции и перспективные направления развития банковского маркетинга в Азербайджане на современном этапе.

Методология. Методологической и теоретической основой послужило применение системного подхода к анализу предмета исследования, концептуальных подходов, изложенных в трудах азербайджанских, российских и зарубежных ученых по вопросам банковского маркетинга. В статье с применением методов раскрыта сущность банковского маркетинга, представлены виды и организация маркетинговых исследований, установлены характерные черты и новые формы, направления развития банковского маркетинга.

Результаты. С помощью общих методов научного познания в различных аспектах выявлены характерные черты, тенденции и новые направления в банковском маркетинге. Обзор научных публикаций показал, что наибольший интерес в научных трудах представляют общие концептуальные подходы применения маркетинга на практике. На наш взгляд, вопросы комплексной организации системы банковского маркетинга, его реализации на основе нововведений по продвижению банковских продуктов и услуг на финансовый рынок, а также обоснования каналов доставки их до потребителей мало исследованы. Поэтому тема нашего исследования представляется актуальной, определяется неизбежностью оптимизации организационной структуры банка посредством комплексной реализации системы маркетинга.

Выводы. Исследованы теоретические и практические вопросы, посвященные банковскому маркетингу. В итоге определена его специфика, отражены характерные черты данного механизма, условия и факторы появления, проанализированы перспективы в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: философия банковского маркетинга, цели и принципы банковского маркетинга, специфические черты банковского маркетинга, развитие банковского маркетинга в условиях цифровой трансформации, экономическое развитие Азербайджана.

Для цитирования: Валиев Э. Н., Вейсов Э. Н. Банковский маркетинг: особенности, новые тенденции и перспективы // Экономика и управление. 2019. № 7 (165). С. 83–88. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-83-88.

BANK MARKETING: FEATURES, NEW TRENDS, AND PROSPECTS

El'khan N. Valiev

Consulting Business Centre (Baku)
Nizami St. 102a, Baku, Azerbaijan, AZ1000, e-mail: e.valiyev@yahoo.com

Emin N. Veysov

Belarus State Economic University (Minsk)
Partizanskiy Ave 26, Minsk, Republic of Belarus, 220070

The importance of the subject of this study is attributable to the need of developing the theory and practice of formation of bank marketing, its features and new trends associated with this concept.

Prospects for the development of banks and their ability to quickly and efficiently address new challenges presented by the market can be determined through modern forms, methods of management and creative use of financial marketing opportunities.

Aim. The presented study aims to examine the specific aspects, principles, conditions, factors of emergence, and prospects for the development of bank marketing and forms of its management in modern economic conditions.

Tasks. The authors identify the major trends and perspective directions in the development of bank marketing in Azerbaijan at the current stage.

Methods. As its methodological and theoretical basis, this study uses a systems approach to the analysis of its subject, conceptual approaches outlined in the works of Azerbaijani, Russian, and foreign scientists in the field of bank marketing. These methods are used to determine the essence of bank marketing, present the types and organization of marketing research, and identify the characteristic traits, new forms, and directions for the development of bank marketing.

Results. The study uses general scientific methods of cognition in various aspects to identify characteristic traits, trends, and new directions of bank marketing. A review of scientific publications shows that academic papers tend to focus on general conceptual approaches to the practical application of marketing. The authors believe that the issues of organization of a comprehensive bank management system, its implementation based on innovations in the promotion of banking products and services in the financial market, and substantiation of channels for their distribution among consumers are insufficiently explored. This makes the subject of this study extremely relevant due to the inevitable optimization of the organizational structure of banks through comprehensive implementation of the marketing system.

Conclusions. Theoretical and practical issues of bank marketing are examined. As a result, the specific features and characteristic traits of this mechanism, conditions and factors for its emergence, and its prospects in the context of the digital economy are analyzed.

Keywords: bank marketing philosophy, goals and principles of bank marketing, specific features of bank marketing, development of bank marketing in the context of digital transformation, economic development of Azerbaijan.

For citation: Valiev E. N., Veysov E. N. Bankovskiy marketing: osobennosti, novye tendentsii i perspektivy [Bank Marketing: Features, New Trends, and Prospects]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 7 (165), pp. 83–88 (in Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-83-88.

По мнению авторов, маркетинг — это теория и практика формирования массива информации, требуемой для осуществления всех главных функций менеджмента. Поскольку ведущим направлением функционирования коммерческого банка является реализация банковских сервисов, то при разработке его стратегии основополагающим моментом служит привлечение новых клиентов.

На современном этапе экономического развития Азербайджана в финансовой системе отмечается рост конкуренции между банками и небанковскими организациями, что вынуждает банки диверсифицировать свою деятельность, осваивать инновации в части создания банковского продукта [1]. Необходимое условие, обеспечивающее адекватность деятельности банка процессам, развивающимся на финансовых рынках, считается формирование маркетинговой политики как составной части банковского менеджмента.

Следует отметить, что в ситуации современного рынка приоритеты и цели маркетинговой деятельности радикальным образом трансформируются. На первом плане оказываются не интересы банка, а интересы его клиентов. Если сравнить это с азербайджанским товарным рынком, то можно убедиться, что банковская система Азербайджана не может быть полностью изолирована от общих тенденций разви-

тия мировой финансовой системы. В сотрудничестве с западными банками, действуя на уровне мирового финансового рынка, необходимо разрабатывать соответствующие методы работы и инструменты конкурентной борьбы. Маркетинг и служит одним из таких методов работы и инструментов конкурентной борьбы.

Сегодня банковские маркетинговые отношения приобретают актуальность, так как, во-первых, традиционные продукты банка персонализируются под индивидуальные потребности клиента, во-вторых, клиенты, потребляющие стандартные банковские услуги, зачастую не могут оценить выгоду предложения нового продукта. И в том, и в другом случае решение о приобретении услуги основано на доверии клиента своему менеджеру, поскольку менеджер знает не только особенности, преимущества банковского продукта, но и специфику предприятия. Объединение этих знаний выступает базой ориентации менеджеров на клиентов, основой их постоянной работы за сохранение в банке этих клиентов, налаживание и развитие с ними долгосрочных отношений, строящихся на доверии и учете взаимных интересов.

В сегодняшней ситуации развития азербайджанского банкинга целесообразнее рассматривать маркетинг как систему, которая должна обеспечить баланс между интересами банка,

клиентов и общества в целом, и это продиктовано, как правило, особым местом банков в структуре экономики.

Дефиниция банковского маркетинга

В условиях развития конкуренции на финансовом рынке и ухудшения вследствие этого среды банковской деятельности, складывания рынка покупателей заставило банки активно заняться банковским маркетингом. В исследованиях зарубежных и отечественных ученых встречаются разнообразные определения маркетинга. Такие же разнообразные трактовки получает понятие «банковский маркетинг».

К примеру, в теории и практике управления США банковский маркетинг трактуется как комплексная программа действий банка, содержащая такие важные моменты, как анализ рынка и направления его развития, а также определение способов воздействия на рынок [2, с. 45]. Специалисты рассматривают банковский маркетинг в виде системы по созданию и сбыту банковских продуктов посредством анализа и прогнозирования рынка, направленной на удовлетворение спроса определенных потребителей и извлечение прибыли [3].

В других исследованиях банковский маркетинг трактуется как деятельность, ориентированная на доведение банковского продукта до клиента посредством совокупности инструментов, состоящих из исследований рынка, рекламы, продвижения услуги, стимулирования сбыта, послепродажный контроль [4, с. 48]. В ряде исследований банковский маркетинг характеризуется как рыночная концепция управления деятельностью банка, ориентированная на исследование рынка и экономической конъюнктуры, запросов клиентов и адаптации к ним предлагаемых услуг [5, с. 121]. Представляя банковский маркетинг в виде единства потребностей клиентов, поиска наиболее выгодных рынков банковских продуктов, В. М. Усоскин говорит о важности согласования потребностей потребителей и возможностей услуг банка [6, с. 301].

По мнению западных специалистов, финансовые услуги со временем попадают под влияние рынков и потребителей, все чаще встречаются банки с сугубо рыночной ориентацией: они более чутки к изменению спроса потребителей на финансовые услуги, больше подготовлены к конкуренции с другими банками и небанковскими финансовыми организациями. Поэтому для менеджеров банка возрастает важность маркетинга, так как он акцентирует внимание на изучении внешней среды, разработке новых продуктов на основе предпочтений клиентов извязанных лиц [7, с. 88]. Маркетинг в банковском деле становится важнейшим составляющим успеха, други-

ми составляющими которого являются общее управление, финансы и технологии.

С нашей точки зрения, наиболее точно суть маркетинговой деятельности в банковской сфере изложена в трактовке, в которой маркетинг банка понимается как всесторонняя система исследования, формирования и удовлетворения потребностей целевых потребителей в банковских товарах (продуктах, услугах), которая позволяет достичь рыночных ориентиров банка, т. е. целей, связанных с рентабельностью, ликвидностью, прибылью, а также социальных целей и обязательств. Банковский маркетинг подразумевает тщательное изучение динамичных предпочтений и вкусов потребителей банковских услуг.

Цели, философия и специфика банковского маркетинга

Вместе с тем банковский маркетинг связан не только с реализацией продуктов и услуг. Это и философия, предполагающая подготовку, тщательный анализ со стороны структурных подразделений банка. Отношения банка и клиента под воздействием философии банка коренным образом меняются. Так, если прежде банки предлагали вкладчикам и заемщикам определенную совокупность банковских продуктов, то сегодня необходимо концентрировать усилия на разработке новых услуг, нацеленных сугубо на реальные потребности определенной категории клиентов, крупные или мелкие предприятия, тех или иных физических лиц (пенсионеров, молодых семей, студентов и др.). Если тот или иной продукт не пользуется спросом, то его нельзя предлагать.

Каждое предприятие в условиях рынка ставит перед собой цель реализовать товары и услуги. Деятельность руководства банка и его структур нацелена на то, чтобы привлечь клиентов, расширить сферу сбыта своих товаров, услуг и, как следствие, увеличить прибыль. Обострившаяся в настоящее время конкуренция на финансовом рынке заставляет банки во имя выживания стремиться к реализации полного набора банковских продуктов, созданию некоего универмага, работающего по принципу «единого окна». С точки зрения маркетинга банки должны разрабатывать хороший дизайн новых продуктов, который был бы удобен для доставки клиенту. Организационная структура банка органически включает в себя в качестве составной части применение маркетинговой стратегии и техники сбыта.

Банки не навязывают услуги и стремятся к наибольшему удовлетворению потребностей клиентов на основе собственной политики. Исходя из принципов банковского маркетинга его можно характеризовать как деятельность, ориентированную на обеспечение интересов клиентов эффективной деятельности банка на рынке фи-

нансовых услуг. Философия банка, разрабатывающая его цели и задачи, акцентирует внимание на значении банка для клиентов, акционеров, экономики государства, граждан и общества в целом, т. е. обоснование его существования и результатов экономической деятельности. Она, будучи исходным моментом в формировании его целей, ориентиров, стратегий и планов, помогает сплачивать коллектив и концентрировать усилия сотрудников в главном и едином направлении. Итак, философия банковского маркетинга предполагает поиск функционирующих и возможных в будущем рынков банковских продуктов, исходя из реальных потребностей клиентов, включающий в себя ясную формулировку целей банка, определение путей и способов их достижения и мероприятий для реализации планов.

Цели банковского маркетинга в сущности имеют общие цели функционирования определенного банка, которые определяются миссией банка, местом его на рынке финансовых услуг, внешними факторами, ресурсами и иными факторами. Маркетинг в банковской сфере предполагает усиление конкурентоспособности банка и его прибыльности за счет создания необходимых условий для приспособления банка к требованиям финансового рынка и меняющимся внешним условиям. По сути, маркетинг — органическое звено между банком и рынком, с помощью которого можно получать разнообразную информацию о рынке, его специфике, потребностях и пожеланиях клиентов, о состоянии конкуренции и оказывать влияние на рынок определенными методами. Иными словами, с помощью маркетинга обеспечивается непосредственная и обратная связь банка с субъектами рынка.

Главной составляющей конкурентоспособности банка становится профессиональное управление банковской деятельностью на основе знания клиентов, конкурентов, других факторов внешней среды. К специфическим чертам, отличающим банковский маркетинг от производственно-бытового и торгового маркетинга, относится прежде всего то обстоятельство, что банковский продукт имеет нематериальное выражение, что сказывается на объективности оценки банковского продукта покупателем. Соответственно, важное значение имеет реклама банковского продукта: непосредственный контакт с покупателем услуг, т. е. клиентом, что требует персонализации отношений между участниками рынка банковских услуг, вызывает трудности в стандартизации и усиливает роль места и атмосферы общения с клиентом; денежный характер услуг требует учитывать особое внимание общественности к их содержанию и следствию.

Таким образом, категорию «банковский маркетинг» в единстве всех существенных элементов можно представить как вид деятельности банка, особый способ управления и образ мыш-

ления банковского служащего, направленные на рынок банковских услуг. К приемам банковского маркетинга относятся способы контакта с клиентом, предоставление клиенту преимуществ при обращении к услугам данного банка перед лицом конкурирующих кредитных организаций, управление рентабельностью услуги и взаимоотношений с клиентом, оплата труда, мотивирующая работников банка к продаже наибольшего количества банковских продуктов.

Условия и факторы, обусловившие появление и развитие банковского маркетинга

Маркетинг в сфере банкинга появился позднее производственного маркетинга. В конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. на финансовых рынках, в том числе на рынке банковских продуктов и услуг, произошли значительные изменения. Вследствие этого резко обострилась конкуренция. Рассмотрим факторы, обусловившие данные изменения. Во-первых, резко увеличилась численность банков и небанковских финансовых институтов в мире, которые конкурировали с банками, функционировавшими на рынках. Во-вторых, слияние банковских и финансовых структур, поглощение мелких и средних крупными привело к их укрупнению. В-третьих, в сфере банкинга произошла диверсификация услуг. В-четвертых, как внутри банковской системы, так и между банками и небанковскими институтами конкуренция в плане привлечения средств и выдаче кредитов и займов населению, предприятиям и организациям углубилась. В-пятых, в последнее время интернационализация коммерческой деятельности банков приняла широкий размах, коснувшись все новых стран, в особенности стран Восточной Европы и постсоветского пространства. Вследствие этого обострилась конкуренция крупнейших банков мира и небанковских институтов с более слабыми местными банками. В-шестых, во многих странах банковская деятельность все более жестче регулируется со стороны государства. Это регулирование прежде всего бросается в глаза в ограничении ценовой конкуренции, вследствие чего банки расширяют спектр предоставляемых услуг и активно продвигают их на рынок. В-седьмых, стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий обеспечило банкам, другим финансовым институтам свободный доступ к клиентам в собственной стране и за рубежом. Кроме того, эти технологии обострили конкуренцию в плане открываемых современными информационными технологиями возможностей предоставления новых услуг.

Тем не менее Запад, имевший обширный опыт в промышленном и торговом маркетинге, доста-

точно быстрыми темпами прошел путь эволюции маркетинга и в сфере банковского маркетинга. На первых этапах они ограничивались внедрением его составляющих. Для них он сначала выступал лишь как способ анализа спроса и привлечения клиентов. Сложившаяся в 80-е гг. прошлого столетия концепция банковского маркетинга легла в основу менеджмента в банках. Появившиеся у банков маркетинговые службы, системы сбора и обработки данных, разработки и контроля программы маркетинга должны обеспечить банку адаптацию к изменчивой внешней среде, его выживание и успех в конкуренции.

Известный американский специалист в области маркетинга Ф. Котлер делит развитие банковского маркетинга на пять этапов: использование рекламы, других мероприятий по позиционированию услуг банка на рынке, налаживание связей с общественностью; создание дружественной атмосферы для клиентов; инновации: разработка новых банковских продуктов (разнообразных пластиковых карточек, новых видов кредитов и депозитов и услуг) с целью опережения конкурентов на рынке; выделение конкурентных преимуществ банка и его позиция на рынке в сравнении с конкурентами; дифференциация банковских продуктов из-за сочетания относительной однородности банковских услуг и обострения конкуренции, выявление целевых рынков и конкурентных преимуществ банка; обслуживание целевых сегментов рынка; разработка банковской системы анализа, планирования и контроля над выполнением маркетинговых планов [8, с. 235]. Ф. Котлер назвал указанные пять этапов «правилом медленного обучения», т. е. эволюцией маркетинга в банках. Как показывают исследования, в конце 1990-х гг. многие банки Америки находились на третьей или четвертой, а то и на первой стадии развития маркетинга. Специалисты в области маркетинга полагают, что желающие успешно работать в быстро изменяющемся конкурентном окружении банки, банковская отрасль в целом должны идти к пятой стадии.

В соответствии с приведенной периодизацией азербайджанские банки находятся на разных фазах развития маркетинга. В целом ситуация на азербайджанском банковском рынке крайне неоднородна. Однако с усилением конкуренции на финансовом рынке вследствие отсутствия ограничений по открытию предприятиями и организациями счетов в банках, введения уведомительной процедуры открытия филиалов банков в регионах, а также снятия некоторых ограничений на деятельность иностранных банков на местном рынке азербайджанские банки активно используют маркетинг как составляющую банковского менеджмента.

Рассматривая маркетинг в аспекте рыночных инструментов, можно резюмировать, что

азербайджанские банки пока только осуществляют разработку новых продуктов, устанавливают цены на свои услуги, определяют систему сбыта и продвижения продукции на рынок. Иными словами, они используют давно применяемые банками за рубежом маркетинг микса, или комплекса маркетинга.

Цифровая трансформация и развитие банковского маркетинга

Одно из эффективных направлений банковского маркетинга в настоящее время — продажи и реклама через глобальную сеть Интернет, которые невероятно возросли. Интернет-ресурсы пользуются огромной популярностью в банковской системе. Сегодня ни одно банковское учреждение не может существовать без применения в маркетинге информационных технологий. Использование различных видов интернет-маркетинга позволяет привлекать новых клиентов, расширять имеющийся рынок. Реклама в интернете привлекательна и для новых клиентов при относительно невысоких затратах на продвижение продуктов банка. Исследователи полагают, что доля проектов в интернете за последние два года в маркетинговых бюджетах коммерческих банков составила 75 %. Поэтому можно сделать вывод о том, что в банковском маркетинге цифровые технологии используются чаще, чем традиционные виды маркетинговых коммуникаций.

Очевидно, что банки, придающие этим многообещающим инструментам маркетинга должное значение, очень скоро получат значительное преимущество перед своими медленнее реагирующими на изменения конкурентами. Заслуживают внимания такие приоритетные направления, как онлайн-исследования клиентов (опросы через интернет, мобильный телефон, отправка анкет и т. д.). Пока эти направления развиты слабо, но они быстрыми темпами обретают размах, обеспечивая в качестве основных преимуществ экономию времени и материальных ресурсов, возможность осуществления его онлайн, простоту анализа его эффективности. В связи с этим банкам, наряду с разработкой систем предоставления онлайн-услуг, следует разрабатывать также системы онлайн-сбора информации. Это обеспечит получение оперативных данных о клиентах и относительное снижение затрат на проведение исследований. Таким образом, разработка и проведение эффективных исследований клиентов банковскими учреждениями позволит им улучшить отношения с ними и собственные позиции на рынке.

В последние годы на банковский рынок Азербайджана активно проникают цифровые финансовые услуги. Сегодня в 27 из 30 банков Азербайджана существует интернет-банкинг,

в 25 — мобильный банкинг. В Азербайджане ожидается, что в 2020 г. вследствие цифровизации ВВП страны увеличится на 135 млн манатов. Цифровизация позволит повысить совокупные доходы банков в 2020 г. на 20 %. Вместе с тем банкам понадобятся инвестиции в размере около 100 млн манатов на проведение этих работ [9].

Маркетинг банка представляет собой такую всестороннюю систему по анализу, формированию и удовлетворению потребностей целевых потребителей в банковских товарах (продуктах, услугах), которая позволяет достичь рыночных целей банка, связанных с рентабельностью, ликвидностью, прибылью, а также социальных целей и обязательств. Адекватность деятельности банка процессам, разворачивающимся на финансовых рынках, — необходимое условие формирования маркетинговой политики, являющейся частью банковского менеджмента.

Банковский маркетинг подразумевает глубокий анализ изменчивых вкусов и приоритетов потребителей банковских услуг. Цели, поставленные банковским маркетингом, имеют в корне общие цели функционирования определенного банка, определяющиеся миссией банка, его местом на рынке финансовых услуг, внешними факторами, ресурсами, иными факторами. Философия банковского маркетинга предполагает поиск действующих и по-

тенциальных рынков банковских продуктов, исходя из реальных потребностей клиентов, включающий ясную формулировку целей банка, определение путей и способов их достижения, мероприятий для реализации планов.

Использование различных видов интернет-маркетинга расширяет существующую клиентуру и рынок. Не вызывает сомнения тот факт, что те банки, которые сегодня уделяют этим перспективным инструментам маркетинга должное внимание, завтра получат существенное преимущество перед своими запаздывающими конкурентами. По оценкам исследователей, доля проектов в сети Интернет за последние два года в маркетинговых бюджетах коммерческих банков превысила 75 %. Это свидетельствует о том, что использование цифровых технологий в банковском маркетинге превалирует над применением традиционных видов маркетинговых коммуникаций.

Банковские учреждения стремятся постоянно совершенствовать маркетинговую концепцию, реализуемую через глобальную сеть Интернет. В современных реалиях существование банковского учреждения без использования информационно-коммуникационных технологий в маркетинге невозможно. За последние годы на азербайджанский банковский рынок активно проникают цифровые финансовые маркетинговые услуги.

Литература

1. Mamedov Z. F. Küresel Mali Kriz Ortamında Azerbaycan Bankacılık Sektörünün Yapısı, Özellikleri ve Sorunları // *Amme İdaresi Dergisi*. 2011. Cilt 44, sayı 3. 2011. S. 173–203.
2. *Основы банковской деятельности* / под ред. К. Р. Тагирбекова. М.: ИНФРА-М, 2003. 715 с.
3. Попова Н. Ю., Хабаров В. И. *Банковский маркетинг*. М.: МПФА, 2004. 165 с.
4. *Финансовый маркетинг: теория и практика* / под общ. ред. С. В. Карповой. М.: ЮРАЙТ, 2013. 424 с.
5. *Управление деятельностью коммерческого банка (банковский менеджмент)* / под ред. О. И. Лаврушина. М.: Юрист, 2002. 688 с.
6. Усоскин В. М. *Современный коммерческий банк: управление и операции*. М.: Все для вас, 1993. 320 с.
7. Frost S. M. *Настольная книга банковского аналитика: деньги, риски и профессиональные приемы*. Днепропетровск: Баланс Бизнес Букс, 2006. 643 с.
8. Котлер Ф. *Маркетинг менеджмент: экспресс-курс*. СПб.: Питер, 2001. 495 с.
9. Мамедов З. Ф., Аббасов А., Алиев С. Цифровизация банковского сектора: новые вызовы и перспективы // *Экономика и управление*. 2019. № 6 (164). С. 82–89.

References

1. Mamedov Z. F. Küresel Mali Kriz Ortamında Azerbaycan Bankacılık Sektörünün Yapısı, Özellikleri ve Sorunları [Structure, characteristics and problems of Azerbaijan banking sector in the global financial crisis environment]. *Amme İdaresi Dergisi*, 2011, vol. 44, no. 3, pp. 173–203.
2. Tagirbekov K. R., ed. *Osnovy bankovskoy deyatel'nosti (bankovskoe delo)* [Basics of banking activity]. Moscow: INFRA-M, 2003. 715 p.
3. Popova N. Yu., Khabarov V. I. *Bankovskiy marketing* [Banking marketing]. Moscow: INFRA-M, 2004. 165 p.
4. Karpova S. V., ed. *Finansovyy marketing: teoriya i praktika* [Financial marketing: Theory and practice]. Moscow: Urait, 2013. 424 p.
5. Lavrushin O. I., ed. *Upravlenie deyatel'nost'yu kommercheskogo banka (bankovskiy menedzhment)* [Commercial bank management]. Moscow: Yurist, 2002. 688 p.
6. Usoskin V. M. *Sovremennyy kommercheskiy bank: upravlenie i operatsii* [Modern commercial bank: Management and operations]. Moscow: Vse dlya vas, 1993. 320 p.
7. Frost S. M. *The bank analyst's handbook: Money, risk and conjuring tricks*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc., 2004. 572 p. (Russ. ed.: Frost S. M. *Nastol'naya kniga bankovskogo analitika: den'gi, riski i professional'nye priemy*. Dnepropetrovsk: Balance Business Books, 2006. 643 p.).
8. Kotler Ph. *A framework for marketing management*. Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall, 2001. 352 p. (Russ. ed.: Kotler Ph. *Marketing menedzhment. Ekspress-kurs*. St. Petersburg: Piter, 2001. 495 p.).
9. Mamedov Z. F., Abbasov A., Aliev S. Tsifrovizatsiya bankovskogo sektora: novye vyzovy i perspektivy [Digitalization of the banking sector: New challenges and prospects]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 6 (164), pp. 82–89.

ИНСТИТУТЫ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ БИЗНЕСА В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-89-96

УДК 334

Мищенко Константин Николаевич

*заместитель руководителя Регионального информационно-аналитического центра,
кандидат экономических наук, доцент
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, д. 150, e-mail: mishenkogn@mail.ru*

Шевченко Дмитрий Александрович

*доцент Южного федерального университета, кандидат экономических наук, доцент
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, e-mail: dashevchenko@sfedu.ru*

Абрамян Гор Ашотович

*ведущий научный сотрудник Регионального информационно-аналитического центра
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, 150, e-mail: abragor10@gmail.com*

Исследование направлено на изучение возможностей для повышения эффективности институтов финансовой поддержки бизнеса с целью увеличения уровня конкурентоспособности экономики регионов.

Цель. Выявить возможности и новые инструменты для стимулирования экономической активности на территории региона посредством институциональных мер поддержки бизнеса.

Задачи. Проанализировать текущую результативность и степень достаточности инструментов финансовой поддержки предпринимательства со стороны институтов развития на региональном уровне (на примере Ростовской области), представить предложения по оказанию финансовой поддержки бизнеса.

Методология. В статье с помощью общих методов научного познания (анализа, обобщения, экономического моделирования и др.) в различных аспектах рассмотрена эффективность поддержки бизнеса со стороны институтов развития и определены основные направления по совершенствованию их деятельности.

Результаты. В условиях современной экономической конъюнктуры, сложившейся на национальных и мировом финансовых рынках, возможности регионов по оказанию финансовой поддержки предпринимательству, в частности, в рамках снижения затрат на использование заемных средств, являются ключевым фактором их инвестиционной привлекательности. Как следствие, можно ожидать достижения устойчивого экономического роста, что формирует основу для долгосрочной конкурентоспособности региональной экономики.

Выводы. Расширение охвата институциональной финансовой поддержки на мезоуровне в базовых несырьевых отраслях экономики, а также проведение политики по поддержке и сохранению финансовой устойчивости системообразующих предприятий региона позволит стимулировать предпринимательскую активность и будет способствовать развитию региональной экономики.

Ключевые слова: институты развития, заемные средства, финансовая поддержка, конкурентоспособность, региональная экономика.

Для цитирования: Мищенко К. Н., Шевченко Д. А., Абрамян Г. А. Институты финансовой поддержки бизнеса в контексте повышения конкурентоспособности региональной экономики // *Экономика и управление*. 2019. № 7 (165). С. 89–96. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-89-96.

BUSINESS FINANCIAL SUPPORT INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF ENHANCING THE COMPETITIVENESS OF THE REGIONAL ECONOMY

Konstantin N. Mishchenko

*Regional Information-Analysis Centre (Rostov-on-Don)
Sotsialisticheskaya St. 150, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006, e-mail: mishenkogn@mail.ru*

Dmitriy A. Shevchenko

*Southern Federal University (Rostov-on-Don)
Bol'shaya Sadovaya St. 105/42, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006, e-mail: dashevchenko@sfedu.ru*

Gor A. Abramyan

*Regional Information-Analysis Centre (Rostov-on-Don)
Sotsialisticheskaya St. 150, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006, e-mail: abragor10@gmail.com*

The presented study explores opportunities for improving the efficiency of financial business support institutions with the purpose of enhancing the competitiveness of the regional economy.

Aim. The study aims to identify opportunities and new tools for stimulating economic activity in regions through institutional business support measures.

Tasks. The authors analyze the current performance and adequacy of financial business support tools utilized by development institutions at the regional level (through the example of the Rostov region) and formulate proposals on financial business support.

Methods. This study uses general scientific methods of cognition (analysis, generalization, economic modeling, etc.) to examine the efficiency of business support provided by development institutions in various aspects and to identify the major directions for improving their operation.

Results. Given the current economic situation in the national and global financial markets, the ability of regions to provide financial support to entrepreneurs (in particular, by reducing the cost of application of borrowed funds) is a key factor of their investment attractiveness. As a result, it is possible to achieve sustainable economic growth, which lays the foundation for the long-term competitiveness of the regional economy.

Conclusion. Expanding the scope of institutional financial support at the meso-level in the basic non-resource industries and implementing a policy to support and maintain the financial stability of systemic companies in the region facilitates entrepreneurial activity and contributes to the development of the regional economy.

Keywords: *development institutions, borrowed funds, financial support, competitiveness, regional economy.*

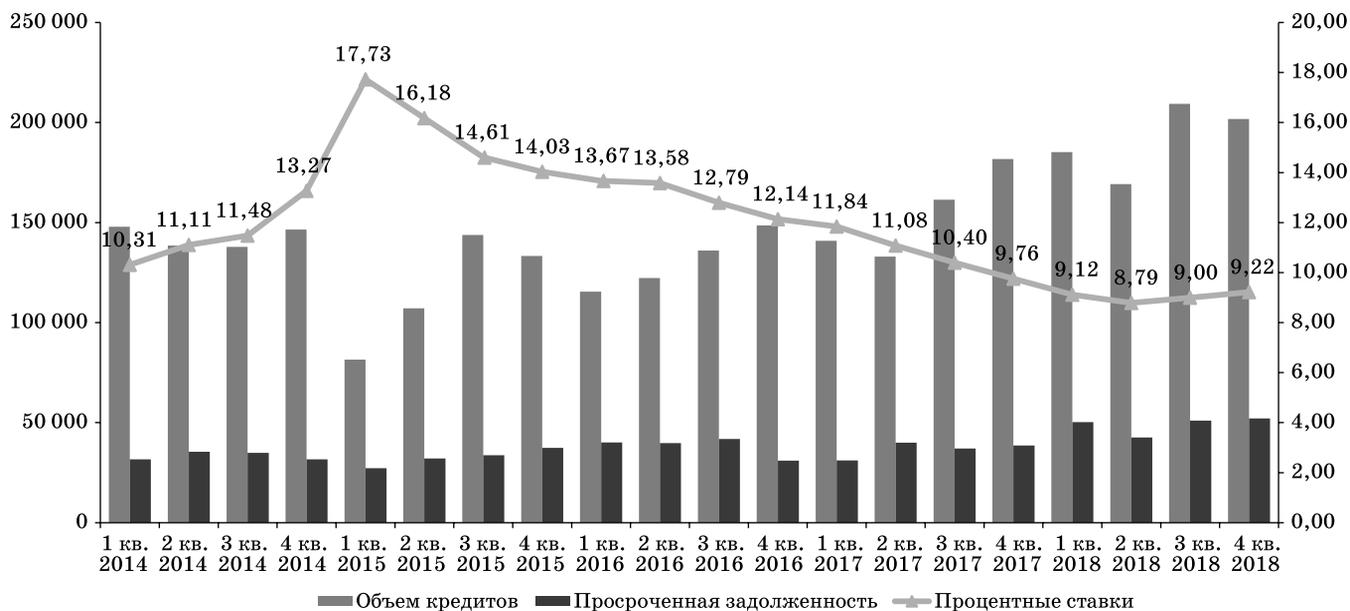
For citation: Mishchenko K. N., Shevchenko D. A., Abramyan G. A. *Instituty finansovoy podderzhki biznesa v kontekste povysheniya konkurentosposobnosti regional'noy ekonomiki* [Business Financial Support Institutions in the Context of Enhancing the Competitiveness of the Regional Economy]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 7 (165), pp. 89–96. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-89-96.

Инновационное развитие регионов сегодня невозможно без качественной работы органов исполнительной власти по привлечению новых инвесторов и комплексной институциональной поддержки предприятий, функционирующих на территории региона [1, с. 2335]. Наиболее эффективным способом оказания мер государственной финансовой поддержки является механизм функционирования институтов развития, предлагающих различные программы финансирования на возвратной основе и представляющих собой пример инклюзивных экономических институтов.

Институты развития считаются одним из важнейших инструментов государственной политики как на федеральном, так и на региональном уровне. Их основная цель – преодоление так называемых провалов рынка в ходе решения задач, которые не могут быть оптимально реализованы рыночными механизмами, для обеспечения устойчивого экономического роста и диверсификации экономики. Институты развития выступают в качестве катализатора частных инвестиций в приоритетных секторах и отраслях экономики, создавая условия для формирования инфраструктуры, обеспечивающей доступ предприятиям, функционирующим в приоритетных сферах экономики, к необходимым финансовым ресурсам [2]. Конкурентоспособность региона — это обусловленное экономическими, социальными, политическими, другими факторами положение региона и ряда его товаропроизводителей на внутреннем и внешнем рынках,

отражаемое через показатели (индикаторы), адекватно характеризующие такое состояние и его динамику [3, с. 25]. Соответственно, конкурентоспособность экономики региона формируется за счет совокупной конкурентоспособности экономических агентов, осуществляющих предпринимательскую деятельность на его территории. Таким образом, чем масштабнее и эффективнее государственная институциональная поддержка, тем выше конкурентоспособность как отдельных предприятий, так и всей региональной экономики, формирующей основу для развития региональной социально-экономической системы в целом [4].

Финансовая поддержка, оказываемая институтами развития на той или иной территории, формирует основу конкурентоспособности экономики региона, поскольку делает его привлекательным для притока инвестиций и для размещения производительных сил [5, с. 288]. Вместе с тем наиболее целесообразной и экономически оправданной формой поддержки служит не прямое финансирование (субсидирование) предприятий, а стимулирование их деятельности, создание комфортных условий, преодоление внешних ограничений и барьеров, связанных с несовершенством институциональной среды и рыночных механизмов. Одним из существенных барьеров такого плана является стоимость привлекаемых ресурсов. Самое востребованное направление мер поддержки — снижение затрат предприятий на привлечение и обслуживание заемных источников финансирования, что обусловлено вы-

*Средневзвешенные процентные ставки указаны по России в целом

Рис. 1. Динамика основных показателей рынка кредитования юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в Ростовской области в 2014–2018 гг. (по рублёвым кредитам)*²

сокой стоимостью и недостаточной доступностью кредитных ресурсов [6, с. 124]. Данная проблема характерна для большинства предприятий вне зависимости от их организационно-правовой формы и вида экономической деятельности. Доступность кредитов определяется средневзвешенной процентной ставкой по кредитам, предоставленным кредитными организациями нефинансовым организациям в рублях (в целом в России), которая на декабрь 2018 г. составила 9,3 % годовых¹.

На примере наблюдения за кредитной активностью предприятий Ростовской области в 2014–2018 гг. можно проиллюстрировать высокую устойчивую зависимость между уровнем средневзвешенных ставок по кредитам и объемом выданных кредитов. Самая высокая средняя средневзвешенная процентная ставка представлена в первом квартале 2015 г., когда зафиксирован и наименьший объем выданных кредитов в размере 81,8 млрд руб., как показано на рисунке 1.

Высокий уровень взаимозависимости подтверждается и математическими расчетами. В соответствии с оценкой коэффициента регрессии при увеличении уровня средневзвешенной ставки по кредитам на процентный пункт объем выданных кредитов уменьшается в среднем на 10,9 млрд руб. в квартал или на 43,6 млрд руб. в год, что отражено в таблице 1.

При этом все большую актуальность приобретает вопрос о росте объема просроченной задолженности, который в Ростовской области

достиг максимального значения в четвертом квартале 2018 г. (52,1 млрд руб.). Высокий уровень закредитованности ограничивает потенциальных заемщиков в доступе к новым заемным средствам и повышает их стоимость [7, с. 121]. Более того, такое положение является индикатором недостаточной финансовой устойчивости. Нарастание подобных проблем отражается и в динамике количества рассмотренных дел о несостоятельности (банкротстве) Арбитражным судом Ростовской области: в 2018 г. их количество было рекордным (1 362 дела), что в два раза больше, чем в 2014 г. [8]. Одна из причин этой тенденции — отсутствие институциональной поддержки предприятий в предкризисной и кризисной ситуации [9, с. 99]. Наличие инструментов консультационной и финансовой поддержки на этапе возникновения кризисной ситуации могло бы снизить число банкротств. Однако сегодня деятельность институтов развития ограничивается лишь оказанием услуг на первоначальных стадиях кредитования бизнеса, о чем свидетельствуют данные, представленные в таблице 2.

Указанные выше институты функционируют во многих субъектах Российской Федерации (РФ): региональные фонды развития промышленности существуют в 59 субъектах (в 52 из них они могут выдавать совместные займы с федеральным Фондом развития промышленности); региональные гарантийные организации действуют в 82 субъектах; региональные

¹ Расчет произведен на основе данных Банка России (сведения по кредитам в рублях, долларах США и евро в целом по Российской Федерации, нефинансовым организациям). URL: https://www.cbr.ru/statistics/pdko/int_rat/.

² По данным официального сайта Банка России. URL: <https://www.cbr.ru/>.

Вывод итогов оценки регрессии между уровнем средневзвешенных ставок по кредитам и объемом выданных кредитов юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям*

Регрессионная статистика								
Множественный R	0,87024160							
R-квадрат	0,75732045							
Нормированный R-квадрат	0,74383825							
Стандартная ошибка	15769,7935							
Наблюдения	20							
Дисперсионный анализ								
	df	SS	MS	F	Значимость F			
Регрессия	1	1 396 918 353	1 396 918 353	56,17188659	6,12645E-07			
Остаток	18	4 476 354 967	248 686 387,1	—	—			
Итого	19	1 844 553 849	—	—	—			
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Нижние 95 %	Верхние 95 %	Нижние 95,0 %	Верхние 95,0 %
У-пересечение	278 539,47	17 890,49331	15,56913319	6,90153E-12	240 952,9416	316 126,005	240 952,9416	316 126,005
Переменная X 1	-10 949,161	1 460,902879	-7,49479063	6,12645E-07	-14 018,40427	-7 879,91815	-14 018,40427	-7 879,9181

*Расчитано авторами.

лизинговые компании представлены в ряде регионов РФ, среди которых наибольшие объемы капитализации сформированы у компаний в регионах-участниках федеральной Программы лизингового оборудования (основной оператор программы — корпорация МСП), в частности в Республике Татарстан, Республике Башкортостан, Ярославской области, Республике Саха (Якутия).

Однако масштаб финансовой поддержки таких институтов развития недостаточен. Оценивая возможности региональных институтов в Ростовской области, следует отметить, что по состоянию на 27 декабря 2018 г. некоммерческой организацией (НКО) «Региональный фонд развития промышленности Ростовской области» выдано займов на общую сумму 240 млн руб. (14 предприятий) [10]; НКО «Гарантийный фонд Ростовской области» в 2018 г. предоставлено 123 поручительства на общую сумму 1 094,16 млн руб., что позволило субъектам малого и среднего бизнеса привлечь 2 250,96 млн руб. внешнего финансирования на развитие своих предприятий [11]; автономной некоммерческой организацией (АНО) «Ростовское региональное агентство поддержки предпринимательства» в 2018 г. выдано 484 займа на сумму более 813 млн руб.; акционерным обществом (АО) «Региональная ли-

зинговая компания Ростовской области» по состоянию на 20 сентября 2018 г. профинансировано 19 заявок на сумму 43,5 млн руб., одобрено к финансированию 10 заявок субъектов малого и среднего предпринимательства на сумму 37,5 млн руб. [12].

Соответственно, суммарный эффект от финансовой поддержки региональных институтов стимулировал получение предприятиями займов на сумму 3 384,96 млн руб. В целом по итогам 2018 г. объем кредитов, предоставленных юридическим лицам-резидентам и индивидуальным предпринимателям в рублях, — 765 547 млн руб. Соотношение объема региональной поддержки и совокупного объема кредитов, предоставленных юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям в Ростовской области, составило 0,44 %, что свидетельствует о недостаточном масштабе финансовой поддержки на возвратной основе.

С целью наращивания положительного эффекта мер финансовой поддержки институтов развития авторы считают целесообразным рассмотреть следующие предложения.

Во-первых, актуален вопрос о докапитализации действующих региональных институтов развития, реализующих меры финансовой поддержки на возвратной основе (предоставление льготных кредитов, гарантийная поддержка,

Соответствие действующих институтов поддержки в Ростовской области этапам кредитования бизнеса

Этап	Институты поддержки в Ростовской области
1. Этап консультационной поддержки и подготовки документов	Регистрационно-консультационные пункты предпринимателя Центр финансовой грамотности Агентство инвестиционного развития Ростовской области
2. Этап подбора кредитного продукта и оценка необходимого обеспечения / подача заявки	НКО «Региональный фонд развития промышленности Ростовской области» АНО «Ростовское региональное агентство поддержки предпринимательства» НКО «Гарантийный фонд Ростовской области» АО «Региональная лизинговая компания Ростовской области»
3. Этап выполнения договора и погашения кредита	Отсутствуют

льготный лизинг и т. п.) за счет средств федерального бюджета. Кредитные и иные финансовые продукты государственных институтов поддержки бизнеса имеют сравнительно более выгодные условия для заемщика и уже доказали эффективность при обеспечении финансовыми ресурсами приоритетных отраслей экономики. Но потенциал данных институтов в настоящее время реализован не в полной мере вследствие того, что объемы их капитализации недостаточны в сравнении с коммерческим сектором, что не позволяет им оказывать значимое влияние на рынок кредитования.

В целях обеспечения растущего спроса со стороны предприятий на финансовую поддержку институты развития необходимо обеспечить большим объемом капитала, который будет генерировать объемы финансовой поддержки, соответствующие потребностям бизнеса. В приоритетном порядке следует предусмотреть софинансирование региональных институтов развития, действующих в партнерстве с федеральными институтами развития (ФГАУ «Российский фонд технологического развития» (Фонд развития промышленности), АО «Корпорация “МСП”»).

Во-вторых, необходимо расширение видов экономической деятельности, в рамках которых оказывают поддержку федеральный и региональные фонды развития промышленности. Инструменты финансовой поддержки институтов развития являются востребованными, однако их отраслевой охват не в полной мере соответствует спросу со стороны промышленных предприятий. Так, в настоящее время перечень отраслевых направлений, финансируемых Фондом развития промышленности, включает в себя 20 видов экономической деятельности, соответствующих основным отраслям обрабатывающей промышленности (за исключением пищевой). Целесообразно допол-

нить перечень финансируемых отраслевых направлений Фонда развития промышленности и его региональных аналогов такими видами экономической деятельности, как производство пищевых продуктов (помимо промышленных биотехнологий); обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений.

Пищевая промышленность считается одним из крупнейших направлений в рамках обрабатывающей промышленности, которая составляет 20,6 % в структуре ВРП Ростовской области [13]. Особую значимость эта отрасль имеет для регионов с развитым сельским хозяйством, позволяя перерабатывать имеющиеся ресурсы. Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха составляет 4,4 % от ВРП, а водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений — 0,9 %. Эти два вида экономической деятельности являются обслуживающими для промышленности и формирующими ее инженерно-энергетическую инфраструктуру. Их финансирование за счет Фонда будет способствовать формированию мультипликативного эффекта для развития промышленности и экономики региона в целом.

В-третьих, требуется создание по аналогии с Фондом развития промышленности новых отраслевых фондов (на федеральном и региональном уровнях). Успешный опыт федеральных и региональных институтов развития по оказанию финансовой поддержки бизнесу целесообразно распространить помимо обрабатывающей промышленности и на ряд других базовых несырьевых отраслей экономики. Расширение охвата отраслей-реципиентов финансовой поддержки позволит простимулировать экономи-

ческое развитие в регионах РФ в наиболее приоритетных для них направлениях. Их перечень можно расширить посредством создания новых фондов целевой поддержки, а именно: Фонда развития сельского хозяйства, Фонда развития строительного комплекса, Фонда развития транспортного комплекса. Так, например, в структуре ВРП Ростовской области сельское хозяйство занимает 11,1 %, строительство — 7,7 %, а транспортировка и хранение — 6,8 % [13], что подчеркивает значимость данных отраслей для развития региональной экономики и ее конкурентоспособности.

В-четвертых, необходимо ввести механизм по содействию в реструктуризации долговых обязательств в рамках программы антикризисной поддержки предприятий. Нарастание уровня финансового левериджа и увеличение доли просроченной задолженности в общей структуре заемного капитала приводит к снижению резервного заемного потенциала предприятий, что означает отсутствие возможности получения кредитных средств на приемлемых условиях [14, с. 136].

В настоящее время все институты государственной поддержки предприятий закономерно предоставляют финансовые продукты лишь при условии соответствия потенциального заемщика критериям отсутствия задолженности по налоговым и иным обязательным платежам в бюджетную систему, в том числе в бюджеты государственных внебюджетных фондов; перед поставщиками и подрядчиками, персоналом предприятия; отсутствие просроченной задолженности по кредитам и займам и др. Наряду с этим все более актуален вопрос государственной поддержки при возникновении проблемных ситуаций, т. е. в предкризисный/кризисный периоды, когда коммерческие финансовые институты отказываются выдавать на приемлемых условиях кредиты большинству таких заемщиков (даже при наличии у этих предприятий успешного опыта ведения экономической деятельности). Нельзя не учитывать тот факт, что многие проблемные предприятия при наличии плана финансового оздоровления могли бы вернуться на траекторию устойчивого развития в случае оказания им своевременной финансовой помощи. Очевидно, что в целях систематизации и повышения эффективности антикризисной поддержки таких предприятий необходима выстроенная система мониторинга их финансового состояния по критериям, позволяющим принять своевременные меры

по недопущению кризиса. Но такая система сегодня отсутствует.

Предлагаемая авторами программа антикризисной поддержки предприятий ориентирована на использование:

- 1) превентивных мер финансового оздоровления предприятий (льготного кредитования и др.), имеющих успешный опыт ведения экономической деятельности, но столкнувшихся с финансовыми проблемами (предкризисный период);
- 2) инструмента реструктуризации при наличии у предприятий комплексных решений по выходу из кризисной ситуации, детально описанных в плане финансового оздоровления, который может быть разработан арбитражным управляющим в случае возбуждения дела о банкротстве (кризисный период).

Основными предприятиями-реципиентами данной программы при ее внедрении должны стать:

- предприятия реального сектора экономики из числа системообразующих (имеющих высокий мультипликативный эффект на смежные отрасли региональной экономики);
- градообразующие предприятия (определяемые по показателям существенности их вклада в структуру занятости населения, совокупного оборота предприятий, а также налоговых поступлений в муниципальный бюджет);
- предприятия, обеспечивающие региональную экономическую безопасность (энергетическую, продовольственную, инфраструктурную, информационную, финансовую).

Таким образом, при проведении исследования выявлены возможности и предложены новые инструменты для стимулирования экономической активности на территории региона. В целях удовлетворения спроса со стороны бизнеса на инструменты финансовой поддержки, предоставляемые региональными и федеральными институтами развития, следует, на наш взгляд, увеличить финансирование действующих институтов, расширить их перечень и масштабировать на большее количество видов экономической деятельности. Представляется целесообразным создание механизма по содействию в реструктуризации долговых обязательств в рамках программы антикризисной поддержки предприятий. Указанные меры поддержки должны стимулировать наращивание конкурентоспособности как региональной экономики в целом, так и ее хозяйствующих субъектов.

Литература

1. Мищенко К. Н., Елецкий А. Н. Анализ потенциала и перспектив инновационного развития региона в условиях глобализации мировой экономики (на примере Ростовской области). Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16, № 12 (459). С. 2335–2348. DOI: 10.24891/re.16.12.2335.
2. Деятельность институтов развития // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/instdev/institute/> (дата обращения: 07.05.2019).
3. Селезнев А. З. Конкурентные позиции и инфраструктура рынка России. М.: Юрист, 1999. 384 с.
4. Рыбкина А. С., Елецкий А. Н., Абрамян Г. А. Центры синергетического роста как императив совершенствования региональной социально-экономической политики. Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2017. № 4 (98). С. 19–43.
5. Шевченко Д. А. Региональные институты финансовой поддержки малого и среднего бизнеса // Модернизация российской экономики: прогнозы и реальность: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. / ред. кол.: Г. А. Костин, Е. Ф. Щипанов, Е. В. Ушакова. СПб: С.-Петербург. ун-та технологий управления и экономики, 2018. С. 288–294.
6. Зотова А. И., Бреднев В. А. Трансформация инструментов заемного финансирования реального сектора российской экономики. Экономика и управление: научно-практический журнал. 2018. № 6 (144). С. 124–127.
7. Протасов Д. Н. Анализ использования кредитно-инвестиционных ресурсов промышленного предприятия при различных условиях кредитования. Научный вестник. 2015. № 4 (6). С. 121–125. DOI: 10.17117/nv.2015.04.121.
8. Отчет о работе Арбитражного суда Ростовской области в 2018 году (в первой инстанции) [Электронный ресурс]. URL: <http://rostov.arbitr.ru/files/pdf/2018.pdf> (дата обращения: 14.05.2019).
9. Фугин В. В. Роль институтов в управлении развитием региона. Горизонты экономики. 2012. № 3. С. 99–101.
10. Региональный фонд развития промышленности Ростовской области [Электронный ресурс]: официальный сайт. URL: <https://frp61.ru/o-fonde/> (дата обращения: 16.05.2019).
11. Информация о деятельности Гарантийного фонда Ростовской области за 2018 год [Электронный ресурс]. URL: <http://dongarant.ru/about/otchetnaya-informacziya/informacziya-o-deyatelnosti-fonda> (дата обращения: 16.05.2019).
12. Любовина Г. П. Региональная лизинговая компания профинансировала заявки на приобретение техники и оборудования в лизинг [Электронный ресурс] // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <http://www.donland.ru/news/Regionalnaya-lizingovaya-kompaniya-profinansirovala-zayavki-na-priobretenie-tekhniki-i-oborudovaniya-v-lizing?pageid=92218&mid=83793&itemId=86836> (дата обращения: 16.05.2019).
13. Структура валового регионального продукта Ростовской области [Электронный ресурс] // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/activity/2592/> (дата обращения: 21.05.2019).
14. Абрамян Г. А. Финансовая устойчивость как ключевой фактор привлечения заемных средств предприятиями в условиях волатильности на финансовых рынках // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2-2. С. 136–139.

References

1. Mishchenko K. N., Eletskiy A. N. Analiz potentsiala i perspektiv innovatsionnogo razvitiya regiona v usloviyakh globalizatsii mirovoy ekonomiki (na primere Rostovskoy oblasti) [An analysis of the regional innovation development potential and prospects under the world economy globalization: Some evidence from the Rostov Oblast]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, 2018, vol. 16, no. 12 (459), pp. 2335–2348. DOI: 10.24891/re.16.12.2335.
2. *Activities of development institutions*. Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Available at: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/instdev/institute/>. Accessed 07.05.2019. (in Russ.).
3. Seleznev A. Z. *Konkurentnye pozitsii i infrastruktura rynka Rossii* [Competitive positions and market infrastructure]. Moscow: Yurist, 1999. 384 p.
4. Rybkina A. S., Eletskiy A. N., Abramyan G. A. Tsentry sinergeticheskogo rosta kak imperativ sovershenstvovaniya regional'noy sotsial'no-ekonomicheskoy politiki [The centers of synergistic growth as an imperative of improvement of the regional socio-economic policy]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 2017, no. 4 (98), p. 2. Available at: <http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/4324-2017-04-04-06-52-42>. Accessed 25.05.2019.
5. Shevchenko D. A. Regional'nye instituty finansovoy podderzhki malogo i srednego biznesa [Regional institutions of financial support for small and medium-sized businesses]. In: *Modernizatsiya rossiyskoy ekonomiki: prognozy i real'nost'*. Sb. tr. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Modernization of the Russian economy: Forecasts and reality. Proc. Int. sci.-pract. conf.]. St. Petersburg: SPb. Univ. of Management Technologies and Economics, 2018, pp. 288–294.

6. Zotova A. I., Brednev V. A. Transformatsiya instrumentov zaemnogo finansirovaniya real'nogo sektora rossiyskoy ekonomiki [Transformation of debt financing instruments of the real sector of the Russian economy]. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskiy zhurnal*, 2018, no. 6 (144), pp. 124–127.
7. Protasov D. N. Analiz ispol'zovaniya kreditno-investitsionnykh resursov promyshlennogo predpriyatiya pri razlichnykh usloviyakh kreditovaniya [Analysis of the use of credit and investment resources of an industrial enterprise under various lending conditions]. *Nauchnyy vestnik*, 2015, no. 4 (6), pp. 121–125. DOI: 10.17117/nv.2015.04.121.
8. *Report on the work of the Arbitration Court of the Rostov Region in 2018 (in the first instance)*. Available at: <http://rostov.arbitr.ru/files/pdf/2018.pdf>. Accessed 14.05.2019. (in Russ.).
9. Fugin V. V. Rol' institutov v upravlenii razvitiem regiona [The role of institutions in regional development management]. *Gorizonty ekonomiki*, 2012, no. 3, pp. 99–101.
10. *Official website of the Regional Fund for Industrial Development of the Rostov Region*. Available at: <https://frp61.ru/o-fonde/>. Accessed 16.05.2019. (in Russ.).
11. *Information on the activities of the Guarantee Fund of the Rostov Region for 2018*. Available at: <http://dongarant.ru/about/otchetnaya-informacziya/informacziya-o-deyatelnosti-fonda>. Accessed 16.05.2019. (in Russ.).
12. Lyubovina G. P. *Regional leasing company funded applications for the purchase of machinery and equipment for leasing*. Official portal of the Government of the Rostov Region. Available at: <http://www.donland.ru/news/Regionalnaya-lizingovaya-kompaniya-profinansirovala-zayavki-na-priobretenie-tehniki-i-oborudovaniya-v-lizing?pageid=92218&mid=83793&itemId=86836>. Accessed 16.05.2019. (in Russ.).
13. *The structure of the gross regional product of the Rostov Region*. Official portal of the Government of the Rostov Region. Available at: <https://www.donland.ru/activity/2592/>. Accessed 21.05.2019. (in Russ.).
14. Abramyan G. A. Finansovaya ustoychivost' kak klyuchevoy faktor privlecheniya zaemnykh sredstv predpriyatiyami v usloviyakh volatil'nosti na finansovykh ryunkakh [Financial stability as a key factor in attracting borrowed funds by enterprises in conditions of volatility in the financial markets]. *Tavricheskiy nauchnyy obozrevatel'*, 2015, no. 2-2, pp. 136–139.

АДАПТАЦИЯ ADM МЕТОДА СТАНДАРТА TOGAF К РАЗРАБОТКЕ И ВНЕДРЕНИЮ АРХИТЕКТУРНЫХ РЕШЕНИЙ В СФЕРЕ СЕТЕВОГО FMCG-РИТЕЙЛА

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-97-107

УДК 004.42

Воронова Ольга Владимировна

*доцент Высшей школы сервиса и торговли Института промышленного менеджмента,
экономики и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого,
кандидат экономических наук, доцент*

195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29, e-mail: ilina.olga@list.ru

Ильин Игорь Васильевич

*директор Высшей школы управления и бизнеса Института промышленного менеджмента,
экономики и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого,
доктор экономических наук, профессор*

195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29, e-mail: ivi2475@gmail.com

Исследование направлено на адаптацию Architecture Development Method (ADM) метода стандарта TOGAF к разработке и внедрению архитектурных решений в сфере сетевого FMCG-ритейла.

Цель. Адаптировать ADM метод стандарта TOGAF к разработке и внедрению архитектурных решений в сфере сетевого FMCG-ритейла.

Задачи. В рамках исследования необходимо сформулировать определение архитектуры сетевого ритейла FMCG-сегмента, выявить уровни детализации архитектурных решений, разработать модель базовой архитектуры, а также рассмотреть процесс перехода от базовой к целевой архитектуре. Для построения эффективного архитектурного решения сетевых предприятий FMCG-ритейла ADM методом необходимо создать функциональную модель, а также выделить группы архитектурных областей для последовательного построения архитектур.

Методология. Под архитектурой сетевого ритейла FMCG-сегмента следует понимать эффективный инструмент планирования, который объединяет IT-архитектуру розничной торговой сети с бизнес-архитектурой и позволяет обеспечить достижение стратегических целей сетевого ритейла. Разработка архитектурного решения дает возможность определить структуру бизнеса, систематизировать информацию для его эффективного ведения, построить карту бизнес-процессов организации и выявить актуальные технологии для их поддержания. Предварительная фаза построения архитектуры начинается с формирования бизнес-концепции сетевой компании, в основе которой находится бизнес-модель. Начиная с предварительной фазы, рабочая группа запускает какой-либо архитектурный проект, проводит его по всем фазам, от первого до последнего этапа, затем осуществляется запуск следующего проекта.

Результаты. ADM TOGAF не предполагает обязательных методов планирования, в соответствии с чем результат во многом зависит от мнения рабочей группы. В процессе деятельности на базе ADM TOGAF особое внимание уделяется анализу факторов, влияющих на внедрение и планируемые изменения. Важные составляющие разработки — архитектурные блоки и архитектурная дорожная карта. После анализа различий архитектурных моделей базовой и целевой архитектуры (GAP-анализ) необходимо выявить переходящие, исключаемые и вводимые архитектурные блоки, установить и согласовать схожие требования по схожим бизнес-процессам, уточнить риски и разработать стратегию внедрения целевой архитектуры. В процессе принятия решений следует уделить особое внимание приоритетности выбранных архитектурных решений, формированию транзитных архитектур (при необходимости), а также созданию плана внедрения архитектурной дорожной карты сетевого ритейла FMCG-сегмента.

Выводы. В условиях реинжиниринга бизнес-процессов сетевых розничных компаний наиболее прочной основой для построения архитектурных решений ADM методом становится функциональная модель компании. Предлагаемая адаптация ADM на базе функциональной модели существенно повысит эффективность процессов разработки и управления развитием архитектуры предприятий сетевого ритейла FMCG-сегмента.

Ключевые слова: Architecture Development Method (ADM), TOGAF, архитектура предприятия, бизнес-архитектура, бизнес-процесс, IT-процесс, бизнес-стратегия, IT-стратегия, архитектура информационных систем, функциональная модель, FMCG-ритейл.

Для цитирования: Воронова О. В., Ильин И. В. Адаптация ADM метода стандарта TOGAF к разработке и внедрению архитектурных решений в сфере сетевого FMCG-ритейла // Экономика и управление. 2019. № 7 (165). С. 97–107. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-97-107.

ADAPTING TOGAF ADM TO THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF ARCHITECTURAL SOLUTIONS IN FMCG CHAIN RETAILING

Ol'ga V. Voronova

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Politekhnikeskaya St. 29, St. Petersburg, Russian Federation, 195251, e-mail: ilina.olga@list.ru*

Igor' V. Il'in

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Politekhnikeskaya St. 29, St. Petersburg, Russian Federation, 195251, e-mail: ivi2475@gmail.com*

The presented study adapts the TOGAF *Architecture Development Method* (ADM) to the development and implementation of architectural solutions in FMCG chain retailing.

Aim. The study aims to adapt TOGAF ADM to the development and implementation of architectural solutions in FMCG chain retailing.

Tasks. The authors formulate a definition of FMCG chain retailing architecture, determine the detail levels of architectural solutions, develop a basic architecture model, and examine the transition from the basic towards the target architecture. Building an efficient architectural solution for FMCG chain retailing enterprises using ADM requires creating a functional model and identifying groups of architectural areas for consistent architecture construction.

Methods. The architecture of FMCG chain retailing is an efficient planning tool that combines the IT architecture of chain retailing with business architecture and makes it possible to achieve the strategic objectives of chain retailing. By developing an architectural solution, it becomes possible to determine business structure, systematize information for efficient business operations, build a map of the company's business processes, and identify appropriate technologies to support these processes. The preliminary phase of building an architecture begins with the development of the business concept of a chain retailing company based on a business model. Starting with the preliminary phase, the working group launches an architecture project, goes through all the phases from the first stage to the last, and then launches the next project.

Results. ADM TOGAF does not necessarily involve planning methods, which is why the result largely depends on the opinion of the working group. During TOGAF ADM activity, particular attention should be paid to the analysis of factors that affect the implementation and planned changes. Architecture blocks and architecture roadmap are two important elements of the development process. After analyzing the differences between the basic and the target architecture models (gap analysis), it is necessary to identify transient, excludable, and input architecture blocks, set and harmonize similar requirements for similar business processes, specify risks, and develop a strategy for the implementation of the target architecture. When making decisions, special attention should be paid to the priority of the chosen architectural solutions, formation of transit architectures (if necessary), and development of a plan for the implementation of the architectural roadmap in FMCG chain retailing.

Conclusions. In the context of reengineering business processes of chain retailing companies, the most solid basis for building architectural solutions using ADM would be the company's functional model. The proposed ADM adaptation on the basis of the functional model significantly increases the efficiency of development and management of architecture development for FMCG chain retailing companies.

Keywords: *Architecture Development Method (ADM), TOGAF, enterprise architecture, business architecture, business process, IT process, business strategy, IT strategy, information system architecture, functional model, FMCG retailing.*

For citation: Voronova O. V., Il'in I. V. Adaptatsiya ADM metoda standarta TOGAF k razrabotke i vnedreniyu arkhitekturnykh resheniy v sfere setevogo FMCG-riteyla [Adapting TOGAF ADM to the Development and Implementation of Architectural Solutions in FMCG Chain Retailing]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 7 (165), pp. 97–107 (in Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-7-97-107.

В настоящее время в Российской Федерации (РФ) наблюдается зависимость основных показателей деятельности сетевого ритейла FMCG-сегмента от экономической ситуации. Так, если в 2015 и 2016 гг. вследствие умеренного внутреннего кризиса оборот отрасли существенно снизился, то в 2017 и 2018 гг. зафиксирован его незначительный рост. Однако в соответствии

с аналитическими данными Минэкономразвития даже при планируемом увеличении оборота в целом по отрасли в 2019 г. темпы его роста ожидаются значительно ниже, чем в докризисные годы (например, 6 % — с 2010 по 2012 г., 3,9 % — в 2013 г.). В этих сложных условиях сетевой ритейл FMCG-сегмента вынужден оперативно реагировать на IT-новации, поскольку

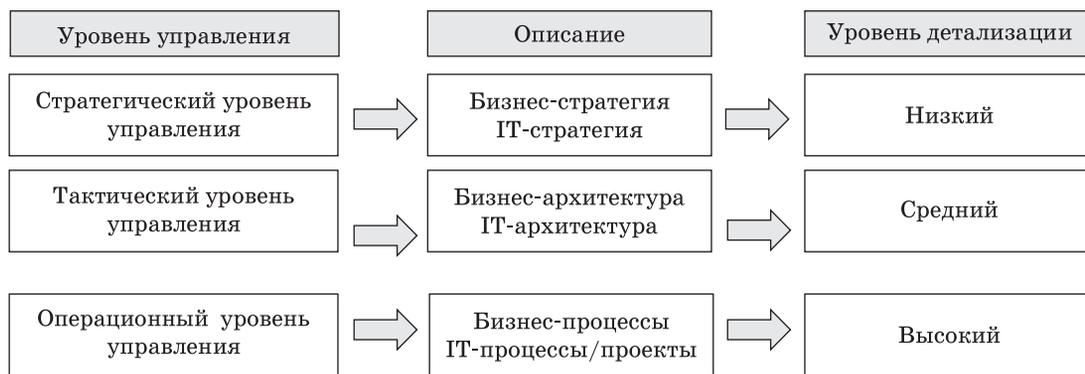

Рис. 1. Уровни управления сетевым ритейлом

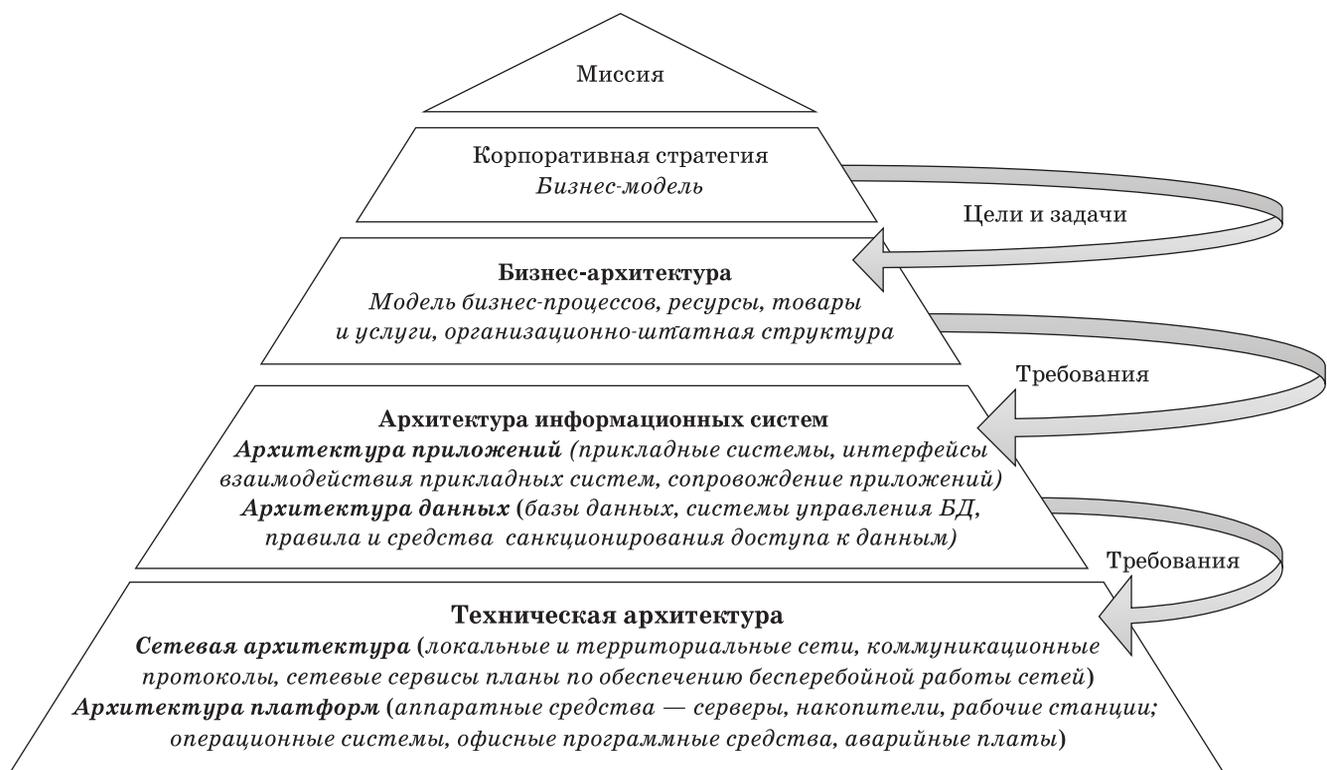

Рис. 2. Представление архитектуры сетевого ритейла

отрасль зависима от информационных технологий. Для достижения такого очевидного бизнес-эффекта, как снижение затрат или увеличение прибыли от внедрения IT-ресурсов, руководители сетевых розничных компаний начинают осознавать необходимость построения и управления развитием архитектуры сетевого ритейла [1]. Этому способствует сложность оценки эффективности IT-технологий и IT-службы.

Последние пятнадцать лет крупные современные розничные сети стабильно увеличивают долю на рынке, постепенно вытесняя малый бизнес, особенно в крупных городах в европейской части России. Распространенность разнообразных ритейл-форматов (гипермаркетов, супермаркетов, онлайн-магазинов и пр.) дает основания признать, что 68 % российского рынка соответствует современным мировым стандартам розничной индустрии [2]. В этих

условиях построение архитектуры предприятия становится приоритетной задачей для стейкхолдеров сетевого ритейла, поскольку поддерживать гармоничное развитие компании на всех уровнях управления становится достаточно сложно. На рисунке 1 представлены уровни управления сетевым ритейлом с позиции построения бизнес-архитектуры [3].

Существуют различные определения понятия «архитектура предприятия», но ключевым является понимание концепции архитектурного решения в качестве результата поиска некоторого целостного подхода, обеспечивающего взгляд на организацию как на единую систему. Под архитектурой сетевого ритейла FMCG-сегмента следует понимать эффективный инструмент планирования, который объединяет IT-архитектуру розничной торговой сети с бизнес-архитектурой и обеспечивает достижение стратегических це-

Рис. 3. Уровни детализации архитектуры предприятия

лей сетевого ритейла. Разработка архитектурного решения позволяет определить структуру бизнеса, систематизировать информацию для его эффективного ведения, построить карту бизнес-процессов организации и выявить актуальные технологии для их поддержания [4]. Таким образом, архитектура предприятия является своего рода связующим звеном между бизнесом и IT-технологиями и дает возможность разработки плана развития IT исходя из общей стратегии бизнеса, что находит отражение на рисунке 2.

В зависимости от целей построения того или иного архитектурного решения на практике возможна проработка ряда областей архитектуры с разной степенью детализации. В некоторых случаях это приводит к существенной экономии времени и финансовых вложений. Тем не менее с учетом долгосрочной перспективы целесообразнее вести работу на определенном уровне детализации по всем областям архитектуры, особенно в условиях необходимости формирования общей стратегии сетевого ритейла. Уровни детализации архитектуры предприятия представлены на рисунке 3 [3].

Если архитектура описывает компанию в целом, то при разделении организации на сегменты учитываются специфические особенности и требования подразделений или направлений деятельности. В аспекте архитектурных решений рассматривается архитектура соответствующего IT-решения. Такой уровень детализации активно используется как для доработки существующих, так и для реализации принципиально новых IT-решений.

Адаптация ADM метода стандарта TOGAF на основе функциональной модели к разработке и управлению развитием архитектуры сетевого ритейла

В настоящее время управление архитектурой сетевых предприятий с помощью TOGAF ADM только начинает получать распространение в сфере розничной торговли FMCG-сегмента.

В структуру TOGAF входят два основных компонента: методика ADM (Architecture Development Method), определяющая процесс разработки архитектуры, и базовая архитектура TOGAF (Foundation Architecture TOGAF) [5]. Модель дополняется соответствующей базой данных ресурсов, включающей описания архитектурных принципов и примеров реализации. Процессы создания и развития, управления изменениями и контроля реализации архитектурных решений интегрированы в единый архитектурный цикл, представленный на рисунке 4 [5].

Architecture Development Method — это метод развития архитектуры предприятия. При построении архитектуры сетевой компании возможна адаптация ADM метода стандарта TOGAF к разработке и внедрению архитектурных решений в сфере сетевого FMCG-ритейла. Модель разработки базовой архитектуры сетевого ритейла, а также процесс перехода от базовой к целевой архитектуре на стратегическом уровне отражена на рисунке 5.

Принимая решение о разработке и внедрении архитектуры предприятия на основании методологии TOGAF в сетевом ритейле, необходимо создать группу разработчиков, в состав которой включаются все основные стейкхолдеры (заинтересованные лица), а также представители IT-служб предприятия. В сформированную группу могут входить приглашенные консультанты, специализирующиеся на адаптации ADM метода при внедрении архитектурных решений.

Как показано на рисунке 4, ADM включает в себя десять этапов. Согласно TOGAF, начиная с предварительной фазы, рабочая группа запускает какой-либо архитектурный проект, проводит его по всем фазам, от первого до последнего этапа, после чего производится запуск следующего проекта. Предварительная фаза построения архитектуры начинается с формирования бизнес-концепции сетевой компании, в основе которой лежит бизнес-модель [3]. Поскольку ADM имеет возможность адаптации ввиду требований тех или иных компаний,

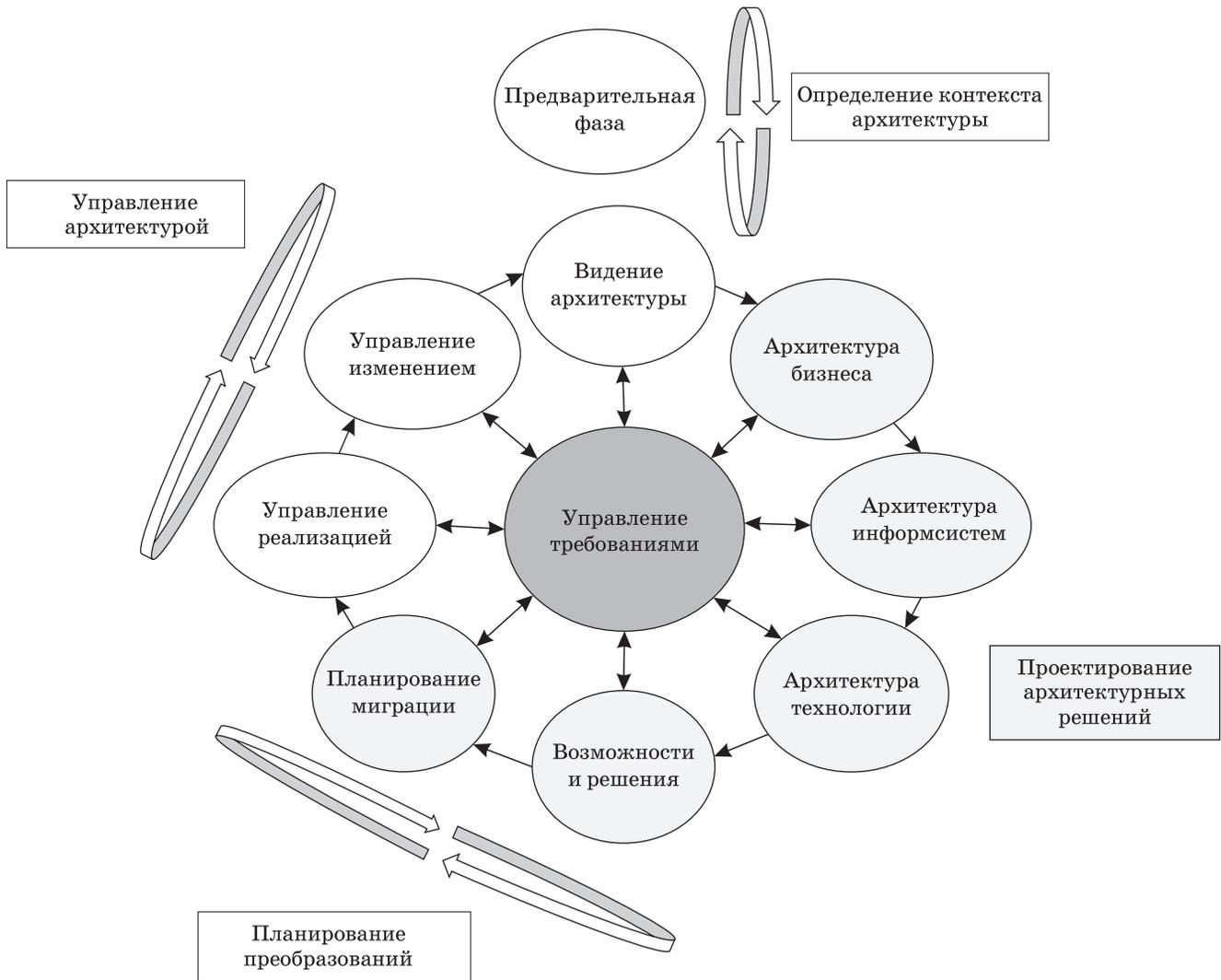

Рис. 4. Метод развития архитектуры (Architecture Development Method, ADM)

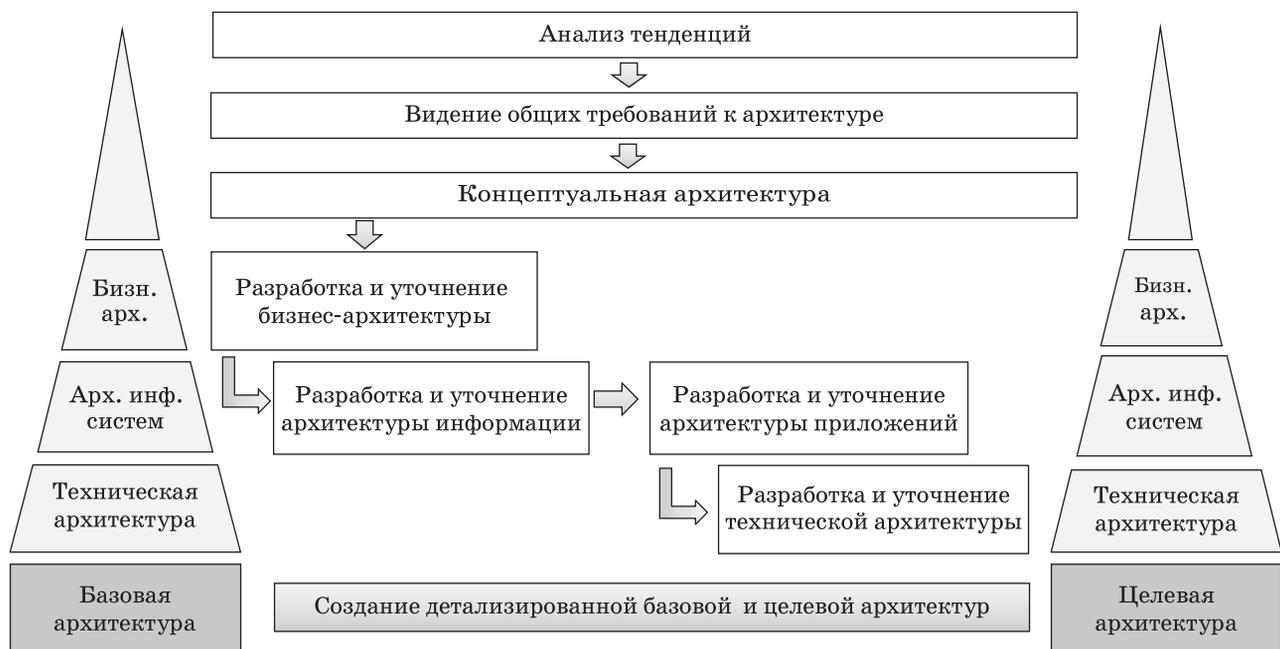

Рис. 5. Модель процесса разработки и использования архитектуры сетевого ритейла

реализуется преимущество вести работу параллельно по нескольким архитектурным проектам. При этом в каждом проекте возможна

работа над разными сегментами архитектуры или изменениями в бизнесе. Помимо этого, использование ADM позволяет в процессе работы

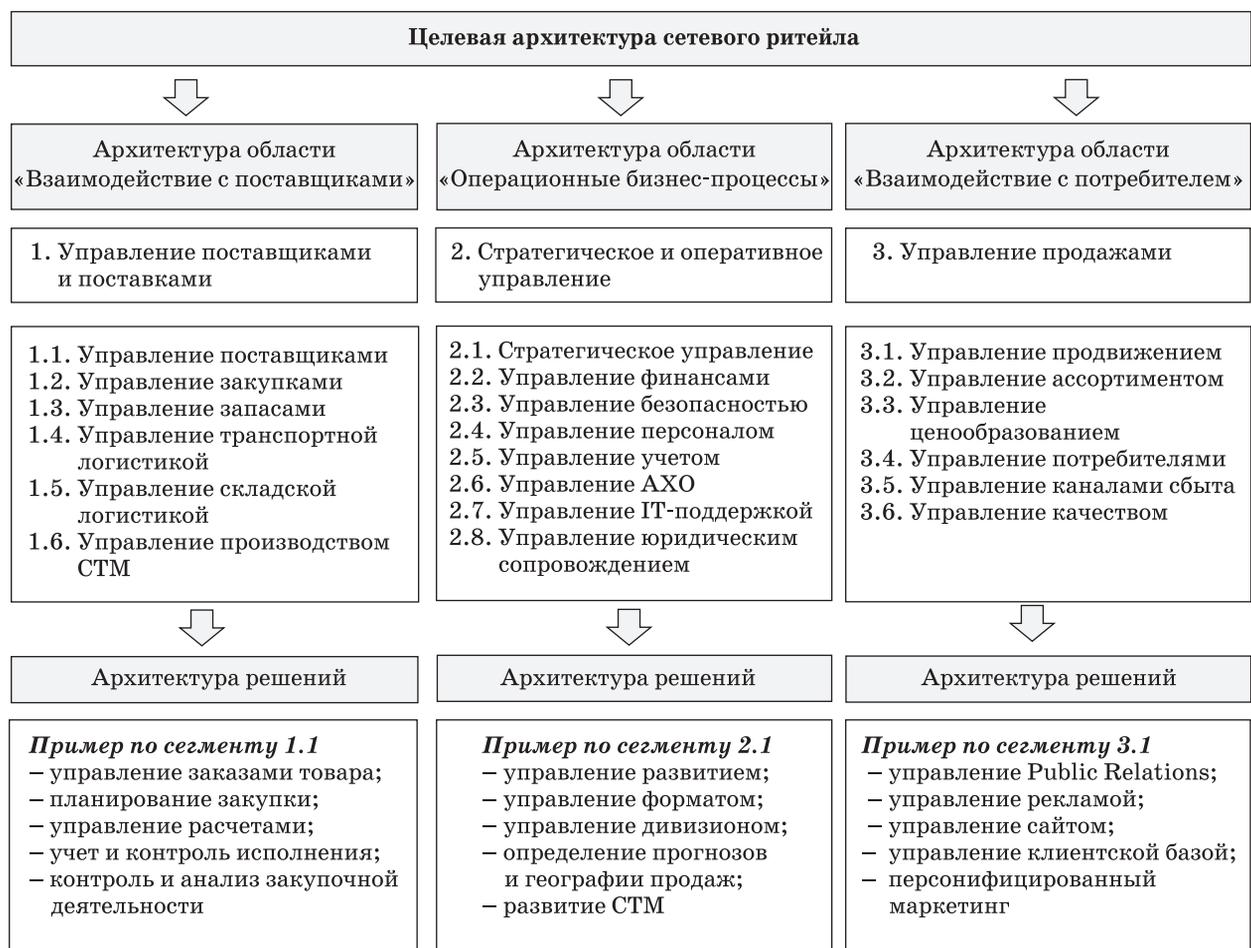

Рис. 6. Функциональная модель сетевого ритейла FMCG-сегмента

над архитектурным проектом при необходимости возвращаться к какой-либо из фаз для уточнения и более детального исследования.

Архитектура сетевого ритейла FMCG-сегмента должна быть разработана на всех уровнях детализации. Для построения эффективного архитектурного решения розничных сетевых предприятий целесообразно создать функциональную модель, выделив в ней три группы архитектурных областей для последовательного построения архитектур. К ним следует отнести:

- взаимодействие с поставщиками (основная функция — управление поставщиками и поставками): управление поставщиками; управление закупками; управление запасами; управление транспортной логистикой; управление складской логистикой; управление производством СТМ;
- операционные бизнес-процессы (основная функция — стратегическое и оперативное управление): стратегическое управление; управление финансами; управление безопасностью; управление персоналом; управление учетом; управление АХО; управление IT-поддержкой; управление юридическим сопровождением;
- взаимодействие с потребителем (основная функция — управление продажами): управление продвижением; управление ассор-

тиментом; управление ценообразованием; управление потребителями; управление каналами сбыта; управление качеством.

Современные исследователи предлагают три подхода к построению архитектуры предприятия, каждый из которых является в равной степени релевантным: от бизнес-стратегии к архитектурным решениям (сверху вниз); от архитектурного решения сегмента (архитектурной области, как указано на рисунке 6); от базовых архитектурных решений к бизнес-стратегии (снизу вверх).

Первый подход (от стратегической архитектуры к архитектурным решениям) остается достаточно распространенным, поскольку дает возможность определить концепцию развития сетевого ритейла и транслировать все выбранные подходы и методы управления на уровень самостоятельных архитектурных сегментов, что позволяет придерживаться общих принципов развития компании [6]. Однако из-за негативного опыта крупных комплексных IT-внедрений ряда ритейлеров доверие к этому подходу несколько снизилось. В первую очередь это связано с тем, что розничные сетевые компании не получили тех возможностей и опций, на которые рассчитывали.

Подход к построению архитектуры «от сегмента» применяется, как правило, в тех случаях, когда необходимо быстро решить пробле-

Рис. 7. Адаптация ADM метода стандарта TOGAF на основе функциональной модели к разработке и управлению развитием архитектуры сетевого ритейла

мы, возникающие в каком-либо подразделении, а также в случае, если компания не готова к крупномасштабным внедрениям архитектуры. Данный метод может применяться при запуске нового направления бизнеса. Например, X5 Retail Group запустил онлайн-продажи в апреле 2017 г., открыв интернет-магазин супермаркетов «Перекресток» в Москве. Проект продолжает свое развитие, и осенью 2018 г. был открыт интернет-магазин «Перекресток» и в Санкт-Петербурге [2].

В сложившихся экономических условиях в сфере розничной сетевой торговли широкое распространение получает третий подход к построению архитектуры «снизу вверх». Одним из основных требований к разработке становится короткий срок выполнения работ, т. е. компания-разработчик создает минимальный продукт — Minimum Viable Product, MVP). Предприятие сетевого ритейла адаптирует его самостоятельно, используя возможности собственных ИТ-служб (либо разработчиков продукта). В модели MVP применяются гибкие методологии разработки, в том числе agile-подход, разработка части продукта силами выделенной команды (scrum-команды) с коротким сроком исполнения и приемкой работ. При таком подходе уменьшаются риски, появляется возможность быстро оценить, как решение работает на практике, выявить ошибки и внести соответствующие коррективы. В этом случае ИТ-услуги становятся быстрыми в реализации: если более крупные проекты требуют от 8 до 14 месяцев на внедрение, то в модели MVP срок может быть сокращен до 3–6 месяцев.

Одним из ведущих факторов, определяющих конкурентное преимущество крупных сетевых

компаний FMCG-сегмента, становится эффективная организация бизнес-процессов. Под воздействием различных внешних и внутренних факторов, провоцирующих реинжиниринг бизнес-процессов, организационная структура может изменяться. В этих условиях идеальной основой для построения архитектурных решений ADM методом служит функциональная модель компании как наиболее устойчивая часть системы. С учетом изложенного при принятии решения о построении архитектуры предприятия ADM методом на основе функциональной модели и при наличии необходимых финансовых, трудовых и временных ресурсов предпочтителен первый подход «сверху вниз», поскольку только в случае его применения формируется целостное видение организации. Последнее позволяет избежать в дальнейшем финансовых и временных потерь на согласование и адаптацию ряда архитектурных сегментов, как видно на рисунке 7.

Для построения базовой архитектуры предприятия сетевого ритейла FMCG-сегмента необходимо последовательно рассмотреть все три уровня (бизнес-архитектуру, архитектуру информационных систем, техническую архитектуру) с учетом реального положения дел сетевой компании. Функции, взаимосвязи, бизнес-процессы, действующие на момент обследования, целесообразно установить на всех уровнях детализации и задокументировать [7]. Проанализируем последовательно некоторые особенности построения архитектуры предприятия сетевого ритейла.

Бизнес-архитектура предприятия сетевого ритейла прорабатывается отдельно по трем группам архитектурных сегментов, пред-

ставленным на рисунке 7. В рамках каждой группы выделены архитектурные сегменты, классифицированные по виду выполняемых теми или иными подразделениями задач [8]. По каждому сегменту необходимо построить подробные карты бизнес-процессов, которые классифицируются по видам деятельности. Целесообразно сгруппировать их следующим образом: процессы управления; процессы развития; основные процессы; вспомогательные процессы. Архитектура информационных систем сетевого ритейла прорабатывается отдельно по тем же трем группам архитектурных сегментов, представленным на рисунке 6.

В рамках каждого сегмента рассматривается архитектура данных и архитектура приложений. Приведем в качестве примера архитектурный сегмент 1.4 «Управление складской логистикой», о чем свидетельствует рисунок 6. На современном этапе распределительные центры сетевого ритейла FMCG-сегмента имеют довольно высокий уровень автоматизации с точки зрения оборудования и с позиции систем управления. В первую очередь это объясняется спецификой розничной торговли, для которой характерны мелкоштучный и штучный отбор, высокая интенсивность хранения, ASN-приемка, а также штучный учет продукции из-за необходимости введения обязательной маркировки ряда категорий товаров. Для сетевого ритейла FMCG-сегмента распределительный центр является высокочрезвычайно затратным подразделением, требующим постоянного совершенствования складских процессов [2]. Как правило, основные складские операции, в частности приемка, размещение, внутренние перемещения, пересчет, планирование заказов, отбор, пополнение зоны отбора, упаковка, отгрузка, погрузка в автотранспорт, в той или иной степени автоматизированы у большинства компаний сетевого ритейла. Однако такие разработки, как применение математических методов для моделирования склада, внедрение систем мониторинга и полная роботизация применяются в сетевой торговле крайне редко.

Системные интеграторы складских WMS-систем предлагают программы, связанные с повышением эффективности управления складскими запасами, рабочей силой, пространством и оборудованием. Например, для автоматизации и управления складскими процессами в сети «Верный» выбрали WMS-решение Infor SCE в сочетании с системой голосового отбора Vocollect от компании Honeywell (интегратором проекта выступила компания «ЛТ Менеджмент»). В рамках проекта решение развернуто в трех крупнейших распределительных центрах сети «Верный», суммарная площадь которых составляет более 110 тыс. кв. м. Внедрение этих алгоритмов, а также современного оборудования для

комплектации (электрических тележек, ролл-кейджей) и системы голосового отбора Vocollect способствовало значительному снижению потерь в процессах комплектации и пополнения. Функциональные возможности автоматизированных учетных систем сетевого ритейла постоянно расширяются. Актуальной тенденцией развития становится интеграция WMS-систем с высокотехнологичным оборудованием, в частности системы оптимизации погрузки палет в автотранспорт, системы измерения ВГХ-груза, системы видеонаблюдения, складо-автоматы и сортировщики палет, AGV, дроны и т. д.

Очевидна еще одна тенденция сетевого ритейла, которую нельзя не учитывать при построении архитектуры: поставщики WMS создают единые платформы уровня «исполнение цепей поставок» (Supply Chain Execution, SCE) и шире — «управление цепями поставок» (Supply Chain Management, SCM). На рынке отмечается появление модели продаж по технологии SaaS (Software as a Service), когда программное обеспечение выступает как услуга сторонней организации. Все эти изменения требуют внедрения новых механизмов в автоматизированные системы управления. Помимо внедрения учетных систем (как правило, ритейлеры применяют ERP или WMS), компании сетевого ритейла FMCG-сегмента начинают рассматривать математические методы с целью их дальнейшего применения для построения модели склада и складских процессов. Построение модели позволяет создавать идеальную картину склада, предиктивно смотреть на процессы, не только внутренние, но и внешние (складской двор, грузовые потоки между складами, перевозка из центрального hub на локальные и т. д.). Однако сегодня методами моделирования в Российской Федерации пользуются не более 10–15 % складских центров. Не получили еще достаточного распространения системы мониторинга и трекинга.

Технологическая архитектура сетевого ритейла прорабатывается отдельно по тем же трем группам архитектурных сегментов, представленным на рисунке 7. В рамках каждого сегмента необходимо учитывать все требования, предъявляемые архитектурой информационных систем к сетям, сервисам и аппаратным средствам. Подход ADM на базе функциональной модели позволяет построить архитектурный процесс на предприятиях сетевого ритейла от запуска проекта до получения результатов. При этом варианте адаптации ADM основное внимание на первоначальном этапе следует уделять бизнес-архитектуре. В рамках бизнес-архитектуры компании изменения могут быть выражены в образовании и изменении организационной структуры, архитектурных сегментов или бизнес-процессов.

Рис. 8. Пример оценки факторов, влияющих на построение архитектурного решения

В соответствии с ADM для всех уровней целесообразно создать описание базовой и целевой архитектуры, а также проанализировать выявленные расхождения. Следует заметить, что изменения бизнес-архитектуры предприятия обусловлены не столько желаниями стейкхолдеров, сколько быстрым изменениями потребительского рынка [9]. В этих условиях существенно меняется роль ритейлера FMCG-сегмента в процессе предоставления конечных услуг потребителям. Информационные технологии приобретают гораздо большую значимость, в различных направлениях деятельности происходит рефакторинг существующих систем, переход от монолитных систем к микросервисам. На уровне архитектуры информационных систем изменения могут выражаться в появлении новых приложений, определенного программного обеспечения, поддержке баз данных и пр. [10]. Все изменения на уровне технологической архитектуры являются, как правило, следствием изменения архитектуры информационных систем под новые требования бизнеса. Это могут быть каналы передачи данных, вычислительные мощности, инфраструктура хранения данных, инфраструктурные сервисы, эквайринговые POS-терминалы для приема оплаты банковскими картами и пр.

ADM TOGAF не предполагает обязательных методов планирования, в соответствии с чем результат во многом зависит от мнения рабочей группы. В процессе работы на базе ADM TOGAF особое внимание уделяется анализу факторов, влияющих на внедрение и планируемые изменения. Данная информация собирается, анализируется и систематизируется в виде отдельных документов [11]. Важными составляющими разработки являются архитектурные блоки и архитектурная дорожная карта. После анализа различий архитектурных моделей базовой и целевой архитектуры (гар-анализ) необходимо выявить переходящие, исключаемые и вводимые архитектурные блоки, выявить и согласовать схожие требования по схожим бизнес-процессам, уточнить риски и разработать стратегию внедрения целевой архитектуры. В процессе принятия решений следует уделить особое внимание приоритетности выбранных архитектурных решений, формированию транзитных архитектур (при необходимости), а также созданию плана внедрения архитектурной дорожной карты сетевого ритейла FMCG-сегмента.

На рисунках 8 и 9 представлены примеры оценки факторов, влияющих на построение

Рис. 9. Пример элементов модели планируемых изменений архитектуры сетевого ритейла FMCG-сегмента

архитектурного решения сетевого ритейла FMCG-сегмента на базе функциональной модели, а также варианты планируемых изменений, в том числе исключаемые блоки базовой архитектуры и внедряемые архитектурные блоки целевой архитектуры. Особое внимание при разработке архитектурных решений для сетевого ритейла FMCG-сегмента на базе функциональной модели следует обратить на сроки внедрения проектов. Если в других отраслях на стратегическом уровне срок внедрения, как правило, составляет три и более года, то для решения задач сетевого ритейла срок значительно сокращается. Это связано в первую очередь со спецификой отрасли, для которой такие явления, как слияние и поглощения других компаний, выступают частью концепции развития. Помимо этого, причины разработки архитектурных решений (выпуск новых товаров и запуск новых направлений бизнеса), также требуют сокращения срока внедрения архитектурных решений для получения результата.

В условиях нестабильного развития рынка при разработке архитектурных решений сетевого ритейла целесообразным будет построение нескольких вариантов архитектуры компании (для стабильной экономической ситуации, для кризисной ситуации, для активного развития отрасли). В настоящее время ADM TOGAF, как методика разработки архитектурного решения, становится одним из наиболее распространенных инструментов управления изменением архитектуры предприятий и требует адаптации для сетевого ритейла.

Предлагаемая для сетевого ритейла FMCG-сегмента адаптация ADM на базе функциональной модели повысит эффективность процессов разработки базовой и перехода к целевой архитектуре. Для повышения качества разработки архитектурных решений с применением ADM TOGAF на базе функциональной модели необходимо принимать во внимание зависимости между элементами архитектуры на различных уровнях детализации, а также оценивать различные варианты дорожных карт.

Литература

1. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 27.04.2019).
2. Обзор и прогноз для рынка розничной торговли России в 2018–2019 гг. [Электронный ресурс] // Promdevelop.ru. 2018. 10 окт. URL: <https://promdevelop.ru/obzor-rynka-rozничной-torgovli-v-2018-2019-v-rossii/> (дата обращения: 25.05.2019).
3. Коротков А. Архитектура предприятия: как заставить ИТ работать на вашу компанию? [Электронный ресурс]. URL: http://andrey-korotkov.ru/wp-content/uploads/2013/02/andrey-korotkov.ru_Enterprise_architecture.pdf (дата обращения: 27.03.2019).
4. Lankhorst M. *Enterprise Architecture at Work: Modelling, Communication and Analysis*. Berlin: Springer-Verlag, 2009. 338 p.
5. *The Open Group Architecture Framework (TOGAF), version 9* // The Open Group. URL: <https://www.up.ac.za/media/shared/Legacy/sitefiles/file/44/1066/2018/8136/tempfolder/togaf9.pdf> (дата обращения: 27.03.2019).
6. Горелик В. И., Макаров С. М. Методология бизнес-анализа при построении архитектуры предприятия // Теория. Практика. Инновации. 2018. № 2 (26). С. 39–44.
7. Ефремова Л. И., Курганов А. Н. Архитектура предприятия как инструмент повышения эффективности деятельности экономического объекта // Огарёв-Online. 2017. № 2 (91). С. 3.
8. Ильин И. В., Запивахин И. М. Цифровая трансформация розничной торговли (ритейла): архитектурный подход // Прикладная информатика. 2018. Т. 13, № 5 (77). С. 5–11.
9. Воронова О. В., Ильин И. В. Агрегированная модель мотивационного расширения для построения архитектурных решений сетевого ритейла FMCG-сегмента // Экономика и управление. 2019. № 2 (160). С. 78–85.
10. Козин Е. Г., Ильин И. В., Левина А. И. Реинжиниринг ИТ-архитектуры предприятия на базе сервис-ориентированного анализа архитектуры предприятия // Перспективы науки. 2016. № 9 (84). С. 48–56.
11. Смирнов А. Б., Ильина О. В. Процесс систематизации информации для анализа бизнес-процессов в сфере торговли // Экономика и предпринимательство. 2017. № 2-2 (79). С. 523–527.

References

1. Program “Digital Economy of the Russian Federation”. Approved by order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 No. 1632-r. Available at: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>. Accessed 27.04.2019. (in Russ.).
2. Review and forecast for the Russian retail market in 2018-2019. Promdevelop.ru. 10 Oct., 2018. Available at: <https://promdevelop.ru/obzor-rynka-rozничной-torgovli-v-2018-2019-v-rossii/>. Accessed 25.05.2019. (in Russ.).
3. Korotkov A. *Enterprise architecture: How to make IT work for your company?* Available at: http://andrey-korotkov.ru/wp-content/uploads/2013/02/andrey-korotkov.ru_Enterprise_architecture.pdf. Accessed 27.03.2019. (in Russ.).
4. Lankhorst M. *Enterprise architecture at work: Modelling, communication and analysis*. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2009. 338 p.
5. *The Open Group Architecture Framework. TOGAF® Version 9*. The Open Group. Available at: <https://www.up.ac.za/media/shared/Legacy/sitefiles/file/44/1066/2018/8136/tempfolder/togaf9.pdf>. Accessed 27.03.2019.
6. Gorelik V. I., Makarov S. M. Metodologiya biznes-analiza pri postroenii arkhitektury predpriyatiya [Business analysis methodology for building enterprise architecture]. *Teoriya. Praktika. Innovatsii*, 2018, no. 2 (26), pp. 39–44.
7. Efremova L. I., Kurganov A. N. Arkhitektura predpriyatiya kak instrument povysheniya effektivnosti deyatel'nosti ekonomicheskogo ob'ekta [Enterprise architecture as a tool to improve the efficiency of the economic object]. *Ogarev-Online*, 2017, no. 2 (91), p. 3.
8. Il'in I. V., Zapivakhin I. M. Tsifrovaya transformatsiya roznichnoy trgovli (riteyla): arkhitekturnyy podkhod [Digital transformation of retail: An architectural approach]. *Prikladnaya informatika*, 2018, vol. 13, no. 5 (77), pp. 5–11.
9. Voronova O. V., Il'in I. V. Agregirovannaya model' motivatsionnogo rasshireniya dlya postroeniya arkhitekturnykh resheniy setevogo riteyla FMCG-segmenta [An aggregate motivation extension model for building architectural solutions for chain retailing in the FMCG segment]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 2 (160), pp. 78–85.
10. Kozin E. G., Il'in I. V., Levina A. I. Reinzhiniring IT-arkhitektury predpriyatiya na baze servis-orientirovannogo analiza arkhitektury predpriyatiya [IT-architecture reengineering using service-oriented analysis of the enterprise architecture]. *Perspektivy nauki*, 2016, no. 9 (84), pp. 48–56.
11. Smirnov A. B., Il'ina O. V. Protsess sistemativatsii informatsii dlya analiza biznes-protsessov v sfere trgovli [The process of systematization of information for the analysis of business processes in the field of trade]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, 2017, no. 2-2 (79), pp. 523–527.

ЛУЧШИМ ВЫПУСКНИКАМ СПБУТУиЭ ВРУЧИЛИ ДИПЛОМЫ С ОТЛИЧИЕМ

В 2019 г. Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики выпустил более 2 000 молодых специалистов. Среди них — 610 экономистов, 440 управленцев, 410 юристов, 350 менеджеров, 100 специалистов туристической индустрии, 60 лингвистов. 4 июля в Доме архитектора, особняке председателя Российского исторического общества А. А. Половцева, лучшим вручили дипломы с отличием.

Поздравить выпускников с важным событием пришли первый заместитель председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы РФ, доктор философских наук, академик РАО, почетный профессор СПбУТУиЭ О. Н. Смолин, заместитель председателя Законодательного собрания Ленинградской области, кандидат медицинских наук Н. И. Пустотин, председатель Комитета по науке и высшей школе Санкт-Петербурга, кандидат технических наук А. С. Максимов, глава Адмиралтейского района Санкт-Петербурга С. В. Штукова, Уполномоченный по правам человека в Ленинградской области С. С. Шабанов, руководитель отдела Санкт-Петербургского союза предпринимателей Ю. И. Аравидес, председатель Санкт-Петербургской ассоциации малого бизнеса в сфере потребительского рынка А. Н. Третьяков. Среди представителей научных кругов — почетные профессора СПбУТУиЭ: научный руководитель Института лингвистических исследований РАН, академик РАН Н. Н. Казанский, декан Юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, кандидат физико-математических наук, профессор С. А. Цыпляев, научный руководитель Института менеджмента и маркетинга РАНХиГС при Президенте РФ, доктор экономических наук, профессор О. Д. Проценко.

По традиции торжественная церемония началась со студенческого гимна «Гаудеамус». Представив почетных гостей, помощник проректора СПбУТУиЭ по воспитательной работе М. М. Дищенко передала слово для поздравления выпускников ректору СПбУТУиЭ, доктору экономических наук, доценту О. Г. Смешко. Слова благодарности также прозвучали в адрес преподавателей и сотрудников вуза, партнеров, которые обеспечивали студентов местами практики. О. Г. Смешко уверил выпускников, что двери Университета всегда для них открыты, что их ждут в магистратуре и аспирантуре, на курсах повышения квалификации. Временно исполняющий обязанности губернатора Санкт-Петербурга, доктор

экономических наук А. Д. Беглов на церемонии награждения лучших выпускников вузов Северной столицы объявил о старте программы «35х35»: по мнению градоначальника, 35 % работающих в органах управления должны быть не старше 35 лет. Депутат Государственной Думы РФ, специалист в области государственной образовательной политики О. Н. Смолин пожелал молодому поколению удачи в дальнейшей жизни. От имени временно исполняющего обязанности губернатора Санкт-Петербурга А. Д. Беглова выпускников поздравил председатель Комитета по науке и высшей школе Санкт-Петербурга А. С. Максимов, отметивший, что за время учебы в СПбУТУиЭ специалисты получили самое главное — знания, умения и компетенции.

Вместе с почетными гостями первый проректор СПбУТУиЭ С. В. Авдашкевич вручила выпускникам дипломы о высшем профессиональном образовании. Выпускники Института экономики, менеджмента и информационных технологий СПбУТУиЭ получили дипломы от главы Адмиралтейского района Санкт-Петербурга С. В. Штуковой. Будущим управленцам дипломы вручил научный руководитель Института менеджмента и маркетинга РАНХиГС при Президенте РФ О. Д. Проценко. Выпускникам юридического факультета дипломы вручили заместитель председателя Законодательного собрания Ленинградской области Н. И. Пустотин и декан Юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ С. А. Цыпляев. Н. И. Пустотин отметил, что учиться необходимо именно в таких университетах, как СПбУТУиЭ, а работать — в Ленинградской области, которая активно развивается во многом благодаря креативной молодежи. Председатель Санкт-Петербургской ассоциации малого бизнеса в сфере потребительского рынка А. Н. Третьяков и руководитель отдела Санкт-Петербургского союза предпринимателей Ю. И. Аравидес вручили дипломы выпускникам Института международных программ. Выпускникам Института гуманитарных и социальных наук дипломы вручил научный руководитель Института лингвистических исследований РАН, академик РАН Н. Н. Казанский и Уполномоченный по правам человека в Ленинградской области С. С. Шабанов.

После объявления об окончании торжественной церемонии долго звучали аплодисменты выпускников: университету, преподавателям, друзьям-однокурсникам и счастливым родителям.

Торжественная церемония вручения дипломов с отличием лучшим выпускникам СПбТУиЭ в Доме архитектора, особняке председателя Российского исторического общества Александра Половцева

ПРЕДСТАВИТЕЛИ СПБУТУиЭ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ФОРУМАХ ПО ПРОБЛЕМАМ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

20–23 июня 2019 г. состоялся IV Международный научный форум «Государственное управление: роль граждан в построении цифрового государства». В его работе приняли участие заведующий кафедрой менеджмента и государственного и муниципального управления СПБУТУиЭ, кандидат экономических наук, доцент Е. В. Ушакова, доцент кафедры менеджмента и государственного и муниципального управления СПБУТУиЭ, председатель Совета муниципальных образований, кандидат военных наук В. Ф. Беликов, профессор кафедры экономической теории и экономики предпринимательства, доктор экономических наук, профессор О. В. Бургонов, доцент кафедры менеджмента и государственного и муниципального управления СПБУТУиЭ, кандидат экономических наук, доцент Е. В. Воронина.

Деловая программа форума открылась пленарным заседанием «Цифровое государство с человеческим лицом», на котором обсудили вопросы цифровизации государственного управления в России и за рубежом, модели, инструменты и наглядные примеры вовлечения граждан в электронное управление, осуществление государственного управления в эпоху больших данных.

Заведующий кафедрой менеджмента и государственного и муниципального управления СПБУТУиЭ, кандидат экономических наук, доцент Е. В. Ушакова и заместитель председателя правления Германо-Российского форума, почетный профессор СПБУТУиЭ В. Бергманн на IV Международном научном форуме «Государственное управление: роль граждан в построении цифрового государства»

Участниками выступили программный директор по электронной демократии e-Governance academy (Эстония) К. Рейнсалу, научный сотрудник Carleton University (Канада) М. Жеребцов, проректор РАНХиГС при Президенте РФ Д. А. Буташи, заместитель руководителя Аналитического центра при Правительстве РФ М. В. Прядильников, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, доктор экономических наук В. А. Шамахов, заместитель председателя Правительства — председатель Комитета экономического развития и инвестиционной деятельности Ленинградской области, кандидат политических наук Д. А. Ялов, президент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», док-

тор экономических наук, профессор А. М. Ходачек, заместитель председателя правления Германо-Российского форума, почетный профессор СПБУТУиЭ В. Бергманн.

Внедрение нового механизма — цифровизации — в различные сферы общества до сих пор вызывает множество вопросов у экспертов. В цифровой экономике должны регулироваться направления, относящиеся к проблеме защиты данных, разрабатываться эффективные способы контроля конфиденциальной информации. С докладом «Развитие гражданского участия в местном самоуправлении» выступил доцент кафедры менеджмента и государственного и муниципального управления СПБУТУиЭ, председатель Совета муниципальных образований, кандидат военных наук В. Ф. Беликов.

Кроме того, в июне директор Института международных программ, кандидат экономических наук, доцент А. Ю. Румянцева и директор Института экономики, менеджмента и информационных технологий СПБУТУиЭ, кандидат экономических наук, доцент Е. Ф. Щипанов представили СПБУТУиЭ на одном из ключевых событий года в сфере IT и экономики — Международном конгрессе по кибербезопасности. Конгресс стал международной межотраслевой площадкой для диалога представителей органов государственной власти, лидеров мирового бизнеса и ведущих экспертов по самым острым и актуальным вопросам защиты от киберугроз в эпоху глобальной цифровой трансформации.

Участники пленарной сессии Международного конгресса по кибербезопасности

С приветственным словом к участникам пленарной сессии конгресса обратился председатель Правительства России Д. А. Медведев. В дискуссии на тему «Безопасный цифровой мир — будущее или утопия?» участвовали заместитель председателя Правительства РФ М. А. Акимов, председатель Центрального банка России Э. С. Набиуллина, председатель правления ПАО «Сбербанк» Г. О. Греф, член правления, руководитель Центра по кибербезопасности Всемирного экономического форума А. Цвингги, управляющий Международным финансовым центром в Астане К. Н. Келимбетов. Спикеры подчеркнули, что необходимо развитие образовательных программ в сфере кибербезопасности.

В аналитическом отчете, представленном участникам форума, отмечено, что кибератаки занимают

Представители СПбУТУиЭ на Международном конгрессе по кибербезопасности: директор Института экономики, менеджмента и информационных технологий СПбУТУиЭ, кандидат экономических наук, доцент Е. Ф. Щипанов и директор Института международных программ, кандидат экономических наук, доцент А. Ю. Румянцева

пятое место в рейтинге наиболее вероятных мировых угроз; 13 млн долл. — средний ущерб компании от кибератаки; трое из десяти сотрудников российских компаний уязвимы к фишингу; каждые четыре секунды в сети появляется новый вредоносный файл; основные угрозы ориентированы на лиц в возрасте 26–40 лет. Представители университета приняли участие в открытых панельных дискуссиях «Путь к глобальной киберустойчивости — только вместе?», «Стратегии кибербезопасности: финансовая отрасль», «Стратегии кибербезопасности: критическая инфраструктура», а также в тематической сессии докладов «Развитие киберпотенциала».

А. Ю. Румянцевой и Е. Ф. Щипановым проведены переговоры о партнерстве в научно-образовательных сферах с ведущими игроками международного и российского рынка, работающими в сфере кибербезопасности.

Кроме того, в июне преподаватели Института международных программ СПбУТУиЭ участвовали в работе симпозиума молодых ученых «Цифровые трансформации: перспективные социально-экономические и гуманитарные исследования». Симпозиум молодых ученых состоялся в рамках конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2019). Одной из задач симпозиума стало формирование сообщества молодых специалистов — преподавателей, магистрантов, аспирантов вузов, ведущих исследования и разработки в области технологий информационного общества, цифровых трансформаций в различных сферах. На этом мероприятии были представлены доклады, отражающие перспективные разработки, а также практические результаты научных исследований.

РЕКТОР СПБУТУиЭ ОЛЕГ СМЕШКО ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ В РАБОТЕ VI ФОРУМА РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Трехдневный межрегиональный диалог стартовал 16 июля в Санкт-Петербурге в Таврическом дворце. На пленарном заседании ректоров вузов России и Белоруссии обсуждались перспективные направления сотрудничества в области высшего и среднего профессионального образования. В рамках форума организована также выставка-презентация научных достижений белорусских и российских университетов.

Диалог ректоров двух стран открывал всестороннее обсуждение межрегиональных связей двух государств как основы формирования единого культурного и гуманитарного пространства российского и белорусского народов. Его аспекты рассмотрены в течение трех дней. Итоги форума подведены

18 июля при участии Президента РФ В. В. Путина и Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко.

Справка:

Форум регионов проводится ежегодно — поочередно на территории России и Белоруссии. Его организаторами выступают парламенты двух стран — Совет Федерации и Совет Республики. I форум регионов (300 участников) состоялся в 2014 г. в Минске и принял ряд важных решений в сфере агропромышленной интеграции. Форумы дважды принимал Минск, а также Сочи, Москва и Могилев. Их итогом стало заключение коммерческих контрактов и соглашений на сумму около 930 млн долл.

Основные условия и требования к оформлению рукописей научных статей, представляемых в РНЖ «Экономика и управление»

Журнал издается Санкт-Петербургским университетом технологий управления и экономики (СПбУТУиЭ) под научно-методическим руководством Отделения общественных наук Российской академии наук с 1995 г.

Российский научный журнал «Экономика и управление» входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются экспертными советами по экономике, а также управлению, вычислительной технике и информатике Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. В 2009 г. РНЖ «Экономика и управление» удостоен высокого звания лауреата всероссийского конкурса журналистов «Экономическое возрождение России» в номинации «Лучшее специализированное информационно-аналитическое издание по инновационной тематике».

Для публикации в журнале «Экономика и управление» принимаются статьи на русском языке, содержащие описание актуальных фундаментальных технологий, результаты научных и научно-методических работ, посвященных проблемам социально-экономического развития, а также отражающие исследования в области экономики, управления, менеджмента и маркетинга. Предлагаемый материал должен быть оригинальным, не публиковаться ранее в других печатных изданиях, тематически соответствовать профилю журнала.

Обязательные требования к содержанию статей, предназначенных для публикации в журнале «Экономика и управление»

Чтобы статья успешно прошла научное рецензирование и была принята для публикации в журнале, она должна иметь следующую структуру.

1. Актуальность проблемы, ее сущность и общественно-научная значимость.
2. Освещение данной проблемы и опыта ее решения в зарубежной и отечественной литературе, анализ законодательства и нормативно-правовой базы (если это в русле авторского замысла).
3. Критический анализ имеющихся в литературе, экономической и управленческой практике подходов к решению проблемы.
4. Научно обоснованные предложения автора по решению проблемы (систематизированное изложение авторской идеи (идей): методов, концептуальных положений, моделей, методик и пр., направленных на разрешение проблемы. Эти взгляды должны быть аргументированы и обоснованы, по возможности подтверждены расчетами, фактами, статистикой и пр. При необходимости в качестве элементов обоснования приводятся формулы, таблицы, графики и др.
5. Краткие выводы, резюмирующие проведенные исследования, отражающие основные их результаты.
6. Научная и практическая значимость материала статьи с изложением рекомендаций (как, где авторские предложения могут быть использованы, что для этого следует сделать) и теоретического развития авторских идей в дальнейшем.

Основные требования к сдаче в издательство рукописей, предназначенных для публикации в журнале «Экономика и управление»

1. Статья должна содержать:
 - 1.1. Аннотацию (расширенную; в аннотации должны отражаться цель, задачи, методология, результаты, выводы).
 - 1.2. Ключевые слова (от 5 до 7 слов), разделенные запятой.
 - 1.3. Сведения об авторе: место работы каждого автора (если таковое имеется) в именительном падеже, его должность и регалии, контактную информацию (почтовый адрес, e-mail).
 - 1.4. Внешнюю рецензию на статью с подписью и печатью.
2. Оформление статьи
 - 2.1. Объем статьи должен составлять от 0,4 до 1 а. л. (1 а. л. — 40 000 знаков, считая пробелы).
 - 2.2. В верхнем правом углу первой страницы статьи должна содержаться информация об авторе: Ф.И.О. (полностью), должность, название организации и ее структурного подразделения, адрес. Ученая степень, ученое звание, почетное звание (если таковые имеются).

- 2.3. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14 пунктов. Поля: 2,5 — левое и по 2 см — остальные, печать текста на одной стороне листа, оборот листа — пустой. Страницы должны быть пронумерованы.
- 2.4. Список литературы должен содержать библиографические сведения обо всех публикациях, упоминающихся в статье, расположенные в порядке упоминания в квадратных скобках, и не должен включать в себя работы, на которые в тексте отсутствуют ссылки. Все ссылки в статье, должны быть затекстовыми (расположенными в конце статьи), с указанием в основном тексте порядкового номера источника и упоминаемых страниц. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать страницы: в случаях ссылки на публикацию в журнале, газете, сборнике (периодическом издании) — интервал страниц, а в случаях ссылки на монографию, учебник, книгу — общее число страниц в этом издании.

3. Иллюстративный материал

- 3.1. Рисунки, диаграммы, таблицы и графики должны быть вставлены в текст статьи на соответствующее им место.
- 3.2. Если иллюстрации отрисованы авторами самостоятельно в формате Word или Excel, то не следует заверстывать их в другие программы!
- 3.3. Остальные иллюстрации также присылать только в исходном формате:
- отсканированные с разрешением на 300 dpi иллюстрации в формате .tif либо .jpg вставляются в текст статьи на соответствующее место и дополнительно отправляются отдельными файлами, не вставленными в текст;
 - иллюстрации из сети Интернет вставляются в текст статьи и дополнительно присылаются отдельными файлами в том формате, в котором были скачаны.
- 3.4. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого.
- 3.5. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

Статья представляется в электронном виде (по электронной почте или на носителе информации) в формате Microsoft Word.

Для получения полной информации о требованиях к публикации просьба обращаться в издательство. Адрес электронной почты издательства СПбГУиЭ: izdat-ime@yandex.ru; тел.: (812) 448-82-50.

Basic Conditions and Requirements for Research Articles Submitted to the Russian Academic Journal "Economics and Management"

The Basic Requirements to script submissions for publisher of Economics and Management

1. Contents

- Summary should contain the aim, tasks, methods and results of research. Please find the Summary Guidance on *Economics and Management* web-site
- List of key words should contain 5 to 7 items separated by semicolon
- Information about the author should contain job position, regalia and location using subjective case together with personal details and contact information
- One signed photograph. Electronic version should contain .tif or .jpg formats only
- External review signed and sealed

2. Layout

- Size should be not less than 0.4 and not more than 1 author's list
- Personal information should be placed in the top right corner of the front page starting with the name, position, regalia, company name with full address, etc.
- Please use the Times New Roman size 14 with 2.5 cm border on the left and 2 cm on the right, top and bottom sides
- List of references should contain bibliography on all publications mentioned in the article. Please use square brackets for numbers in the order of their appearance in the article. The sources not mentioned in the article should not be used in this list. All the references should be positioned at the very end of the article using numbers shown in square brackets with detailed position in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number (s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication

3. Graphics

- All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article
- Please use .doc or .exe formats in case illustrations were made by the author personally in the same format
- For all the other illustrations please use the original format
- Illustrations scanned in .tif or .jpg using 300 dpi apart from being placed in the text should be sent separately in attached file
- Illustrations copied from Internet should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format
- The picture in the article should be of the same size as it is shown in original source
- Recommended amount of pictures and illustrations should not exceed three items

Please send all the articles printed on A4 paper format together with electronic version using Microsoft Word. Both versions should be identical.

Contact details:
Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103
Publishing house
of the Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics.

Tel.:
+7 (812) 448-82-50

E-mail:
izdat-ime@yandex.ru